

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (35) 2021

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд. юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Щарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Кабанова Ю.С., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шاپорев Д.А., канд. ист. наук, доцент
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с АО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 16.09.2021.
Выход в свет 13.09.2021.
Заказ № 411. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 22,5. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2021

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (35) 2021

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor

Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor

Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor

Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences

Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor
of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences

Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor

Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences

Bachurin A.G., Candidate of Juridical Sciences

Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Botvin I.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Cherepanova O.S., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Davidov S.I., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kabanova Ju.S., Candidate of Juridical Sciences

Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shapov D.A., Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shmidt A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZL»
Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 16.09.2021.
Issue date 13.09.2021.
Order 411. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 22,5.
Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Аничкин Е.С., Серебряков А.А.</i> Интеграция российских исследовательских групп в международные научные коллаборации с участием стран Шанхайской организации сотрудничества: перспективы правового регулирования	7
<i>Бегишев И.Р.</i> Проблемы правового регулирования робототехники	12
<i>Головинов А.В., Головинова Ю.В.</i> К характеристике гендерного равенства в странах Запада	17
<i>Ипполитов П.Л., Кубиясова А.М.</i> Об отдельных аспектах формирования понятия «безопасность личности» как теоретико-правовой категории	22
<i>Кушир И.В.</i> Дисфункция юридической ответственности: общетеоретический ракурс исследования ..	27
<i>Мазурин В.В.</i> Искусственный интеллект в реализации норм финансового права	34
<i>Шатилов С.П., Шатилова О.А.</i> Борьба с бюрократизмом в системе государственного управления ...	39

Административное право и административный процесс

<i>Вагайцев В.М.</i> Ограничение пребывания несовершеннолетних в отдельных местах как мера профилактики правонарушений	44
<i>Веренич А.В.</i> Административно-правовая защита несовершеннолетних при нарушении их прав членами семьи	49
<i>Калинин С.В., Левченко А.А., Федулов Б.А.</i> Особенности профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного полиции	54
<i>Мальченкова В.В., Мальченков Е.В.</i> К вопросу о профессиональной адаптации участковых уполномоченных полиции к условиям службы в органах внутренних дел	58
<i>Овчинникова О.Д., Шаганян А.М.</i> Противодействие возникновению и распространению экстремистских идей в миграционной среде	63
<i>Сабинин А.А.</i> Коррупционные риски сотрудников Госавтоинспекции при проведении экзаменов на право управления транспортными средствами	68

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Борков В.Н.</i> Уголовно-правовой аспект создания объекта посягательства для выявления серийного преступника	74
<i>Волкова А.Ю.</i> Исторический аспект согласия лица на причинение вреда в отечественных уголовно-правовых реалиях	79
<i>Глебова Е.П.</i> Социальная обусловленность уголовной ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи	84
<i>Ермакова О.В.</i> Ценность понятия «механизм преступного деяния» для уголовно-правовой науки, законодательства и правоприменения	90
<i>Малетина М.А.</i> Склонение к самоубийству двух или более лиц: проблемы квалификации	94
<i>Поливанов А.В.</i> Пранк как новая форма девиантного поведения	98
<i>Семенюк Р.А.</i> Насилие в отношении сотрудников органов внутренних дел и оскорбление их: криминологический анализ	104
<i>Сидорова Е.З.</i> Федеральная уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде (на примере правовых актов Президента России)	110

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Афанасьев А.Ю.</i> О понятии уголовно-процессуальной науки	114
<i>Белов М.В.</i> Процессуальный статус обвиняемого на этапе окончания дознания: формальность или гарантия обеспечения прав и законных интересов?	120
<i>Князьков А.С., Шебалин А.В.</i> Проблемы криминалистической классификации следственных действий	125
<i>Колесник В.В.</i> Цель уголовного процесса в концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом	132

<i>Коновалов П.Н.</i> Специфика правового регулирования способов получения сведений, составляющих банковскую тайну, при производстве предварительного расследования	139
<i>Лукьянова А.А.</i> Обыск в жилище: от проблемы исполнения судебного решения к правовой природе судебного контроля	145

Гражданско-правовые отношения

<i>Булгакова В.Р.</i> Подделка и использование заведомо подложного гражданско-правового договора: межотраслевой подход к квалификации	151
<i>Кабанова Ю.С., Злотникова К.А.</i> К вопросу о праве сотрудников органов внутренних дел на жилищное обеспечение	156
<i>Минкина Н.И.</i> Социальное партнерство в сфере труда: история и перспективы развития в России.....	162
<i>Федоренко Г.Б.</i> О последних тенденциях правового регулирования усыновления, осложненного иностранным элементом, в Российской Федерации.....	167
<i>Чечетин А.Е., Шатохин И.Д.</i> К вопросу об обоснованности ограничения права собственности в оперативно-розыскной деятельности (по материалам практики Конституционного Суда Российской Федерации)	172

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Anichkin E.S., Serebryakov A.A.</i> Integration of Russian Research Groups into International Scientific Collaborations with the Participation of the Shanghai Cooperation Organization Countries: Prospects of Legal Regulation.....	7
<i>Begishev I.R.</i> Problems of Legal Regulation of Robotics	12
<i>Golovinov A.V., Golovinova Yu.V.</i> Revisiting the Characteristics of Gender Equality in the Western Countries	17
<i>Ippolitov P.L., Kubiysova A.M.</i> Some Aspects of Formation of the Concept of «Personal Security» as a Theoretical and Legal Category	22
<i>Kushnir I.V.</i> Dysfunction of Legal Responsibility: a General Theoretical Perspective of the Study	27
<i>Mazurin V.V.</i> Artificial Intelligence in the Implementation of the Standards of Financial Law	34
<i>Shatilov S.P., Shatilova O.A.</i> Struggle against Bureaucracy in the System of Public Administration	39

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Vagaytsev V.M.</i> Restriction of the Stay of Minors in Separate Places as an Offenses Preventing Measure	44
<i>Verenich A.V.</i> Administrative and Legal Protection of Minors in Case of Violation of their Rights by Family Members	49
<i>Kalinin S.V., Levchenko A.A., Fedulov B.A.</i> Features of Professional and Legal Culture of the District Police Officer	54
<i>Malchenkova V.V., Malchenkov E.V.</i> Revisiting the Professional Adaptation of District Police Officers to the Conditions of Service in the Internal Affairs Bodies	58
<i>Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M.</i> Countering the Emergence and Spread of Extremist Ideas in the Migration Environment.....	63
<i>Sabinin A.A.</i> Corruption Risks of Employees of the State Traffic Inspectorate when Conducting Examinations for the Right to Drive Vehicles	68

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Borkov V.N.</i> Criminal Legal Aspect of the Creation of an Object of Encroachment to Identify a Serial Criminal	74
<i>Volkova A.Yu.</i> Historical Aspect of Personal Consent to Causing Harm in Domestic Criminal Legal Realities.....	79
<i>Glebova E.P.</i> Social Conditionality of Criminal Liability for Obstructing the Provision of Medical Care.....	84
<i>Ermakova O.V.</i> Value of the Concept of «Mechanism of a Criminal Act» for Criminal Law Science, Lawmaking and Law Enforcement.....	90
<i>Maletina M.A.</i> Prevention to Suicide of Two or More Persons: Qualification Problems.....	94
<i>Polivanov A.V.</i> Prunk as a New Form of Deviant Behavior	98
<i>Semeniuk R.A.</i> Violence against Employees of the Internal Affairs Bodies and their Insult: a Criminological Analysis.....	104
<i>Sidorova E.Z.</i> Federal Criminal Policy in the Field of Crime Prevention in the Educational Environment (on the Example of Legal Acts of the President of Russia)	110

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Afanasyev A.Yu.</i> About the Concept of Criminal Procedural Science	114
<i>Belov M.V.</i> Procedural Status of the Accused at the End of the Inquiry: a Formality or a Guarantee of Ensuring the Rights and Legitimate Interests?	120
<i>Knyazkov A.S., Shebalin A.V.</i> Problems of Criminalistic Classification of Investigative Actions.....	125
<i>Kolesnik V.V.</i> Purpose of Criminal Proceedings in the Concept of Encouraging Participants in Criminal Proceedings to Cooperate with Preliminary Investigation Bodies and the Court.....	132
<i>Konovalov P.N.</i> Specifics of Legal Regulation of Ways to Obtain Information Constituting a Bank Secret during the Preliminary Investigation	139

<i>Lukyanova A.A.</i> Search of Dwelling: from the Problem of the Enforcement of Judicial Decision to the Legal Nature of Judicial Control.....	145
---	-----

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Bulgakova V.R.</i> Forgery and Use of a False Civil Agreement: Interdisciplinary Approach to Qualification...151	
<i>Kabanova Yu.S., Zlotnikova K.A.</i> Revisiting the Right of Employees of the Internal Affairs Bodies to Housing Provision.....	156
<i>Minkina N.I.</i> Social Partnership in the World of Work: History and Prospects of Development in Russia....	162
<i>Fedorenko G.B.</i> On the Latest Trends in Legal Regulation of Adoption by Foreign Citizens in the Russian Federation.....	167
<i>Chechetin A.E., Shatokhin I.D.</i> Revisiting the Validity of the Restriction of Property Rights in Operative Investigative Activities (Based on the Materials of the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation).....	172

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 341

Е.С. Аничкин, доктор юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: rrd231@rambler.ru;

А.А. Серебряков

Алтайский государственный университет

E-mail: goodwrong@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ГРУПП В МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОЛЛАБОРАЦИИ С УЧАСТИЕМ СТРАН ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

В статье анализируются существующие формы международной научной и научно-технической коллаборации между странами Шанхайской организации сотрудничества, отмечаются их недостатки. Авторы формулируют перспективные векторы правового регулирования взаимодействия ученых в международных научных коллаборациях между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: международное научное и научно-техническое сотрудничество, международное право, наука, научная коллаборация, правовое регулирование научно-исследовательской деятельности, региональные международные организации, Шанхайская организация сотрудничества.

E.S. Anichkin, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Altai State University

E-mail: rrd231@rambler.ru;

A.A. Serebryakov

Altai State University

E-mail: goodwrong@gmail.com

INTEGRATION OF RUSSIAN RESEARCH GROUPS INTO INTERNATIONAL SCIENTIFIC COLLABORATIONS WITH THE PARTICIPATION OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION COUNTRIES: PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

The article analyzes the existing forms of international scientific and scientific-technical collaboration between the countries of the Shanghai Cooperation Organization, notes their shortcomings. The authors formulate promising vectors of legal regulation of the main types of interaction between scientists in international scientific collaborations between the member states of the Shanghai Cooperation Organization.

Key words: international research and development cooperation, international law, the science, scientific collaboration, legal regulation of research and development, regional international organizations, Shanghai Cooperation Organization.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

В концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации одной из важных характеристик современного этапа развития такого сотрудничества называется формирование глобальной институциональной и материальной инфраструктуры исследований и разработок, а также международных научно-технологических коллабораций [4]. Вместе с тем актуальной проблемой остается расширение представительства Российской Федерации в глобальных и региональных научных проектах. Несмотря на участие российских ученых в таких мегасайенс-проектах, как LHC, ITER, FAIR, European XFEL, INPRO, возникает насущная потребность создания новых международных научно-технологических коллабораций, в т.ч. регионального уровня. Это обусловлено по меньшей мере тремя обстоятельствами. Первое состоит в том, что изменения внешнеполитической обстановки, сопровождающиеся массивным санкционным давлением в отношении России, способны оказывать долгосрочное негативное влияние, формируя неравенство в глобальной науке в противоречии с целями устойчивого развития [12]. В частности, это может приводить к ограничениям публикационных возможностей ученых из стран, на которые распространяются те или иные санкции [16]. Второе обстоятельство заключается в необходимости расширения тематических направлений международного научного и научно-технического сотрудничества, в т.ч. в сфере гуманитарных и общественных наук. Третье – важность переориентации на ведущие азиатские страны и научные коллаборации с их преимущественным участием, обусловленной, с одной стороны, их динамичным экономическим ростом, с другой стороны, сложными отношениями России со странами Западной Европы и США.

Исследователи отмечают, что мультиинституциональное сотрудничество в научной и научно-технической сферах в настоящее время характеризуется не только разнообразными формами (например, партнерства, консорциумы, соглашения о совместных научных исследованиях, научно-технические центры, объединяющие различные научные организации и пр.), но и стиранием традиционных границ между типами исследований, секторами и дисциплинами [13, р. 750]. Указанные особенности диктуют необходимость разработки новых способов содействия вхождению российских ученых в международные научные и научно-технические коллаборации, в т.ч. междисциплинарной направленности.

В литературе научная коллаборация определяется как организационное объединение ученых, включающее исследователей различных организаций, в т.ч. и из различных стран, которое поддерживает обширное и повторяющееся человеческое взаимодействие, ориентировано на общую область исследо-

вания и обеспечивает доступ к источникам данных, экспонатам и инструментам, необходимым для выполнения задач исследования [2, с. 32].

Следует также отметить, что характерной чертой научной коллаборации является сотрудничество сторон по совместным приоритетам или приоритетным областям, которые, как правило, закрепляются в двусторонних и многосторонних международных договорах, в т.ч. заключенных между участниками международных организаций в целях выполнения возложенных на них задач [5, с. 23].

Вместе с тем следует различать коллаборацию как форму научного и научно-технического сотрудничества, для которой характерны выполнение однородных научно-технических задач в рамках общего планирования при сохранении финансовой независимости сторон [5, с. 23], и международную научную коллаборацию в широком контексте [17, р. 646]. В последнем случае научная коллаборация выступает синонимом понятия «научное и научно-техническое сотрудничество». В настоящем исследовании авторы придерживаются широкого подхода к определению международной научной коллаборации.

Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве в ст. 1 определяет приоритетные направления сотрудничества, относя к ним охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов; науки о жизни; сельскохозяйственные науки; наносистемы и материалы; информационные и телекоммуникационные технологии; энергетику и энергосбережение; науки о Земле, в т.ч. сейсмологию и геологию [9].

Однако в целях эффективной реализации международного научного и научно-технического сотрудничества между странами Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) в рамках указанных приоритетных направлений для интенсификации деятельности коллаборации необходимы новые механизмы.

Представляется, что формы международной научной и научно-технической коллаборации во многом определяются типами взаимодействия между исследователями. Выделяют три типа взаимодействия такого рода: образовательное, исследовательское, комплексное [15]. Основными формами международной научной коллаборации при образовательном взаимодействии выступают проведение международных научных и научно-технических конференций/семинаров; международные программы академической мобильности, программы двух дипломов. В рамках ШОС подобные формы коллаборации достаточно распространены. В частности, функционирует Университет ШОС, посредством которого обеспечивается взаимодействие образовательных и научных

организаций. В список вузов Университета ШОС включены 14 университетов Республики Казахстан, 24 университета Китайской Народной Республики, 8 вузов из Киргизии, 11 университетов из Таджикистана, 20 университетов из России [11]. Несмотря на это, до сих пор не представляется возможным говорить о формировании единого образовательного пространства между странами ШОС [1]. Кроме того, университеты таких государств – членов ШОС, как Индия, Пакистан и Узбекистан, в деятельности Университета ШОС до сих пор не принимают участия.

Развитие программ академической мобильности в странах ШОС также сопряжено с рядом проблем. Среди них исследователи отмечают несистемность и малое количество нормативных правовых актов, регламентирующих академическую мобильность, при преобладающем числе актов программного характера и бланкетных норм международных соглашений, слабость и ограниченность механизмов мобильности исследователей в сетевом университете ШОС [3, с. 127]. Не менее важной является также проблема слабой унификации академических стандартов, на что указывают некоторые исследования [14].

Второй тип – исследовательское взаимодействие, включающее такие формы международной научной коллаборации, как совместные публикации, государственные финансируемые научно-исследовательские программы, совместные научные мероприятия, а также проведение контрактных исследований. Данные формы сотрудничества осуществляются преимущественно на двусторонних началах. В качестве примера можно привести совместный конкурс Российского научного фонда и Государственного фонда естественных наук Китая на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами из России и Китая [7]. Российский научный фонд на двусторонних началах также сотрудничает с Департаментом науки и технологий Министерства науки и технологий Индии, имеет опыт проведения совместных конкурсов с Академией общественных наук Китая, Национальной академией наук Киргизской Республики и др. [8].

Однако общие программы финансирования международных научных исследований по линии ШОС отсутствуют. Во многом это обусловлено положениями ст. 4 Соглашения между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве, согласно которому условия проведения, финансирование совместных научно-технических программ и проектов, а также мероприятий в рамках многостороннего сотрудничества согласовываются в каждом конкретном случае заинтересованными организациями государств.

Контрактные исследования часто предполагают привлечение отраслевых партнеров из реального сектора экономики. В практике большинства стран ШОС имеется опыт организации технопарков как одной из возможных моделей обеспечения взаимодействия научного сообщества и промышленных партнеров. Однако до недавнего времени идея развития транснациональных технопарков в рамках ШОС не включалась в официальную повестку. В феврале 2021 г. на заседании экспертов государств – членов ШОС состоялось обсуждение проекта Концепции создания Пула технопарков ШОС. Данная концепция ставит цели налаживания полноформатных взаимоотношений с ведущими технологическими компаниями, инновационными и исследовательскими парками государств – членов ШОС по реализации инновационных проектов, а также создания единой сети современных инновационных кластеров на рынках стран ШОС для устойчивого развития национальных экономик, повышения их глобальной конкурентоспособности на основе интеграции научно-образовательной и производственной сфер в странах ШОС [6].

Третий тип – комплексное взаимодействие. В данном случае международная научная коллаборация осуществляется в форме совместных исследований, нередко требующих использования глобальной исследовательской инфраструктуры. Для практической реализации данной формы коллаборации могут применяться две организационно-правовые модели: 1) создание и эксплуатация глобальной исследовательской инфраструктуры без учреждения специального юридического лица; 2) создание и эксплуатация глобальной исследовательской инфраструктуры путем учреждения специального юридического лица [10]. В частности, в Российской Федерации имеется опыт международной научной коллаборации в рамках первой модели, т.е. без учреждения специального юридического лица. Под эгидой Объединенного института ядерных исследований осуществляется реализация проекта NICA. Вместе с тем следует констатировать, что подобных проектов, объединяющих все страны ШОС, в настоящее время не существует.

Анализ существующих форм научного и научно-технического сотрудничества между странами ШОС и их недостатков позволяет предложить ряд перспективных направлений содействия по развитию международной научной и научно-технической коллаборации между исследователями из государств-членов ШОС.

В рамках образовательного взаимодействия представляется возможным говорить о двух основных векторах. Первый касается более эффективного использования ранее накопленного потенциала Университета ШОС. Опыт реализации базовыми университетами ШОС магистерских программ по

зволлил отработать основные механизмы межвузовской коммуникации. Следующей ступенью должна стать разработка и реализации докторских программ, программ постдоков, а также программ повышения квалификации и переподготовки научных кадров, в т.ч. в формате сетевого взаимодействия. Не менее важным является расширение числа партнеров программ Университета ШОС, в первую очередь за счет подключения к ним научных и образовательных организаций таких государств – членов ШОС, как Индия, Пакистан, Узбекистан. Кроме этого, необходимо большему числу национальных вузов придать статус базовых университетов ШОС. Реализация указанных мер позволит существенно продвинуться в формировании единого образовательного и научного пространства и создаст благоприятные условия для дальнейшего развития международной научной коллаборации в иных формах.

Следующий вектор связан с проблемой низкой вовлеченности научных кадров в академическую, в т.ч. исследовательскую, мобильность между странами ШОС, которая во многом обусловлена отсутствием современной разветвленной системы информационной поддержки исследователей. В качестве решения можно предложить организацию на ресурсной базе Университета ШОС единой виртуальной системы информационной поддержки академической, в т.ч. исследовательской, мобильности, доступ к которой предоставляется всем базовым университетам ШОС.

Совершенствование исследовательского взаимодействия представляется возможным посредством создания общего научного фонда ШОС, средства которого должны направляться на финансирование исследовательских программ с участием научных коллективов из двух и более государств – членов ШОС. Подобный подход может способствовать сокращению разрыва в научной сфере между отдельными странами ШОС, позволит наладить устойчивые научные контакты и активизировать транснациональное научное партнерство.

Инициатива по созданию Пула технопарков ШОС является важным шагом на пути развития на-

учной коллаборации в форме контрактных исследований. Однако важно учитывать, что правовые режимы технопарков могут существенно различаться в зависимости от содержания и качества национального регулирования. Необходимо на начальных этапах развития сформировать территории опережающего научного и научно-технического развития, закрепив их правовой режим в наднациональных источниках права. А в качестве основных участников рассматривать совместные инновационные предприятия, объединяющие представителей науки и реального сектора экономики.

Наконец, комплексное взаимодействие в форме масштабных совместных исследований не может возникнуть на пустом месте. Этому должна предшествовать кропотливая подготовительная работа. Предварительные исследования в таких случаях могут проводиться в формате экспериментального краткосрочного объединения интеллектуальных ресурсов и научной инфраструктуры – институтов перспективных исследований. Подобные институты могут выступать перекидным мостиком между формами исследовательского и комплексного взаимодействия, формировать необходимый задел для проектов класса мегасайенс в рамках приоритетных направлений сотрудничества стран ШОС.

Международная научная коллаборация выступает неотъемлемой частью глобальной науки. Последовательная политика национальных государств должна всячески способствовать развитию данного направления научного и научно-технического сотрудничества. В тех случаях, когда внешние неблагоприятные факторы ставят под угрозу взаимодействие исследователей различных стран и континентов, возникает потребность в развитии региональной научной коллаборации. Последовательное решение проблем образовательного, исследовательского и комплексного взаимодействия научных коллективов способно обеспечить циркуляцию умов (но не их утечку в страны Западной Европы и США), обогащение глобальной науки и устойчивое сбалансированное развитие национальных государств ШОС.

Литература

1. Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Коммуникативные и образовательные факторы, препятствующие развитию международного научного и научно-технического сотрудничества между странами Шанхайской организации сотрудничества // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32882 (дата обращения: 25.03.2021).
2. Богатов В.В., Сыроежкина Д.С. Коллаборации научных организаций как элемент инфраструктуры науки // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 4 (22). С. 30-44.
3. Давлетгильдеев Р.Ш., Цыганцова С.И. Особенности формирования евразийской региональной модели международно-правового регулирования исследовательской мобильности // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 127-139.

4. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации: одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).
5. Нечаева Е.К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 33 с.
6. О заседании экспертов государств – членов ШОС по обсуждению проекта Концепции создания Пула технопарков ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20210225/722653.html> (дата обращения: 25.03.2021).
7. РФ поддерживает 30 совместных российско-китайских научных коллективов. URL: <https://www.rscf.ru/news/found/30-sovmestnykh-rossiysko-kitayskikh-kollektivov/> (дата обращения: 25.03.2021).
8. Сайт Российского научного фонда. URL: <https://www.rscf.ru/contests/> (дата обращения: 25.03.2021).
9. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499074151> (дата обращения: 25.03.2021).
10. Теймуров Э.С., Кожеуров Я.С. Организационно-правовые модели международного научно-технического сотрудничества по созданию и эксплуатации глобальной исследовательской инфраструктуры в ядерной сфере // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. 2020. № 3. С. 21-36.
11. Университет ШОС. URL: http://rus.sectesco.org/about_sco/20190716/565375.html (дата обращения: 25.03.2021).
12. International Sanctions and Global Science. URL: <https://www.insis.ox.ac.uk/international-sanctions> (дата обращения: 25.03.2021).
13. Ivan Chompalov, Joel Genuth, Wesley Shrum, The organization of scientific collaborations, *Research Policy*, Volume 31, Issue 5, 2002, Pages 749-767. URL: [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(01\)00145-7](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(01)00145-7) (дата обращения: 25.03.2021).
14. Kirstin R.W. Matthews, Erin Yang, Steven W. Lewis, Brandon R. Vaidyanathan & Monica Gorman (2020) International scientific collaborative activities and barriers to them in eight societies, *Accountability in Research*, 27:8, 477-495.
15. Kotiranta A., Tahvanainen A., Kovalainen A., & Poutanen S. (2020). Forms and varieties of research and industry collaboration across disciplines. *Heliyon*, 6(3), e03404. URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03404> (дата обращения: 25.03.2021).
16. Sanctions on scientific publication. *Nat Neurosci* 7, 1163 (2004). URL: <https://doi.org/10.1038/nn1104-1163> (дата обращения: 25.03.2021).
17. Sonnenwald D. (2007). Scientific collaboration. *Annual Review Of Information Science And Technology*. 41. P. 643-681.

УДК 347:004.896

И.Р. Бегиев, канд. юрид. наук, заслуженный юрист Республики Татарстан

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

E-mail: begishev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ

Неоспоримым выступает тот факт, что робототехника и искусственный интеллект вносят неоценимый вклад в развитие практически всех отраслей экономики. И робототехника, и искусственный интеллект имеют множество преимуществ, но в то же время их использование связано с большим количеством рисков, имеющих различную природу. Все это порождает ряд правовых проблем, которые актуализируются с каждым днем. Правовые проблемы регулирования робототехники носят как глобальный, так и локальный характер, однако масштабы данных проблем не должны быть определяющим фактором при уточнении первичных и вторичных правовых проблем в данной области. В этой связи целью работы выступает определение круга правовых проблем, связанных с применением робототехники и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: робототехника, цифровые технологии, правовое регулирование, робот, искусственный интеллект, право, цифровая экономика.

I.R. Begishev, Candidate of Juridical Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

E-mail: begishev@mail.ru

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ROBOTICS

It is undeniable that robotics and artificial intelligence make an invaluable contribution to the development of almost all sectors of the economy. Both robotics and artificial intelligence have many advantages, but at the same time their use is associated with a large number of risks that have a different nature. All this gives rise to a number of legal problems that are becoming more relevant every day. Legal problems of robotics regulation are both global and local in nature, but the scale of these problems should not be a determining factor in clarifying the primary and secondary legal problems in this area. In this regard, the purpose of the work is to determine the range of legal problems associated with the use of robotics and artificial intelligence.

Key words: robotics, digital technologies, legal regulation, robot, artificial intelligence, law, digital economy.

Вопросы, связанные с проблемами правового регулирования робототехники, на сегодняшний день изучаются широкой юридической научной общественностью. Спектр выделенных в данном разрезе рисков довольно широк [1-2]. Значительная часть исследований указанных выше вопросов относится к предметной области. Например, авторы, изучающие правовые риски, возможные в результате внедрения робототехники, сосредотачивают свое внимание на таких отраслях, как здравоохранение, транспорт, оборона и безопасность.

Часть исследований касается аспектов, связанных с правосубъектностью, интеллектуальной собственностью, дискриминацией, несправедливостью, охраной труда, конфиденциальностью и защитой данных, кибербезопасностью, ответственностью за вред [30] и пр.

Рассмотрим указанные вопросы посредством выделения основных групп правовых проблем, возникающих в рассматриваемой сфере.

Первая проблема – отсутствие алгоритмической прозрачности. Данный вопрос стал предметом изучения ряда зарубежных правоведов [6, 12, 24]. Серьезность данного аспекта подтверждается тем, что она наиболее часто становится предметом дискуссий юристов. Так, авторы считают, что, учитывая распространение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в областях повышенного риска, необходимо, чтобы он был подотчетным, справедливым и прозрачным [9]. Отсутствие алгоритмической прозрачности спорно еще и по той причине, что сбои в программном обеспечении ИИ могут привести к нарушению прав и свобод человека и гражданина [14].

Для решения данной правовой задачи предлагалось повысить осведомленность граждан в области алгоритмов принятия различных управленческих решений, а также установить виновных и привлечь их к ответственности за совершение сбоев в программном обеспечении.

Также было высказано предположение о необходимости осуществления глобальной координации алгоритмического управления [25]. Кроме того, было предложено разработать и принять так называемый стандарт алгоритмической прозрачности [21]. Однако у алгоритмической прозрачности есть свои ограничения, и, даже когда результаты интеллектуальной системы могут быть объяснены, субъекты, принимающие решения, могут не соглашаться с ними.

Некоторые из предложенных выше решений, хотя и являются чрезвычайно ценными, представляются относительно новыми и все еще находятся в процессе разработки, поэтому на данном этапе их эффективность невозможно полностью оценить.

В качестве второй проблемы следует выделить уязвимость кибербезопасности.

Авторы освещают различные проблемы безопасности, связанные с робототехникой и ИИ, например:

- полностью автоматизированное принятие решений, приводящее к дорогостоящим ошибкам и гибели людей;

- использование оружия, созданного на основе ИИ и способного к действиям без участия человека;
- применение ИИ в интересах национальной безопасности.

Все вышеизложенное открывает новый вектор атаки, основанный на уязвимости цифрового программного обеспечения, использовании методов сетевого вмешательства и др. [26].

Не менее сложными представляются проблемы, связанные с внутренней безопасностью, например расширение сети искусственных агентов для наблюдения за гражданским населением в интересах правительств. Данные действия напрямую могут повлиять на основные права и свободы граждан. Подобные проблемы имеют большое значение, поскольку наносят серьезный ущерб обществу и отдельным лицам, создавая угрозу жизни и безопасности человека и доступу к ресурсам. Уязвимости кибербезопасности также представляют собой значительную угрозу, если их обнаружение происходит уже после того, как инцидент информационной безопасности произошел.

Эффективное решение таких проблем требует активного и оперативного использования правовых инструментов на всех этапах жизненного цикла рассматриваемых сквозных цифровых технологий, таких как разработка, внедрение и использование. В частности, необходимо принятие нормативных правовых актов, регулирующих права и обязанности специалистов и пользователей, имеющих доступ к той или иной интеллектуальной системе.

Третья проблема – это проблема дискриминации личности.

Данная проблема была признана серьезной рядом авторов на том основании, что алгоритмы и автоматизированные системы использовались для принятия решений, связанных с реализацией прав граждан. Это решения, связанные со здоровьем, трудоустройством, кредитом, правосудием и страхованием [5].

В документе Агентства Европейского Союза по основным правам описывается потенциал дискриминации отдельных лиц с помощью алгоритмов и говорится, что принцип недискриминации, закрепленный в статье 21 Хартии основных прав Европейского Союза, необходимо учитывать при применении алгоритмов в повседневной жизни. Документ включает примеры, демонстрирующие отдельные виды дискриминации: автоматический отбор кандидатов для собеседований, определение риска при оценке кредитоспособности или в ходе испытаний кандидата [16].

В отчете Европейского парламента указано, что из-за наборов данных и алгоритмических систем, используемых при оценке и прогнозировании на разных этапах обработки данных, большие данные могут приводить не только к нарушениям основных прав людей, но также к дифференцированному обращению и косвенной дискриминации в отношении групп людей со схожими характеристиками, особенно в отношении справедливости и равенства возможностей доступа к образованию и занятости, при найме или оценке отдельных лиц или при определении новых потребительских привычек пользователей социальных сетей [15].

В отчете содержится призыв к Европейской комиссии, государствам-членам и органам по защите данных выявить и принять любые возможные меры для минимизации алгоритмической дискриминации и предвзятости и разработать прочную и общую этическую основу для прозрачной обработки персональных данных и автоматизированного принятия решений [15].

В свете обозначенной проблемы были предложены различные варианты решений. Например, проведение регулярных оценок репрезентативности наборов данных, внесение технологических или алгоритмических корректировок для компенсации проблемных предубеждений ИИ [13], участие людей в процессе оценки [4].

Хотя законодательство четко регулирует и защищает от дискриминационного поведения, есть мнение, что оно не соответствует требованиям. Так, было определено, что закон не может быть применим в том случае, если он не распространяется на то, что прямо не защищено законом от дискриминации. Человеческий фактор может привести дополнительные правовые проблемы в рамках рассматриваемого вопроса. Повышение прозрачности алгоритмов не означает, что они станут более понятными для людей, также может обостриться проблема раскрытия личных данных. Чтобы алгоритмический аудит был эффективным, требуется целостный, междисциплинарный, научно обоснованный и этически выработанный подход [18].

Четвертая проблема – это проблема правового статуса робота. Достаточно остро в настоящий момент ведутся дискуссии о том, подходят робототехнические системы под существующие правовые категории или следует создать новую категорию права со своими собственными особенностями и последствиями. Исследователи ставят вопрос, можно ли считать роботов субъектами права [10-11].

Группа экспертов высокого уровня по ИИ (AI HLEG) особо призвала «лиц, определяющих политику, воздерживаться от установления юридического лица для систем ИИ или роботов», подчеркнув, что

это «в корне несовместимо с принципом человеческой деятельности, подотчетности и ответственности» и представляет собой «значительный моральный риск» [20]. Однако параллельно существуют мнения о том, что «правосубъектность ИИ может быть оправдана как элегантное решение прагматических проблем, возникающих из-за трудностей распределения ответственности за ИИ или в качестве поддержки моральных принципов ИИ» [29].

Другие авторы предполагают, что в будущем искусственные сущности получат гражданство, и считают, что правовой статус небиологического интеллекта важно учитывать [22]. Однако большинство авторов придерживаются позиции, которая отрицает необходимость создания нового юридического лица на базе систем ИИ. Так, отдельные исследователи, которые рассматривали вопрос о юридической ответственности автономных машин, утверждают, что «автономным машинам не может быть предоставлен статус юридических агентов» [7]. Другие авторы считают, что предоставление юридического лица чисто синтетическим объектам станет вполне реальной юридической возможностью, но полагают, что такие «законодательные меры были бы морально ненужными и юридически проблемными» [8].

В качестве пятой проблемы следует обозначить сложности с решением вопросов конфиденциальности и защиты данных.

Ученые-юристы и специализированные правовые организации считают, что ИИ создает огромные проблемы с конфиденциальностью и защитой данных [27]. К ним относятся информированное согласие, нарушение прав отдельных лиц на защиту данных, например права доступа к личным данным, права на предотвращение обработки данных, которая может причинить ущерб, права не подчиняться решению, основанному исключительно на автоматизированной интеллектуальной обработке и др.

Исследователи также подчеркивают озабоченность по поводу алгоритмической подотчетности и подчеркивают, что «физическим лицам предоставляется ограниченный контроль и надзор за тем, как их личные данные используются», и призывают к новой защите данных через «право на разумные выводы», чтобы закрыть пробел в подотчетности [31].

В качестве шестой проблемы необходимо выделить ответственность за ущерб, причиненный роботом.

Применение роботов с технологией ИИ может нанести ущерб людям и имуществу. Это, в частности, наезд на пешеходов беспилотными автомобилями, аварии и повреждения, вызванные частично управляемым дроном [17]. Авторы подчеркивают, что поскольку в оборот роботов с технологией ИИ вовлечено множество сторон (поставщик составных частей,

поставщик программного обеспечения, разработчик, производитель, программист, пользователь и сама робосистема), ответственность трудно установить, когда что-то пойдет не так, и существует множество факторов, которые необходимо учитывать при вынесении решения об ответственности конкретного субъекта [17].

Вопросы юридической ответственности роботов с технологией ИИ можно рассматривать в двух плоскостях – гражданской или уголовной. В данном разрезе авторы обсуждают следующие вопросы: подлежит ли робот с технологией ИИ уголовной ответственности, к кому конкретно она может применяться, является ли рассматриваемый робот продуктом, на который распространяется законодательство об ответственности за некачественный продукт, например, в случаях конструктивных или производственных сбоев [23].

Другие авторы обсуждают вопросы, связанные с уголовной ответственностью субъектов ИИ, и предполагают, что привлечение их к уголовной ответственности за совершение противоправных деяний в области интеллектуальной собственности вполне возможно. Проблемы ответственности, по мнению исследователей, также можно решить в соответствии с законодательством о защите прав потребителей [19].

Также есть мнение, что необходимо предложить дополнительные правила, которые вместе с существующими моделями ответственности могут обеспечить более совершенные правовые механизмы, подходящие для роботов с технологией ИИ. Такие дополнительные правила будут функционировать как квазибезопасные вторичные правовые нормы. Они могут включать в себя обязанности по наблюдению за роботом с технологией ИИ, оснащение их встроенными аварийными кнопками, а также постоянную техническую поддержку и ремонт [28].

В гражданских правоотношениях многие вопросы ответственности решаются в рамках строгой от-

ветственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность. Тем не менее в литературе подчеркивается, что строгая ответственность также является неполным решением проблемы, потому что, если нельзя предвидеть решения, которых может достичь робот с технологией ИИ, или последствия, которые он может иметь, он также не может участвовать в поведении, которое призвано стимулировать строгую ответственность [3].

Таким образом, можно заключить, что существует целый ряд правовых вопросов, пробелов и проблем в области правового регулирования робототехники. Наиболее важным в данной ситуации представляется то, что указанные проблемы затрагивают целый спектр принципов прав человека: защиту данных, равенство, свободы, человеческую автономию и самоопределение личности, человеческое достоинство, безопасность человека, информированное согласие, целостность, справедливость и равенство, недискриминацию, неприкосновенность частной жизни и самоопределение.

Кроме того, необходимо назвать дополнительные правовые проблемы в рассматриваемой области, такие как отсутствие специальных регулирующих органов, «работоспособность» существующих национальных законов, отсутствие разъяснений по поводу применения существующих законов, отсутствие глобальных юридических академических дебатов в некоторых странах, неэффективность правового статуса автоматизированных систем и пр.

По мере развития робототехники возникнут новые правовые проблемы. Технологический прогресс будет ускоряться за счет инноваций, которые дополняют или превосходят человеческие возможности. Поэтому необходимо разрабатывать универсальные подходы к преодолению коллизий в области правового регулирования робототехники, которые будут учитывать динамику развития указанной цифровой технологии.

Литература

1. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021. 192 с.
2. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 706-713.
3. Bathaе Y. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 31. № 2. P. 889-938.
4. Berendt B., Preibusch S. Toward Accountable Discrimination-Aware Data Mining: The Importance of Keeping the Human in the Loop – and Under the Looking Glass // Big Data. 2017. Vol. 5. № 2. P. 135-152.
5. Berk R. Accuracy and Fairness for Juvenile Justice Risks Assessments // Journal of Empirical Legal Studies. 2019. Vol. 16. P. 175-194.
6. Bodo B., Helberger N., Irion K., Zuiderveen Borgesius K., Moller J., Van de Velde B., Bol N., Van Es B., De Vreese C. Tackling the Algorithmic Control Crisis – the Technical, Legal, and Ethical Challenges of Research into Algorithmic Agents // Yale Journal of Law and Technology. 2018. Vol. 19. № 1. P. 133-180.

7. Brożek B., Jakubiec M. On the Legal Responsibility of Autonomous Machines // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. № 3. P. 293-304.
8. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for, and by the People: the Legal Lacuna of Synthetic Persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. № 3. P. 273-291.
9. Cath C. Governing Artificial Intelligence: Ethical, Legal and Technical Opportunities and Challenges // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 2018. Vol. 376. № 20180080.
10. Čerka P., Grigienė J., Širbikytė G. Is it Possible to Grant Legal Personality to Artificial Intelligence Software Systems // *Computer Law & Security Review*. 2017. Vol. 33. № 5. P. 685-699.
11. Čerka P., Grigienė J., Širbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // *Computer Law & Security Review*. 2015. Vol. 31. № 3. P. 376-389.
12. Coglianese G., Lehr D. Transparency and Algorithmic Governance // *Administrative Law Review*. 2018. Vol. 71. P. 1-56.
13. Danks D., London A.J. Algorithmic Bias in Autonomous Systems // *Proceedings of the Twenty-Sixth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI-17)*. 2017. P. 4691-4697.
14. Desai D.R., Kroll J.A. Trust But Verify: A Guide to Algorithms and the Law // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2017. Vol. 31. P. 1-64.
15. European Parliament resolution of 14 March 2017 on fundamental rights implications of big data: privacy, data protection, non-discrimination, security and law-enforcement (2016/2225(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0076_EN.html.
16. Getting the future right – Artificial intelligence and fundamental rights. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2020-artificial-intelligence_en.pdf.
17. Gluyas L., Day S. Artificial Intelligence – Who Is Liable When AI Fails To Perform? URL: <https://cms.law/en/GBR/Publication/Artificial-Intelligence-Who-is-liable-when-AI-fails-to-perform>.
18. Guszca J., Iyad R., Bible W., Cebrian M., Katval V. Why We Need to Audit Algorithms // *Harvard Business Review*. 2018. URL: <https://hbr.org/2018/11/why-we-need-to-audit-algorithms>.
19. Hallevy G. AI v. IP – Criminal Liability for Intellectual Property IP Offenses of Artificial Intelligence AI Entities. 2015. P. 1-30.
20. High-level expert group on artificial intelligence. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/expert-group-ai>.
21. IEEE Draft Standard for Transparency of Autonomous Systems. URL: <https://standards.ieee.org/project/7001.html>.
22. Jaynes T.L. Legal Personhood for Artificial Intelligence: Citizenship as the Exception to the Rule // *AI & SOCIETY*. 2020. Vol. 35. № 2. P. 343-354.
23. Kingston J.K.C. Artificial Intelligence and Legal Liability. In: Bramer M., Petridis M. (eds) *Research and Development in Intelligent Systems XXXIII*. Springer, 2016. P. 269-279.
24. Lepri B., Oliver N., Letouzé E., Pentland A., Vinck P. Fair, Transparent, and Accountable Algorithmic Decision-making Processes: The Premise, the Proposed Solutions, and the Open Challenges // *Philosophy and Technology*. 2018. Vol. 31. № 4. P. 611-627.
25. On autonomous driving in European transport (2018/2089(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0425_EN.html.
26. Osoba O.A., Welser W. The Risks of Artificial Intelligence to Security and the Future of Work. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE200/PE237/RAND_PE237.pdf.
27. Policy and investment recommendations for trustworthy Artificial Intelligence. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/policy-and-investment-recommendations-trustworthy-artificial-intelligence>.
28. Rachum-Twaig O. Whose robot is it anyway? Liability for artificial-intelligence-based robots // *University of Illinois Law Review*. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3339230>.
29. Turner J. Legal Personality for AI. In: *Robot Rules*. Palgrave Macmillan, 2019. P. 173-205.
30. Vladeck D.C. Machines Without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence // *Washington Law Review*. 2014. Vol. 89. № 1. P. 117-150.
31. Wachter S., Mittelstadt B.D. A Right to Reasonable Inferences: Re-thinking Data Protection Law in the Age of Big Data and AI // *Columbia Business Law Review*. 2019. Vol. 2019. № 2. P. 494-620.

УДК 342.722.1

А.В. Головинов, канд. филос. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: alex-golovinov@mail.ru;

Ю.В. Головинова, канд. ист. наук, доцент

Алтайский государственный педагогический университет

E-mail: yu.golovinova@mail.ru

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СТРАНАХ ЗАПАДА

В статье рассматриваются правовые механизмы гендерного равенства, закрепленные конституциями ряда западных государств. Авторами проанализированы положения нормативных правовых актов, обеспечивающие реализацию прав женщин в Германии, Италии, Испании, Швеции, Финляндии, Исландии и др. В работе показана эффективность североευропейского подхода к преодолению препятствий равноправия полов путем учреждения специальных государственных органов и правительственных структур. Представленный анализ показывает, что правовое регулирование обеспечения гендерного равноправия в странах северной Европы как основы демократического общества и предпосылки устойчивого развития являются положительным опытом по признанию гендерного равноправия в качестве конституционного принципа и включению его в отраслевое законодательство. В результате исследования сделаны выводы о возможных конструкциях государственных механизмов, позволяющих упрочить результаты на пути достижения фактического равенства в современном мире.

Ключевые слова: гендерное равенство, государство, права женщин, конституция, дискриминация.

A.V. Golovinov, Candidate of Philosophical Sciences, assistant-professor

Altai State University

E-mail: alex-golovinov@mail.ru;

Yu.V. Golovinova, Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Altai State Pedagogical University

E-mail: yu.golovinova@mail.ru

REVISITING THE CHARACTERISTICS OF GENDER EQUALITY IN THE WESTERN COUNTRIES

The article examines the legal mechanisms of gender equality, enshrined in the constitutions of a number of Western states. The authors analyzed the provisions of normative legal acts that ensure the realization of women's rights in Germany, Italy, Spain, Sweden, Finland, Iceland, etc. The paper shows the effectiveness of the Northern European approach to overcoming obstacles to gender equality through the establishment of special state bodies and government structures. As a result of the study, conclusions were drawn about the possible designs of state mechanisms that would strengthen the results on the way to achieving de facto equality in the modern world.

Key words: gender equality, state, women's rights, constitution, discrimination.

Проблематика гендерного равенства последние семьдесят лет является актуальной как для всего мирового сообщества, так и каждого отдельного государства. В различных нормативных актах употребляются термины «гендерное равенство» и «гендерное неравенство». В данной статье речь пойдет именно о гендерном равенстве как о правовой категории, закрепленной в конституционно-правовых источниках, потому как гендерное неравенство – это, скорее, категория критической теории о встроеном в общество неравенстве мужчин и женщин, проявляющемся на уровне семьи, работы, политики, искусства и т.д.

Единого мнения относительно определения гендерного равенства не закреплено на универсальном уровне, и исходя из конституционных положений некоторых рассмотренных нами государств, под гендерным равенством следует понимать закрепление и реализацию равных прав, свобод, обязанностей и возможностей мужчин и женщин во всех сферах человеческой жизнедеятельности. И одним из аспектов гендерного равенства, несомненно, будет являться его правовое обеспечение. Обеспечение механизмов реализации прав человека и в современной России может быть эффективным только в условиях, удовлетворяющих интересам всех субъектов правоотношений, в т.ч. независимо от половой принадлежности. Разумеется, отечественной правовой системе присуща конструкция полного гендерного равноправия. Вместе с тем сложившиеся стереотипы в рамках российского правосознания в фокусе прежде всего прав женщин и иные преграды создают проблемы на пути полноценного равенства полов в каждой сфере общественной жизни. В этом отношении эталонным и признанным, по мнению подавляющего большинства исследователей, стоит считать опыт западных стран. Можно с уверенностью утверждать, что анализ и систематизация зарубежного опыта в преодолении препятствий обеспечения юридического равенства полов будет полезен и актуален для современной России.

Рассматривая механизмы гендерного равенства как системы юридических средств, невозможно не упомянуть, собственно, о долгом и возможно изнурительном пути, который проделали страны Европы. Сама история государства и права западных стран иллюстрирует многообразие факторов развития законодательства, направленного на поиск оптимальных механизмов реализации прав и свобод человека и обеспечения конституционно-правовых гарантий для их четкого соблюдения. Что очевидно, в период после окончания Второй мировой войны в основных законах государств Запады существенно усилилась социальная составляющая конструкции прав человека. Послевоенная конституционная история ярко продемонстрировала детальное и развернутое за-

крепление прав женщин на уровне высших учредительных актов. Уже при беглом анализе Основного Закона Федеративной Республики Германии 1949 г., Конституции Итальянской Республики 1947 г., Конституции Королевства Испании 1978 г., Конституции Португальской Республики 1976 г. и Конституции Греческой Республики 1975 г. очевидно достаточно подробное закрепление системы прав женщин [5].

Так, согласно конституциям Португальской и Итальянской республик [7, 9] женщинам гарантируется равенство возможностей выбирать профессию или любую сферу трудовой деятельности. Запрещены также ограничения на основании пола для доступа к любым должностям и профессиям. Трудящаяся женщина имеет те же права и при одинаковом труде получает одинаковое с трудящимся мужчиной вознаграждение – гласит статья 37 Конституции Италии [7]. Здесь как раз и прослеживается социальная ориентация европейской конструкции юридического равенства полов. Очевидно, что в таком случае гарантией против дискриминации женщин выступает возможность выбирать профессию и получать одинаковое с мужчиной вознаграждение.

Основной Закон Польши подходит комплексно к проблеме регулирования юридического равенства мужчины и женщины. В данном государстве равноправие обеспечивается в таких сферах деятельности, как политика, экономика, социальная и культурная жизнь. Гарантируется, как закреплено в статье 33 Конституции Польши, равное право женщин наряду с мужчинами на получение отличий и публичных почетных званий [8]. Таким образом, отсекая дискриминацию по различным основаниям и в различных сферах, в Польском государстве предпринята попытка достижения всеобщего принципа равноправия. Равные возможности здесь понимаются как некий стандарт равноправия.

Вместе с тем при подавляющем большинстве конституций мира, провозглашающих гендерное равенство, на юридической карте стран Запады обнаруживает себя вопиющий пример полного отсутствия правового регулирования равенства мужчины и женщины. Соединенные Штаты Америки – государство, которое позиционирует себя как оплот демократических прав и свобод. Однако, как известно из содержания Конституции США и поправок к ней, права женщин здесь стоит рассматривать исключительно как неизведанную землю. Девятнадцатая поправка к Конституции США упоминает о правах женщин, однако ограничивается преимущественно правом голоса. Справедливости ради отметим, что рассматриваемая поправка была отклонена на сессии Конгресса в далеком 1972 г. Равенство в правах перед законом по признаку пола не может нарушаться или ограничиваться Соединенными Штатами или отдельными

штатами – таково содержание этой непринятой поправки [12, с. 147]. «Серьезный разрыв в оплате труда женщин и мужчин, – как заявляла спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси в своем выступлении в феврале 2020 г., – есть следствие отсутствия полного равенства» [13]. Стоит полагать, что, несмотря на политические спекуляции Джо Байдена, официально заявлявшего, что он будет взаимодействовать с Конгрессом, чтобы включить девятнадцатую поправку в Конституцию США, вряд ли американским гражданам стоит ожидать закрепления конструкции гендерного равенства.

Иная ситуация наблюдается на Южно-Американском континенте. Обширные и весьма содержательные разделы о правах и гарантиях их реализации включает в себя Конституция Бразилии 1988 г. Специфика данной страны заключается в том, что регулируются прежде всего трудовые и социальные права женщин. Государство гарантирует защиту рынка труда для женщин посредством запрещения неравенства в выплатах заработной платы. Особое место в Основном Законе Бразилии отведено защите материнства и равноправия супругов в браке. Специально выделяется обязанность государства образовывать и учреждать органы, имеющие целью уменьшение насилия внутри семьи [6].

Вместе с тем поистине впечатляющих результатов в осуществлении эгалитарной, т.е. гендерной, государственной политики, которая направлена на создание совершенно равных условий для самореализации личности вне зависимости от биологического пола, достигли страны Северной Европы. Речь идет о таких странах, как Финляндия, Норвегия, Дания, Швеция, Исландия. Будучи общепризнанными лидерами в области обеспечения прав женщин, эта группа государств максимально успешно претворяет в жизнь национальные механизмы гендерного равенства.

Справедливости ради отметим, что концепции и подходы к равенству полов в каждой из стран северо-европейского региона отличаются по своему идеологическому содержанию. В Норвегии, например, значительное внимание в реализации гендерного равенства уделяется пропаганде и развитию женских ценностей. В Швеции же успешно реализуется идея исключительно одинаковых возможностей и прав мужчин и женщин во всех сферах человеческой жизнедеятельности [2, с. 142].

Концептуальным основанием модели равенства полов в Финляндской Республике выступает идеал гендерной нейтральности, т.е. очевидной схожести женщин и мужчин. В рассматриваемом государстве учрежден и эффективно функционирует целый комплекс государственно-правовых механизмов, цель которых – обеспечение фактического равенства по-

лов. Так, в Финляндии действует специальный закон о гендерном равенстве, принятый в 1987 г. Нормативно-правовой акт такого содержания четко устанавливает запрет на дискриминацию по признаку половой принадлежности. Более того, на принятии актов финны не остановились и в 2000 г. создали специализированный государственный орган при Министерстве социального обеспечения и здравоохранения, основной целью работы которого выступает подготовка и разработка поправок к упомянутому выше закону о равноправии. Обращает на себя внимание тот факт, что и судебные органы очень активно задействованы в развитии равноправия. Так, контроль и обеспечение защиты равноправия мужчин и женщин – это одна из основных обязанностей Председателя Суда справедливости Финляндской Республики. Вместе с тем в данное судебное учреждение поступает ничтожно малое количество заявлений и обращений о дискриминационных правонарушениях и преступлениях, т.к. по этим вопросам население Финляндии охотней обращается к омбудсмену при Правительстве [10, с. 135]. Отметим также, что так называемая система квотирования развивает финские национальные механизмы политики полового равенства. Так, в соответствии с положениями Закона о равенстве консультативные советы, государственные комитеты, комиссии и иные органы, обладающие соответствующими компетенциями, включая органы городского самоуправления, кроме муниципальных советов, должны иметь в своем составе не менее 40% представителей одного пола (мужчин или женщин), если определенные причины не вынуждают их к иной гендерной конфигурации.

Вполне очевидно, что причины такого эффективного развития и реализации принципа гендерного равенства в этих государствах кроются в исторических и экономических условиях, а также зависят от политических, культурных и правовых традиций.

В условиях развития техники, технологий и производства периода Второй мировой войны в Европе по вынужденным причинам женщины активно задействовались в производственных процессах. Это было обусловлено тем, что девушки выполняли традиционно «мужскую» профессиональную деятельность, и причиной тому является массовый уход мужского населения на фронт. Ситуация с привлечением женского пола в процессы производства сохранялась также и в послевоенный период, вплоть до 1960-х гг., до так называемого периода экономического роста. В таких условиях женщинам приходилось совмещать свои семейные обязанности с трудовыми обязательствами. Как следствие, представительницы женского пола фактически предложили мужчинам разделить с ними часть их обязательств, и государства Европы предприняли в этом направлении целый

ряд серьезных реформаторских шагов. Блок реформ подобного направления пришелся на 1970-е гг., когда правительства большинства северных европейских стран провозгласили поддержку семьи, что выражалось во внедрении в практику института поочередного использования родителями отпуска по уходу за своим ребенком. В этом смысле Норвегия оказалась одной из самых последовательных стран. В 1990-х годах здесь была реализована практика предоставления отцам четырехнедельного отпуска по уходу за ребенком. Кстати, этим правом воспользовались около 80% мужского населения страны [14, с. 15]. В конечном счете все эти меры привели женщин к экономически максимальной независимости от мужчин, что, в свою очередь, минимизировало проявления дискриминации.

В смысле антидискриминационных мер примечателен опыт Швеции. Так, в рамках шведского законодательства четко определено понятие дискриминации и закреплены ее разновидности. Под этим феноменом шведский законодатель понимает нарушение принципа равенства по запрещенному признаку, в т.ч. гендерному. Таким образом, рассматриваемая конструкция дискриминации сводится к институту равенства и напрямую зависит от него.

Разграничивая конкретное и абстрактное равенство, правовая система Швеции под последним понимает ситуацию, когда норма права применяется абсолютно одинаково ко всем субъектам, как и в случае равенства перед законом. Понятно, что подобная концепция выступает в качестве основополагающего элемента принципа верховенства права. Конкретное же равенство предполагает применение нормы права только с учетом всех обстоятельств каждой личности, т.к. возможны дискриминационные проявления в тех случаях, когда норма права применяется одинаково ко всем лицам без учета личных обстоятельств каждого субъекта [11, с. 57].

Лидируя в вопросах правового регулирования равенства полов, шведское государство создало систему актов, обеспечивающих соблюдение прав человека. Так, гендерное равноправие гарантируется Конституцией и специальными законами, таким как «О запрете дискриминации» [3] и «О равных возможностях» [4], последний из которых, закрепляя механизмы защиты прав женщин и мужчин, содержит юридическое определение домогательств сексуального характера в сфере труда. Законодательство о равных возможностях корреспондирует прямую обязанность работодателя или представителя нанимателя применять меры, ограждающие наемного работника от сексуальных принуждений. Данное законодательство обязывает также работодателей, которые имеют штат сотрудников более 10, обеспечивать, насколько это возможно, равной заработной

платой представителей работников вне зависимости от гендерной принадлежности.

Не ограничиваясь созданием механизмов, обеспечивающих юридическое равенство полов в трудовой сфере, шведский законодатель урегулирует принцип неприкосновенности личности женщины. Уголовное право этой страны расценивает оскорбления и унижения чести и достоинства, насилия в отношении женщины, в т.ч. в семье, как грубое преступление, посягающее на неприкосновенность женщины как личности [1, с. 233].

Развивая конструкции и механизмы защиты женских прав, шведы запретили проституцию как явление. Примечательно, что действует не только запрет на покупку сексуальных услуг, но при этом фемида наказывает покупателя, а не продавца таких услуг.

Очевидным остается эффективность североевропейского подхода к преодолению препятствий равноправия полов путем учреждения специальных государственных органов и правительственных структур. В Исландии, в частности, созданы и активно действуют Комитет Жалоб и Ведомство по гендерному равенству, а также Центр по вопросам равенства мужчин и женщин. Обязательными задачами этих учреждений является предоставление консультаций и разъяснений населению по проблемам и вопросам гендерного равноправия. Специализированный отдел по гендерному равенству в Министерстве по делам детей и семьи, созданный в Норвегии, призван обеспечивать политику по продвижению равенства мужчин и женщин.

Стоит помнить, что успехи в сфере достижения гендерного равенства в странах Запада обусловлены активностью самого женского движения и ростом представительства женщин в правительствах, парламентах и общественных организациях. К этому стоит добавить широкую антидискриминационную законодательную базу и систему государственных органов, реализующих стратегии гендерного равенства в Европе. Планомерное развитие концептов равных возможностей позволило женщинам в этих странах занять достойное место на рынке труда на равных условиях с мужчинами.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что начиная со второй половины XX в. Организацией Объединенных Наций были разработаны основополагающие международные правовые акты в области защиты прав женщин. Государства – участники деклараций, пактов, конвенций имплементировали нормы гендерного равноправия в национальное законодательство стран Запада. Однако достижение фактического гендерного равенства в мировых масштабах во многом происходит не всегда быстро и результативно. Несмотря на многочисленные позитив-

ные моменты, женщины продолжают сталкиваться с разными формами дискриминации. И наконец, для достижения фактического равноправия, как показывает опыт западных стран, необходимо существенное

возрастание активности самих женщин, институтов гражданского общества, усиление роли органов государственной власти в вопросах претворения в жизнь истинного равноправия полов.

Литература

1. Воронина О.А. Швеция: V периодический доклад о выполнении КЛДОЖ (2006): реф. излож. // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М.: Макс Пресс, 2008. С. 233-239.
2. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004. 246 с.
3. Закон Королевства Швеции о запрете дискриминации. URL: <https://lagen.nu/2008:567> (дата обращения: 27.11.2020).
4. Закон Королевства Швеции о равных возможностях. URL: <https://lagen.nu/1991:433> (дата обращения: 27.11.2020).
5. Конституции государств Европейского Союза / В.В. Невинский, А.Н. Пилипенко, В.Н. Шаповал и др.; под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 1999. 816 с.
6. Конституция Бразилии. URL: <http://mykpbs.ru/konstituciya-brazilii-1988-russkij-tekst/> (дата обращения: 26.11.2020).
7. Конституция Италии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 27.11.2020).
8. Конституция Польши. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-g.htm (дата обращения: 27.11.2020).
9. Конституция Португалии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 27.11.2020).
10. Королева Т.А. Обеспечение равенства женщин в Финляндии: специфика гендерной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4 (1). С. 134-138.
11. Лошакова Ю.П. Защита прав женщин в контексте гендерного равноправия (на материалах законодательства Швеции) // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 57.
12. Петрушина Е.А. Особенности конституционно-правового статуса женщин в различных странах // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. № 2. С. 147.
13. Почему поправка о равных правах до сих пор не внесена в Конституцию США. URL: <https://rubic.us/rochetu-porpravka-o-ravnyh-pravah-do-sih-por-ne-stala-federalnym-zakonom> (дата обращения: 25.11.2020).
14. Штылева М.В. Политика гендерного равенства стран Северной Европы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 14.

УДК 342.7

П.Л. Ипполитов, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ippolitovpl@mail.ru;

А.М. Кубиясова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: amk_87@mail.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ» КАК ТЕОРЕТИКО- ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

В настоящее время существует проблема теоретико-правового определения категории «безопасность личности». В статье рассматривается многоплановость подходов к процессу формирования категории «безопасность личности» как составной части категориального аппарата современной правовой науки. Обосновывается, что ее содержание, выступая неоднозначным и многосторонним явлением, предполагает применение различных подходов и уровней его исследования. Рассмотрены и проанализированы существующие точки зрения представителей современной юридической науки. Авторами выделены необходимые требования к содержанию правовой категории «безопасность личности». Такое видение позволяет определить полноту рассматриваемой категории, а также раскрыть содержание понятия. Для установления единого подхода к его пониманию была предложена авторская трактовка определения правовой категории «безопасность личности».

Ключевые слова: личность, безопасность личности, правовая категория, права и законные интересы личности.

P.L. Ippolitov, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ippolitovpl@mail.ru;

A.M. Kubiyasova

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: amk_87@mail.ru

SOME ASPECTS OF FORMATION OF THE CONCEPT OF «PERSONAL SECURITY» AS A THEORETICAL AND LEGAL CATEGORY

Currently, there is a problem of theoretical and legal definition of the category of «personal security». The article examines the diversity of approaches to the process of forming the category of «personal security» as an integral part of the categorical apparatus of modern legal science. It is substantiated that its content, being an ambiguous and multifaceted phenomenon, presupposes the use of various approaches and levels of its research. The existing points of view of representatives of modern legal science are considered and analyzed. The authors highlighted the necessary requirements for the content of the legal category «personal security». This vision allows you to determine the completeness of the category under consideration, and also allows you to reveal the content of the concept. To establish a unified approach to their understanding, the author's interpretation of the definition of the legal category «personal security» was proposed.

Key words: personality, personal security, legal category, rights and legitimate interests of the individual.

Для изучения любой правовой категории, используемой теорией государства и права, неизбежным становится обращение к предмету этой науки. Предмет общей теории права и государства, как известно, представляет собой правовые и государственные явления, определяющие свойства и признаки права и государства, характерные им роли и задачи по отношению к иным общественным явлениям. По мнению М.И. Байтина, «предмет теории государства и права составляют закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права; сущность, типы, формы, функции, структура и механизм действия государства и права, правовая система; основные государственно-правовые понятия, общие для всей юридической науки» [2, с. 8]. Предмет компонирует государственно-властные и правовые явления и отношения, понятия и категории, предоставляющие возможность постичь сущность и содержание права и государства, их роль в обществе и функции. Категория «безопасность» как правовая категория относится к самостоятельной группе вопросов теории государства и права в сфере правопорядка.

Прагматичные модели формирования сфер регулирования международных и внутригосударственных пространств соответствующих многоплановых отношений, таких как личность – общество, личность – государство, личность – международное сообщество, обслуживающие интересы современных политических элит, предопределяют необходимость адекватного реагирования правовой науки на детерминанты и вызовы объективной реальности.

В современной российской юридической науке под влиянием идей либерализма, господствующих в конце XX в. – начале XXI в., сформировались предпосылки создания и научного обоснования теоретико-правовой концепции, отвечающей условиям политико-правового, социально-экономического вектора развития государства, базирующегося на принципах приоритета прав и интересов личности в отношении к интересам государства, гарантированности и защищенности прав личности, социальной безопасности личности, гуманитарной безопасности личности, экологической безопасности личности и пр. Соответственно, в совокупности насущных задач в юриспруденции в указанный период возникла потребность в научной разработке и введении в правовое поле основополагающих, отправных аспектов проблемы обеспечения безопасности личности.

Процесс интеграции, слияния и объединения различных научных подходов к исследованию того или иного объекта, безусловно, способствует прогрессированию научных явлений. В научно-юридической литературе многоплановость, масштабность, динамизм, степень правовой регламентации категории «безопасность личности» неоднократно рас-

сматривались и подвергались обсуждению. Однако комплексного, системного и теоретико-правового исследования, отвечающего основным канонам науки и служебным интересам правоприменительной практики, не проводилось. Таким образом, существует необходимость раскрытия теоретического понятия безопасности, а также правовой категории «безопасность личности» и определения ее места в системе юридических категорий как познавательного инструментария теоретико-правовой науки.

Понятие «безопасность» представляет собой научное знание в области теории права и государства, интегрированное с политико-правовыми, социокультурными и философскими знаниями, что позволяет произвести осмысление понятия на еще более высоком теоретическом уровне. Основную лепту в разработку понятия «безопасность» в разные исторические периоды вносили философы, социологи, политологи, экономисты. «Существование устойчивого интереса к вопросам безопасности в обществе, усложнение проблем обеспечения безопасности различных социальных объектов обусловили становление и развитие специальной отрасли научных знаний, посвященной как безопасности в целом, так и различным ее видовым проявлениям. Соответственно, существует общая теория безопасности и взаимосвязанные с ней частные теории международной, национальной, государственной, военной, экономической, информационной, экологической и т.п. безопасности» [10].

В философии категория «безопасность» представляет собой форму выражения жизнеспособности любого материального объекта, заключающуюся в централизации общества для обеспечения безопасности себя и принадлежащих территорий. Еще в древности философы, рассуждая о безопасности и счастье для человека, с легкостью определили, что человек всегда стремится к добру и справедливости, к власти и достатку, к истине и прекрасному. Эти стремления и стали своеобразными предпосылками для формирования сфер деятельности, связанных с наукой, экономикой, политикой, этикой. С точки зрения социологии категория «безопасность» выступает как сложное социальное явление, проявляясь как потребность и интерес, как цель и результат любого вида деятельности. Современное положение общества определяет необходимость исследования понятия «безопасность» не только в рамках отдельных направлений науки, например философии, социологии и т.д., но и в комплексном исследовании общетеоретических категорий.

«Исторические предпосылки, предопределяющие перспективы развития института и механизма обеспечения прав человека в России, неотделимы от процессов, происходящих в международном сообществе» [1, с. 29]. Безусловным является тот факт,

что и категория «безопасность личности» расширяла свое содержание с каждой последующей исторической эпохой, при этом рассмотрению вопросов понятий «безопасность», «безопасность личности», их содержательного смысла в различные культурно-исторические периоды развития человечества уделяли внимание многие прогрессивные умы человечества. Термин «безопасность личности» в условиях Советского Союза был предан забвению и почти 70 лет не упоминался даже в энциклопедических словарях [12, с. 13].

Содержание понятия «безопасность личности» расширялось вследствие того, что человечество осознало важность обеспечения коллективной безопасности в планетарном масштабе, оказавшись лицом к лицу перед угрозой в первую очередь экономического и экологического характера, нейтрализация которой невозможна посредством только национальных и региональных систем безопасности. Однако универсальной композиционной модели, их категориальной формы, соответствующей условиям развития отечественной государственности, разработано не было. «Продолжительное время в России, начиная с XIX-XX вв., безопасность конкретного человека не рассматривалась в качестве частного интереса конкретной личности, а была искусственно растворена в публичных интересах государства, которое выступало универсальным механизмом по защите основных прав и законных интересов не только самого себя, но и своих граждан» [5, с. 45].

Заслуживает внимания суждение В.А. Мальцева, суть которого сводится к тому, что «безопасность, выступая неоднозначным и многосторонним явлением, предполагает применение различных подходов и уровней к его исследованию» [6, с. 26]. Позиция представителей современной отечественной правовой науки в полной мере отражает сложившуюся ситуацию, характеризующую, в частности О.А. Колоткиной, как факт присутствия плюрализма различных точек зрения относительно сущности, содержания рассматриваемой категории, выработанных представителями различных общественных наук, прежде всего юриспруденцией [5, с. 46]. В своем исследовании, посвященном праву личности на безопасность, она рассматривает содержание категории «безопасность личности» как «постоянный, целенаправленный процесс по прогнозированию, минимизации, устранению, предупреждению опасностей и угроз посредством реализации механизмов управления рисками, а также охранительных и защитных механизмов в случае причинения вреда жизненно важным интересам личности, обществу и государству, с целью обеспечения условий для нормального функционирования и развития всей социальной системы» [4, с. 49].

А.И. Стахов, в свою очередь, отмечает значимость выработки общеправовой, доктринальной сущности понятийного аппарата, позволяющего раскрыть содержание, место и роль безопасности личности в правовой системе Российской Федерации, но многопланово ее не раскрывает [11]. Так, Т.Б. Тюрина считает, что «безопасность личности входит в структуру общей проблемы безопасности и является составной частью понятия национальной безопасности» [13, с. 54]. Безопасность личности объективно взаимосвязана с безопасностью государства и мирового сообщества и играет интегрирующую роль в структуре национальной и глобальной безопасности.

Более широким является определение безопасности Ф.К. Мугулова через «состояние защищенности функциональных свойств и социотипических качеств одного из важнейших объектов национальной безопасности», выражение которой он видит «в стабильности процессов воспроизводства и жизнеобеспечения индивидуальных субъектов жизнедеятельности; сбалансированности индивидуальных, общественных и государственных интересов защиты от различного рода угроз и опасностей, а также в единстве понимания субъектами безопасности целей безопасного и устойчивого развития; взаимной ответственности всех субъектов взаимодействий в системе национальной безопасности за конечные результаты по её обеспечению на всех социально-объектных уровнях» [7, с. 48]. Ю.Д. Ильин, обобщая понятие безопасности личности, определяет ее как «защищенность условий, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности, возможности для ее саморазвития; состояние защищенности человека от факторов опасности на уровне его личных интересов и потребностей; социальную защищенность человека, обеспечивающую сохранность самого человека и его отдельных жизненно важных функций в соответствии с возможностями общества» [3, с. 108].

Исследование существующих точек зрения показывает, что в науке сложилось определенное видение построения понятийного аппарата категории «безопасность личности», однако единой интерпретации исследуемого понятия пока не существует. В большинстве определений присутствуют такие признаки безопасности, как состояние защищенности, внешние и внутренние угрозы, защита личности.

Приведенные примеры показывают относительную многоплановость подходов к решению обозначенной проблемы. И в этой связи важно отметить, что собственно процесс осмысления понятия, сущности безопасности личности проистекает по сравнению неоднородным основаниям, которые в полной мере не раскрывают внутренние, существенные стороны исследуемого объекта научного познания

и тем самым создают препятствия выработке целостной, отвечающей общепризнанным канонам научной категории.

В юридической литературе встречается мнение, в соответствии с которым ряд ученых склонны рассматривать безопасность личности как состояние отсутствия опасности при взаимодействии с объектами внешней среды (например, А.С. Пугачева, С.А. Андреева) [9], где само состояние личности соотносимо с должного уровня факторами биологического, социального, психологического характера и требует соответствующей всесторонней регламентации с применением всех доступных средств и методов правового регулирования. А правовое состояние индивида в предполагаемых ситуациях государство прогнозирует и облекает в правовые формы, тем самым нормализует.

А.С. Прудников определяет безопасность личности как «систему внутренних и внешних условий (юридического, политического, экономического, социального, экологического, техногенного и иного характера), предотвращающую угрозу неопределенному кругу лиц, в целях защиты их жизни и здоровья, прав и свобод, чести и достоинства, половой неприкосновенности и половой свободы, а также общественной нравственности, реализуемую органами государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с общественными объединениями» [8, с. 63]. Безопасность личности представляет собой правовой институт, характеризующий особенности формирования защиты интересов и потребностей личности, общества и государства. Данное обстоятельство позволяет определить существование взаимосвязи безопасности личности с общественным порядком и общественной безопасностью: фундаментом этих отношений выступают принципы законности и стабильности, гарантированности и взаимответственности. Несмотря на то обстоятельство, что органы государственной власти для обеспечения безопасности личности, общества и государства решают схожие задачи, необходимо разграничивать данные категории.

В рамках научных дискуссий рассматривались и иные подходы к категории «безопасность личности», но ключевое значение, на наш взгляд, имеют именно постулаты, выработанные общей теорией научного познания, где категория – это не просто научное понятие, а система устойчивых, неизменных факторов, явлений и процессов.

И здесь уместно отметить, что в результате искажения наиболее существенных свойств, черт одних понятий происходит преобразование других. Данное обстоятельство говорит о том, что категориальный аппарат не является множественностью статичных научных понятий, а представляет собой систему взаи-

мосвязанных, динамично развивающихся категорий. Следует также различать правовые и законодательные категории, имеющие юридическое закрепление в актах правоприменения, в то время как правовая категория не имеет законодательного закрепления.

Полагаем, что необходимыми требованиями к содержанию правовой категории «безопасность личности» необходимо отнести следующие:

- результат обобщения множества конкретных фактов, установленных в ходе наблюдений и экспериментов в процессе правоприменительной деятельности соответствующих органов, должностных лиц и иных субъектов права;

- наполняемость истинным содержанием (юридическим смыслом) данной категории, имеющим соответствующее научное значение;

- каковы границы рассмотрения степени широты использования данной категории в правовом пространстве: как в теоретико-правовом, так и в правоприменительном спектре;

- актуальность использования данной категории для отраслевых наук;

- степень согласованности данной категории с международными стандартами в сфере обеспечения прав и свобод личности;

- уровень сформированных государственных и международных механизмов обеспечения безопасности личности, эффективность их функционирования;

- степень согласованности взаимодействия государственных и международных механизмов обеспечения безопасности личности;

- актуализированность приоритета прав личности на государственном уровне;

- динамика развития и степень соответствия объективным условиям.

В завершение предлагаем авторское определение безопасности личности:

Безопасность личности – это права и свободы личности, предоставляющие возможность для полной самореализации, жизнеобеспечения и развития во всех сферах жизнедеятельности в соответствии с положениями действующего законодательства, гарантированные государством и институтами гражданского общества вне зависимости от наличия либо отсутствия любых видов угроз.

Из данного определения следует:

- безопасность личности является частью системы прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;

- безопасность личности – это такой вид общественных отношений, которые возникают, существуют и постоянно изменяются;

- безопасность личности – это правовой институт, т.к. регулируется законодательством государства;

- безопасность личности должна быть обеспечена независимо от наличия угрозы;
- для обеспечения безопасности личности необходимы меры общего и специального характера.

Изложенное выше дает возможность определить понятие правовой категории «безопасность личности» как результат научного познания, обладающий сложным комплексным характером, имеющий реальное научное и прикладное значение, выраженный в формальном закреплении прав и свобод личности, обеспеченный системой соответствующих гарантий с целью создания необходимых усло-

вий для достойного качества жизни и возможности реализации личностного потенциала в различных сферах.

Содержание безопасности личности как правовой категории предполагает процесс постоянного выявления и предупреждения угроз и опасностей для статуса личности как социального существа во всех сферах жизнедеятельности. В связи с этим исследование безопасности предполагает постоянный мониторинг политических, социально-экономических и духовных проблем, относящихся к важнейшим вопросам существования и развития человека.

Литература

1. Анохин Ю.В. Об исторических предпосылках формирования института обеспечения прав человека в России // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 29-35.
2. Байтин М.И., Борисов В.В., Григорьев Ф.А. и др. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
3. Ильин Ю.Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире. М.: Норма, 2007. 285 с.
4. Колоткина О.А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в РФ (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 214 с.
5. Колоткина О.А. Безопасность личности: соотношение частного и публичного интереса в сфере ее обеспечения // Защита частных прав: проблемы теории и практики: мат-лы международной научно-практ. конф. / отв. ред. Н.П. Асланян. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2012. С. 45-49.
6. Мальцев В.А. Влияние категории «интерес» на конституционно-правовые отношения в сфере обеспечения безопасности // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6. С. 26-23.
7. Мугулов Ф.К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа: монография. Сочи: РИО СИМБиП, 2003. 239 с.
8. Прудников А.С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 433 с.
9. Пугачева А.С., Андреев С.А. Безопасность личности как интегративная категория // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14888> (дата обращения: 20.06.2021).
10. Родачин В.М. Безопасность как социальное явление // Право и безопасность. 2004. № 4 (13). URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_10_5.htm (дата обращения: 20.06.2021).
11. Стахов А.И., Кононов П.И. Административное право России: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 624 с. (Бакалавр. Специалист. Магистр). URL: <https://urait.ru/bcode/445634> (дата обращения: 20.06.2021).
12. Степашин С.В. Безопасность человека и общества: политико-правовые вопросы. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт, 1994. 239 с.
13. Тюрина Т.Б. Правовая безопасность личности в современном российском государстве (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 240 с.

УДК 340.114.6

И.В. Кушнир

соискатель Саратовской государственной юридической академии

E-mail: irinavkushnir@mail.ru

ДИСФУНКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обращается внимание на ряд недостатков в доктринальном учении о функциях юридической ответственности. Ставится проблема по теоретическому осмыслению системных нарушений в структуре и содержании юридической ответственности как комплексного межотраслевого института российского законодательства. Обосновывается необходимость совместного рассмотрения понятия «дисфункция» и категории «функция» в изучении проблем как юридической ответственности, так и иных правовых явлений. Представляется детерминационная цепочка в следующем виде: «дисбаланс системы юридической ответственности как межотраслевого комплексного института российского законодательства – дисфункция(и) юридической ответственности – юридическая безответственность как негативное явление социально-правовой действительности». Обосновывается необходимость внедрения понятия «дисфункция юридической ответственности» как комплексного явления в отечественном правоведении.

Ключевые слова: функционирование права, юридическая ответственность, дисфункции правовых явлений, дисбаланс юридической ответственности, функции юридической ответственности, восстановительная функция юридической ответственности, юридическая безответственность, дисфункция юридической ответственности.

I.V. Kushnir

degree-seeking student of Saratov State Law Academy

E-mail: irinavkushnir@mail.ru

DYSFUNCTION OF LEGAL RESPONSIBILITY: A GENERAL THEORETICAL PERSPECTIVE OF THE STUDY

Attention is drawn to a number of shortcomings in the doctrinal teaching on the functions of legal responsibility. The problem of theoretical understanding of systemic violations in the structure and content of legal liability as a complex intersectoral institution of Russian legislation is raised. The article substantiates the need for joint consideration of the concept of «dysfunction» and the category of «function» in the study of the problems of both legal liability and other legal phenomena. The determinative chain is presented in the form of «the imbalance of the system of legal responsibility as an intersectoral complex institution of Russian legislation – the dysfunction(s) of legal responsibility – legal irresponsibility as a negative phenomenon of social and legal reality». The article substantiates the need to introduce the concept of «dysfunction of legal responsibility» as a complex phenomenon in Russian jurisprudence.

Key words: functioning of law, legal responsibility, dysfunctions of legal phenomena, imbalance of legal responsibility, functions of legal responsibility, restorative function of legal responsibility, legal irresponsibility, dysfunction of legal responsibility.

Приступая к рассмотрению заявленной проблемы, обратим внимание на то обстоятельство, что в ходе изучения юридической ответственности и многих иных правовых явлений исследователи зачастую обращаются к функциональному подходу. Проблемы функционирования права, его норм, ответственности за их нарушение периодически подвергаются осмыслению как на уровне общей теории права, так и в рамках специально-отраслевых исследований. Как следствие, в юридической литературе весьма обстоятельно раскрываются различные функции права, нормативных предписаний, юридической ответственности. Однако вопросы нарушения реализации функции как самого права, так и его важнейшей части в виде института юридической ответственности подвергаются анализу значительно реже. При этом недостаточное внимание в отечественном правоведении уделяется категории «дисфункция», которая обладает существенным теоретико-методологическим потенциалом в процессе познания юридических явлений. В рамках настоящего исследования представляется небезынтесным рассмотрение перспектив приложения категории «дисфункция» в изучении юридической ответственности в качестве межотраслевого института современного российского законодательства.

В последние годы кризисные состояния и процессы, дефекты и отклонения в правовой системе и механизме государства все чаще становятся объектом теоретико-правового исследования. Правоведы, обращаясь к подобной тематике, стремятся найти новые теоретико-методологические подходы на стыке различных отраслей гуманитарного знания. Понятие «дисфункция» в ряде работ по юриспруденции рассматривается в качестве методологически действенного инструмента по теоретическому осмыслению негативных проявлений функционирования отдельных государственно-правовых феноменов, в числе которых правосознание, правовая идеология, правовая культура, государство, международное право, правовое регулирование и др. [3, с. 221-225; 5, с. 118-125; 7, с. 18-27; 9, с. 798-803; 15, с. 119-123].

С опорой на труды преимущественно в области социологии и экономики правоведы предпринимают усилия по введению в понятийные ряды юридической науки терминологической конструкции «дисфункция», представляют достаточно развернутую аргументацию за необходимость и теоретико-методологическую продуктивность подобного шага в научном познании государственно-правовых явлений. В целом же проблема изучения дисфункций и дисфункциональности права, государства и иных явлений, включенных в объект правоведения, находится на начальном этапе ее исследования, для которого характерны как отдельные значимые до-

стижения, так и не вполне проработанные, недостаточно обоснованные и заслуживающие критического отношения выводы и утверждения. В ряде работ авторы подменяют собственно юридическую составляющую исследования предмета социологическим пониманием категории «дисфункция», что фактически приводит к некорректному переносу ее содержания без какой-либо адаптации в юридическую науку. Как следствие, такой путь становления понятийной конструкции «дисфункция» в правоведении не приводит к желаемым результатам по отысканию нового знания о государственно-правовых явлениях.

Приведем следующую обоснованную позицию по данному вопросу: «...практика социологической интерпретации дисфункции права ставит больше вопросов, чем дает ответов. Вместе с тем ценность ее состоит в том, что она наглядно доказывает, что нельзя просто взять социологическое понятие дисфункции и механически "пересадить" на правовую почву. Это влечет конкуренцию с уже другими понятиями теории права, переносит фокус исследовательского внимания с права на общество и не дает сколько-нибудь ощутимого прироста научного знания о самом праве» [4, с. 21]. Понимание дисфункций правовых феноменов и процессов исключительно в виде социальных последствий их действия не ведет к получению нового знания, а лишь позволяет констатировать уже известные правоведению факты и закономерности. Одновременно в результате подобного подхода теряется сам методологический потенциал, заложенный в категории дисфункции. Представляется необходимым совместное рассмотрение понятия «дисфункция» и категории «функция» в изучении проблем как юридической ответственности, так и иных правовых явлений.

При этом полагаем уместным подчеркнуть, что в юридической литературе нам не удалось найти работ, содержащих опыт использования понятия «дисфункция» в исследовании вопросов института юридической ответственности. Специалисты же в области экономической теории уделяют проблемам дисфункции социальных институтов в экономике существенно большее внимание, выделяя и проблему дисфункции ответственности в виде институционализации безответственности регулятора [1, с. 49-51], т.е. государства в лице соответствующих органов, осуществляющих функции по регулированию определенных сфер экономической жизни общества. Отмеченный ракурс познания функциональной характеристики ответственности в правоведении остается по-прежнему на периферии научных изысканий, в «тени» рассмотрения позитивных направлений воздействия института юридической ответственности на общественные отношения.

На наш взгляд, функции и дисфункции ответственности в праве диалектически неразрывно связаны, что предполагает их совместное тщательное исследование. В этой связи можно констатировать определенный дисбаланс в теоретическом осмыслении проблем юридической ответственности, поскольку лишь одна сторона, исключительно положительная, функционального действия данного явления получает проработку в многочисленных исследованиях. К примеру, нам удалось насчитать только по теории права не менее 6 специальных диссертационных исследований, посвященных за последние двадцать лет вопросам функций юридической ответственности [11; 6; 12, с. 7-8]. В итоге может сложиться обманчивое впечатление о том, что правоведы вовсе не замечают деструктивного действия института юридической ответственности, таких направлений его воздействия, которые сопряжены с дезорганизацией социальных связей, их нарушением, излишним ограничением свободы действия участников социальной практики и др.

Безусловно, отдельные дефекты, коллизии, противоречия и иные негативные явления, характеризующие как саму ответственность по российскому законодательству, так и ее функциональную реализацию, находят отражение в целом ряде трудов исследователей, но преимущественно в качестве второстепенного момента, не оказывающего существенного влияния на функционирование данного института в целом. Тем более не ставится проблема замещения, вытеснения основных функций юридической ответственности на определенных исторических этапах развития права и общества в целом ряде дисфункций как негативных направлений ее воздействия на состояние правопорядка и законности в обществе, на состояние преступности и иные социальные явления. По-видимому, аксиоматическое утверждение в отечественной юриспруденции о том, что юридическая ответственность является важнейшей гарантией законности и правопорядка в обществе, не позволяет правоведам в полной мере рассмотреть оборотную сторону ее действия в виде дисфункции и дисфункциональности.

В общей теории права перспективным видится учет отдельных методологических установок в отношении диалектически сложной функциональной природы правовых явлений и процессов, включая и юридическую ответственность, суть которых можно в кратком виде выразить следующим образом:

1. Функции правового явления (процесса) представляют собой внутренне неотделимые от него свойства по оказанию воздействия на общественные отношения и иные социальные явления.

2. Оказываемое правовыми явлениями (процессами) воздействие может как соответствовать потреб-

ностям и интересам общества, а равно и целям самого права и его институтов, так и противоречить им, иметь иную направленность, отличную от заданной изначально общими целями, задачами и принципами права и правового регулирования. Подобное порой скрытое (латентное) воздействие правовых феноменов, обладающее во многих случаях деструктивным, дезорганизующим характером, возможно именовать их дисфункциональным действием.

3. Направления деструктивного, дисфункционального воздействия правовых явлений на общественные отношения следует трактовать в качестве их дисфункций, не допуская при этом отождествления негативных последствий, результатов дисфункционального воздействия с самими дисфункциями.

4. Дисфункции правовых явлений (процессов) имеют закономерный характер возникновения и осуществления, не являются неким случайным, приходящим итогом функционирования права, государства и иных государственно-правовых феноменов. Причины появления дисфункций имеют во многом объективный характер, что одновременно не исключает влияния ряда субъективных факторов на их возникновение ввиду того факта, что право и порождаемые им феномены являются непосредственным результатом человеческой деятельности.

5. Наличие диалектической связи между функциями и дисфункциями правовых явлений. Фактически дисфункция представляет собой антипод соответствующей функции права, юридической ответственности и иных правовых явлений. В частности, примером в отношении права будет оппозиция его регулятивной функции и дисфункции по дезорганизации общественных отношений как антипода первой. Диалектика воздействия права на различные сферы общественной жизни не может быть сведена исключительно к положительным направлениям его действия и соответствующим ожидаемым позитивным результатам по упорядочиванию социальных связей. На определенных временных отрезках функционирования права вполне очевидно имманентно присущее праву свойство по оказанию и дезорганизующего воздействия на общество в силу различных причин и факторов, ведущим из которых является, на наш взгляд, дисбаланс внутри самой системы права.

Аналогично и юридическая ответственность как важнейшая составляющая системы права обладает функциональным и дисфункциональным действием в отношении общественных отношений, правопорядка и режима законности в обществе. При этом важно учитывать и то обстоятельство, что при существенном дисбалансе норм внутри института юридической ответственности и их внешней разбалансированности со сложившейся системой охраняемых правом общественных отношений возможно «пробуждение»

к жизни феномена замещения его основных функций дисфункциями со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями вплоть до формирования состояния так называемой «юридической безответственности». Следовательно, нам представляется методологически оправданным выделение детерминанционной цепочки в виде «дисбаланс системы юридической ответственности как межотраслевого комплексного института российского законодательства – дисфункция(и) юридической ответственности – юридическая безответственность как негативное явление социально-правовой действительности».

Дополнение общего учения о юридической ответственности понятием «дисфункция» направлено на выявление неосновных, нетипичных, порой латентных и имеющих, как правило, негативный результат действия функций рассматриваемого института, обнаружение которых также связано с актуализацией проблемы выявления источников, причин их возникновения, измерения суммарного воздействия функций и дисфункций ответственности на общественные отношения в целях уточнения научно-практической модели определения ее эффективности.

В этой связи приведем справедливое, на наш взгляд, утверждение, высказанное в юридической литературе в отношении перспектив разработки понятия «дисфункция» в юриспруденции с опорой на ее методологическую матрицу, изначально разработанную в социологии в области функционального анализа общественных институтов. Так, вполне обоснованно Т.Е. Зяблова, Я.Б. Комарова и В.В. Мамчун полагают ценными для правопедения идеи Р. Мертона о балансе функциональных последствий, изложенные им в рамках науки социологии. На отмеченной методологической основе, как верно подчеркивают исследователи, «... может быть разработана методика анализа оценки эффективности функций права и анализа процесса функционирования; о явных и латентных функциях, способная трансформироваться в теории права в понятия явных и латентных функциональных и дисфункциональных последствий, востребованных при исследовании правотворчества, а также в правотворческой деятельности в процессах правотворческого анализа, моделирования и прогнозирования» [4, с. 22].

Однако прежде чем обратиться непосредственно к вопросам понятия, характерных черт и содержания дисфункций правовой ответственности, необходимо определиться с пониманием ее функций и выделением их отдельных видов. Несмотря на обилие трудов по проблемам понятия и функций юридической ответственности, в общей теории права и в отраслевых правовых науках не найден консенсус и не выработана единая концепция по данным вопросам. Не претендуя на решение всех дискуссионных аспектов

учения о функциях юридической ответственности, предпримем лишь попытку обобщения наличествующих взглядов в специальной литературе и определимся с наиболее приемлемым в целях настоящей работы вариантом понимания их сущности и видовым составом.

Наиболее распространенным определением функций юридической ответственности следует признать их понимание в качестве направлений ее воздействия на социальные отношения, а также на законность, правопорядок и состояние конституционности в обществе, в которых раскрывается ее основное содержание и социальное предназначение [2, с. 42]. В целом согласимся с подобной дефинитивной характеристикой функций юридической ответственности, поскольку представленное определение позволяет не допустить их отождествление, с одной стороны, с функциональностью ответственности, которая есть сам процесс реализации ее функций, а с другой – с результатами воздействия ответственности на общественные отношения.

Особой дискуссионностью отличается вопрос о конкретных функциях, выделяемых у юридической ответственности. В литературе можно обнаружить обоснование следующих функций у рассматриваемого института: регулятивной, охранительной, превентивной, профилактической, воспитательной, карательной, штрафной, восстановительной, стимулирующей, компенсационной, организующей, социального контроля и др. Одновременно встречаются работы, в которых обозначаются сдвоенные функции ответственности в виде восстановительно-компенсационной и карательно-штрафной [14, с. 430-437].

Однако далеко не все исследователи поддерживают позицию о необходимости выделения восстановительной и регулятивной функции юридической ответственности. Так, В.Н. Кожевников приводит заслуживающие внимания доводы о нецелесообразности признания у юридической ответственности восстановительной функции, поскольку это противоречит идеи о дифференциации, отграничении мер ответственности от средств защиты права. Как полагает исследователь, лишь последние могут характеризоваться наличием у них восстановительной функции, а юридическая ответственность, будучи по своей природе инструментом наказания виновного лица за совершенное правонарушение, не способна оказывать восстановительное воздействие. В итоге В.Н. Кожевников приходит к выводу о наличии у юридической ответственности исключительно трех функций – карательной (штрафной), превентивной и воспитательной [8, с. 5-14].

Н.Л. Соломенник, напротив, отстаивает точку зрения, согласно которой восстановительная функция имманентно присуща ответственности, поскольку

она реализуется посредством закрепления в охранительных нормах права обязанности лица, совершившего правонарушение, по восстановлению права, изначального состояния общественного отношения, а также благодаря закреплению в юридических предписаниях компетенции органов государственной власти по принуждению правонарушителя к исполнению обязанности по восстановлению нарушенного права [12, с. 7-8]. В данном понимании восстановительная функция у юридической ответственности трактуется весьма широко, что, на наш взгляд, позволяет все же признать обоснованным ее выделение у рассматриваемого института, поскольку автор восстановительную функцию не отождествляет с простой компенсацией вреда или возмещением ущерба, а определяет ее исходя из способности восстанавливать общественные отношения в целом, обеспечивая тем самым достижение цели социальной справедливости.

М.П. Трофимова в своем специальном диссертационном исследовании, посвященном функциям юридической ответственности, в их числе называет пять: превентивную, регулятивную, карательную, восстановительную и воспитательную [13, с. 9-10]. По нашему мнению, наибольшие возражения вызывает выделение у ответственности именно регулятивной функции ввиду того обстоятельства, что данный институт имеет преимущественно охранительную направленность, содействуя реализации охранительной функции права в целом. В противном случае создаются условия для неоправданного отождествления регулятивной и охранительной функции права на примере функциональной характеристики юридической ответственности, для нивелирования основного предназначения анализируемого инструмента.

Одновременно заслуживает критики позиция о признании за юридической ответственностью стимулирующей функции. Более точным нам видится выделение ограничительной функции ответственности, поскольку ее содержание напрямую связано с ограничением правонарушителя в правах, свободах, в претерпевании им имущественных, организационных и иных лишений. Стоит усомниться в возможности стимулирования правомерного поведения непосредственно через реализацию мер юридической ответственности. Так называемое косвенное стимулирование посредством угрозы наказания правомерного поведения составляет содержание иной функции юридической ответственности – превентивной, а следовательно, закрепление за юридической ответственностью стимулирующей функции ведет к дублированию превентивной, а также к нелогичному отождествлению стимулирования и ограничения в праве.

Представляется, что в юридической литературе характеристика функций юридической ответственности будет неполной в случае упущения из поля зрения ее гарантирующей функции. Весьма важной представляется роль ответственности в качестве ведущей специально-юридической гарантии установления режима законности и обеспечения правопорядка в обществе.

Кроме того, подвергнем критике идею, имеющую широкое признание в отечественном правоведении, о наличии у юридической ответственности карательной функции. Думается, что такое наименование функции через указание на термин «кара» является неудачным и влечет за собой признание у правового наказания цели кары, что не соответствует современным потребностям общества, которое не требует от ответственности возмездного характера и устрашения правонарушителя. Более точным и отвечающим потребностям общества нам представляется выделение у юридической ответственности ограничительной функции как важнейшего направления ее информационно-психологического действия.

С учетом изложенного юридическая ответственность как межотраслевой институт российского законодательства характеризуется, по нашему мнению, выполнением следующих функций: ограничительной, превентивной, гарантирующей, восстановительной и воспитательной. Данный комплекс функционального воздействия ответственности в праве и надлежит сопоставлять с возможными ее дисфункциями. При этом дисфункции ответственности не представляют собой отдельные сбои в осуществлении обозначенных функций, а есть более сложный, закономерный феномен, имеющий своей причиной дисбаланс в системе нормативных правовых предписаний, предусматривающих основания и меры юридической ответственности. Важной отличительной чертой дисфункций ответственности выступают их негативная направленность, деструктивное начало.

Одновременно не следует отождествлять дисфункции с негативными последствиями функционирования системы юридической ответственности. Важно в общей теории права определить конкретные дисфункции ответственности как антиподы ее функций. Например, подлежит выделению дисфункция в виде расширения сферы коррупции, когда система юридической ответственности в силу ее дисбаланса на системной основе не оказывает противодействия коррупции, а, напротив, создает нормативную основу для коррупционных проявлений, формируя одновременно и состояние юридической безответственности для государственных служащих. Наряду с коррупционной дисфункцией юридической ответственности возможно теоретическое признание декомпенсации вреда в качестве своеобразной ее дисфункции, по-

сколькo зачастую вред в российской юридической практике остается возмещенным ни со стороны нарушителя, ни со стороны государства. Дисбаланс в сторону так называемой карательной функции ответственности в уголовном и административном праве в ущерб восстановительной не позволяет потерпевшим от правонарушений рассчитывать на полноценное возмещение вреда. В результате восстановительная функция вытесняется карательной, а точнее ограничительной, что и приводит к декомпенсационной дисфункции института юридической ответственности в целом.

Функция воспитательная у юридической ответственности также перерастает зачастую в дисфункцию, которая порождает рецидивную преступность, профессиональных преступников, что обусловлено ненадлежащей реализацией у института юридической ответственности функции по ресоциализации правонарушителей. Сами процедуры и режим отбывания наказания в виде лишения свободы ввиду их дисфункции порождают профессиональную преступную среду.

Отдельно отметим тот факт, что дисфункции – это системные явления, поэтому нецелесообразно и неточно их классифицировать в отношении юридической ответственности или иного правового явления на системные и несистемные, локальные и масштабные. Повторимся, что отдельные сбои в функционировании института ответственности не следует рассматривать в качестве ее дисфункции. Они представляют собой локальные дефекты, которые обладают несколько иной природой ввиду их ограниченного действия и несущественного значения для функционирования института ответственности в целом. Однако их накопление может приводить к формированию дисфункции юридической ответственности.

Основной же причиной дисфункции, на наш взгляд, выступает дисбаланс в системе юридической ответственности.

В своих исследованиях нами было ранее выработано определение дисбаланса юридической ответственности, и мы позволим себе его воспроизвести и в настоящей статье для более полного понимания причин формирования дисфункции ответственности. Дисбаланс юридической ответственности в общетеоретическом ракурсе можно определить как обусловленное объективными, а отчасти и субъективными факторами состояние несогласованности нормативных предписаний, их несоответствия системным принципам формирования института ответственности, неравнозначности и несоразмерности законодательно установленных мер ответственности нарушениям правовых запретов, диспропорции между тенденциями интеграции и унификации данного межотраслевого института законодательства, нарушения внутри него генетических, иерархических и координационных связей, вызывающего в итоге существенное снижение эффективности охранительного действия права и его дисфункции [10, с. 140-148].

Под дисфункциями юридической ответственности следует понимать неосновные направления преимущественно негативного воздействия норм права, устанавливающих меры ответственности, на общественные отношения, на состояние законности и правопорядка в обществе, несогласующиеся с основными целями и принципами юридической ответственности, вызываемые к жизни дисбалансом в ее содержании и структуре, а также внешними противоречиями между предписаниями в сфере ответственности и насущными потребностями общества, государства и отдельной личности в обеспечении их безопасности.

Литература

1. Байдуллин А.Э. Дисфункции института ответственности как институционализация безответственности регуляторов // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности: сборник научных трудов по итогам IV международной научной конф-ции. Краснодар, 2017. С. 49-51.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исп. и доп. М.: Норма, 2009.
3. Горбаль М.Н. Коррупция как дисфункция органов государственного управления: криминологические предпосылки // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 1. № 2. С. 221-225.
4. Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б., Мамчун В.В. Понятие дисфункции как инструмента функционального анализа права // Вопросы экономики и права. 2019. № 4 (130). С. 18-23.
5. Карнаушенко Л.В. Дисфункции правовой идеологии: факторы, особенности, последствия // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции. Краснодар, 2018. С. 118-125.
6. Катасонов А.В. Превентивная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 26 с.
7. Клименко А.И. Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики. М., 2019. С. 18-27.
8. Кожевников В.В. Функции юридической ответственности: общетеоретические и отраслевые аспекты // Современное право. 2015. № 4. С. 5-14.

9. Комарова Я.Б. Правовая дисфункция: к постановке проблемы // Синергия наук. 2018. № 28. С. 798-803.
10. Кушнир И.В. К вопросу о методологических основаниях исследования феномена дисбаланса юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 140-148.
11. Мацкевич А.В. Реализация функций юридической ответственности органами государственной власти: на примере прокуратуры: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
12. Соломеник Л.Н. Восстановительная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 30 с.
13. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 25 с.
14. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб., 2007. 948 с.
15. Шилкина Е.Л., Тованчова Е.Н., Ковалев А.В. Дисфункции во взаимодействии ветвей власти в современной России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5 (96). С. 119-123.

УДК 347.73:004.896

В.В. Мазурин, канд. юрид. наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

E-mail: mazur2v2v2@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

В статье рассматривается возможность применения искусственного интеллекта в реализации норм финансового права, исходя из особенностей этой отрасли российского права. Исследуется использование приемов и видов толкования норм финансового права искусственным интеллектом, предполагаются различные варианты его использования в зависимости от вида норм финансового права и форм их реализации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, норма права, виды норм, финансовое право, алгоритмы, толкование норм права, приемы толкования норм права, формы реализации норм права.

V.V. Mazurin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

E-mail: mazur2v2v2@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE IMPLEMENTATION OF THE STANDARDS OF FINANCIAL LAW

The article discusses the possibility of using artificial intelligence in the implementation of financial law, based on the characteristics of this branch of Russian law. The use of techniques and types of interpretation of financial law norms by artificial intelligence is investigated, various options for its use are assumed depending on the type of financial law norms and the forms of their implementation.

Key words: artificial intelligence, rule of law, types of rules, financial law, algorithms, interpretation of the rule of law, methods of interpreting the rule of law, forms of implementation of the rule of law.

Все чаще можно услышать о переложении рабочих функций, выполняемых человеком, на устройства, обладающие искусственным интеллектом (далее – ИИ). Желание сделать труд человека более дешевым, с одной стороны, и качественным, с другой стороны, двигает научный прогресс в этой сфере все быстрее и быстрее. Пределы развития искусственного разума в решении различных человеческих проблем на данный момент никем не могут быть четко определены. В литературе уже, хотя и робко, высказывается позиция о том, что мы стоим на пороге скачка в качестве жизни человека и обеспечении его прав на основе передовых технологий.

В литературе можно встретить следующие определения ИИ – раздел компьютерной лингвистики и информатики, занимающийся формализацией проблем и задач, которые напоминают задачи, выполняемые человеком, при этом алгоритм решения задачи не известен заранее; техническая компьютерная система имеет определенные признаки интеллекта, т.е. способна распознавать и понимать, находить способ достижения результата и принимать решения, обучаться [10, с. 342]. Также встречается подход, согласно которому под ИИ следует понимать совокупность методов и инструментов для решения сложных прикладных задач, использующих принципы и подходы, аналогичные размышляющему над их решением человеку или процессам, протекающим в живой или неживой природе [1, с. 78]. В основе всех этих определений лежит предназначение ИИ – решение задач, стоящих перед разумом человека.

ИИ может прийти в любые сферы человеческой жизни, в т.ч. связанные с регулированием общественных отношений с помощью норм права. Однако с учетом значения норм права для общества, их влияния на имущественные отношения, необходимости государства осуществлять контроль за всеми процессами в экономике и обществе именно через реализацию норм права ИИ в этой сфере должен обладать определенными особенностями и признаками.

Во-первых, ИИ, участвуя в реализации норм права, должен иметь в своем распоряжении только алгоритмы, созданные самим человеком, а не в результате работы самого ИИ. Во-вторых, решение, выдаваемое ИИ, по той или иной проблеме, где осуществлялся анализ норм права, должно быть для разума человека очевидно и однозначно, не порождать споры. В-третьих, устройство, в которое заложены алгоритмы, должно быть под постоянным контролем лиц, обладающих определенным статусом и состоящих на государственной службе. В-четвертых, эти уполномоченные должностные лица должны контролироваться сразу с нескольких направлений, чтобы нивелировать их возможные ошибки при работе с ИИ.

В-пятых, создание такого ИИ может быть только в результате логического подхода, основой которого служит алгебра логики, приводящая к созданию экспертных систем [10, с. 343], а не к примеру с помощью структурного или импровизационного подходов. Использование при этом нечеткой логики как метода внутри логического подхода может применяться при осуществлении работы с нормами права ИИ, по схеме три вида ответа – «да», «нет» и «не знаю», когда последний ответ будет подразумевать невозможность сделать однозначный вывод по этой норме, давая соответствующий сигнал законодателю.

В-шестых, особый подход должен быть к самообучению ИИ в исследуемой сфере. Под этим процессом следует понимать подключение ИИ к обновляемой нормативно-правовой базе, а также внесение человеком соответствующих поправок в его алгоритмы. Возможность, что ИИ может самообучаться и развиваться дальше без постоянного вмешательства человека, получая информацию из подключенных к нему источников, должна быть исключена.

Четкое определение границ работы ИИ с нормами права может вызвать критику, т.к. все это больше напоминает калькулятор, выдающий строго определенный результат, отсутствует создание самим ИИ каких-либо новых алгоритмов. Но, с другой стороны, идея, что ИИ в процессе самообучения будет способен создавать идеально необходимые для регулирования отношений в различных отраслях нормы права, не выдерживает критики, по крайней мере на современном этапе.

ИИ должен соответствовать разуму человека, но последний не в состоянии предположить наступление эпидемий, финансовых катастроф, их последствий для экономики и населения и, самое главное, свою реакцию на эти события, и, следовательно, нельзя предположить принятие тех или иных норм права. Здесь можно привести слова профессора Хьюберта Дрейфуса: «У компьютера нет ни тела, ни эмоций, ни потребностей. Он лишен социальной ориентации, которая приобретает жизнь в обществе, а именно она делает поведение разумным. Я не хочу сказать, что компьютеры не могут быть разумными. Но цифровые компьютеры, запрограммированные фактами и правилами из нашей, человеческой жизни, действительно не могут стать разумными» [3, с. 237].

ИИ не может быть на месте человека в оценке мотивов другого человека, смягчающих и отягчающих обстоятельств его поступков, его психического и физического здоровья, морального состояния, а следовательно, должен быть исключен из работы с нормами уголовного права, административного права при привлечении к ответственности физических лиц, а также гражданского права в той части, когда имущественные правоотношения связаны с личностью.

Если анализировать нормы права различных отраслей, то наиболее идеально подходят для составления алгоритмов ИИ нормы финансового права. Под нормой финансового права Н.И. Химичева понимает установленное государством и обеспеченное мерами государственного принуждения строго определенное правило поведения в общественных финансовых отношениях, возникающих в процессе планового образования, распределения и использования государственных (и муниципальных) денежных фондов и доходов, которое закрепляет юридические права и юридические обязанности их участников [9, с. 64-65].

Как видно из определения, эти нормы принадлежат публичной отрасли, и личности человека они касаются минимально. В качестве примера, когда в финансовом праве идет речь об оценке человеческих поступков, можно привести подп. 2 статьи 111 НК РФ, согласно которому обстоятельствами, исключаящими вину лица в совершении налогового правонарушения, признается совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом, находившимся в момент его совершения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния [5]. Но это все же больше исключение, и здесь можно привести цитату Н.В. Омелёхиной из работы, посвященной понятию и сущности финансовых правоотношений: «Эти отношения не свойственны биологической природе человеческого существования» [6, с. 62]. Кроме этого, упоминается плановое образование, распределение и использование денежных фондов, а наличие плановости позволяет рассматривать эти нормы как максимально упорядоченные и структурированные, что упрощает работу с такими нормами права разработчикам алгоритмов для ИИ.

Кроме этого, правовые нормы никогда не бывают стационарными и постоянно подвергаются изменениям под влиянием политических и экономических процессов, происходящих в государстве. В результате вносятся изменения в действующие нормативно-правовые акты или принимаются другие, что порождает возникновение новых правоотношений между различными субъектами. Этот процесс характерен для всех отраслей права, но в первую очередь из-за необходимости оперативно отражать изменения в экономике для финансового права.

Измененные нормы финансового законодательства, которые автоматически в качестве новых алгоритмов могут поступать ИИ, сильно облегчат работу правоприменителю-человеку, т.к. ему физически необходимо больше времени для ознакомления с произведенными изменениями, устранят вероятность совершения им ошибок на первом этапе

работы с нововведениями. Как указывал Д.В. Лысич, «...если человек не в состоянии учесть влияние тысячи факторов, а тем более точно рассчитать конечный результат, мгновенно скорректировать свои действия, то для электронного мозга это не составит никакого труда» [4, с. 243].

Реализация норм финансового права происходит с помощью различных способов (средств), включающих в себя юридические факты, акты применения норм финансового права, разъяснения и толкования финансово-правовых норм [8, с. 43]. ИИ можно рассматривать как инструмент, с помощью которого осуществляется толкование. При использовании ИИ в реализации норм финансового права он сливается с толкованием, не порождая каких-либо отдельных приемов и видов толкования этих норм.

При этом с учетом тех признаков, которыми должен обладать ИИ при работе с нормами права, для его разработки из выделяемых в научной литературе приемов толкования норм финансового права больше всего будет подходить словесный или грамматический прием, когда смысл нормы финансового права понимается, как правило, в точном соответствии с текстом [2, с. 136], и системный прием, когда любая подлежащая толкованию норма финансового права представляет собой составную часть системы – нормативного акта, закона, кодекса, и только в таком качестве, взаимодействуя с другими нормами, подлежит толкованию и пониманию [2, с. 136]. Использование словесного или грамматического приема предполагает однозначную реакцию человека, что может транслироваться в виде алгоритмов ИИ, которые будут также предусматривать возможность связи с другими алгоритмами, реализуя системный прием толкования. В свою очередь, для работы ИИ не подходит историко-политический прием, т.к. он должен быть полностью объективен, а трактовка каких-либо явлений и событий, связанных с правом, осуществляемая с историко-политической позиции, подразумевает определенный субъективизм.

К видам толкования норм финансового права относят официальное, доктринальное и общественное толкование [2, с. 136-137]. ИИ должен быть применен в официальном толковании норм финансового права, т.к. предназначен для разрешения задач, связанных с финансовой деятельностью, стоящих перед органами власти. Доктринальное и общественное толкование может расходиться с теми выводами, которые делаются при официальном толковании, т.к. только орган, издавший нормативно-правовой акт, способен точно определить, на регулирование каких именно отношений направлено действие норм этого акта.

ИИ в реализации норм права, в т.ч. и финансового, можно рассматривать в двух статусах – ИИ как «арбитр» и ИИ как «помощник». В первом статусе

предполагается принятие решения ИИ вместо уполномоченного должностного лица, транслируемое непосредственно лицу, заинтересованному в этом решении – другому уполномоченному должностному лицу, органу власти, физическим лицам или организациям. Принятое решение порождает возникновение конкретных финансовых правоотношений между его участниками.

Во втором статусе ИИ не выносит решения вместо уполномоченного должностного лица, но способствует соблюдению различными субъектами правильности всех процедур, дает вовремя возможность среагировать на нарушение норм финансового права. ИИ-«помощник» может предшествовать своей деятельностью последующему включению в работу ИИ-«арбитра» или уполномоченного должностного лица и затем принятию ими решения по ситуации. Наличие этих статусов определяется в зависимости от видов реализуемых норм финансового права и форм их реализации.

Существуют различные классификации норм финансового права в зависимости от содержания, по характеру воздействия на участников финансовых отношений, территории действия, в зависимости от вида регулируемых отношений, в зависимости от выполняемых функций и т.д. Можно провести детализацию возможной работы ИИ в реализации каждого вида норм финансового права, но это большое и многогранное исследование, которое не может быть отражено в формате научной статьи. На данный момент практичнее будет разбить все нормы финансового права на две группы, которые указывает в своей работе Н.В. Омелёхина: нормы, реализуемые вне правоотношений, и нормы, реализуемые через правоотношения [6, с. 63]. В первую группу автор включает такие виды правовых норм, как общезакрепительные, дефинитивные, декларативные, оперативные и коллизионные, а во вторую – регулятивные и охранительные [6, с. 62-63].

ИИ-«помощник» может быть применен в реализации норм первой группы, т.к. ему нет необходимости выносить решение, которое может повлиять на правовое положение каких-либо субъектов, но при этом может быть ускорена работа с нормативно-правовыми актами, будут нивелированы технические ошибки, связанные с пониманием содержания норм, со стороны правоприменителя. Так как для ИИ-«помощник» необходима однозначная трактовка нормы, при работе его алгоритмов с этой группой норм им могут быть сделаны выводы, напрямую не влияющие на финансовые правоотношения и не порождающие споров, но позволяющие выявить противоречивость в содержании дефиниций, коллизий и т.д.

В случаях реализации норм финансового права второй группы ИИ может выступать как в роли

арбитра, так и в роли помощника. Работая с регулятивными нормами, ИИ-«арбитр» от имени уполномоченного должностного лица порождает возникновение финансовых правоотношений, отвечая на запрос заинтересованного субъекта – противоположной стороны в правоотношении, принимает решение. В свою очередь, с охранительными нормами ИИ может выступать в качестве помощника на этапе выявления совершенного правонарушения в сфере финансовой деятельности и донесения этой информации до должностного лица, которое привлекает к ответственности виновных лиц. ИИ в этом случае не будет напрямую участвовать в реализации охранительных норм, однако это возможно, если речь будет идти, к примеру, о привлечении к налоговой ответственности организации.

К формам реализации норм финансового права относят соблюдение, исполнение, использование, применение [7, с. 173]. Рассматривать ИИ в этих формах реализации можно также в двух указанных выше статусах.

Соблюдение предусматривает со стороны обязанных лиц следование, как правило, запрещающим нормам финансового права, и в случае нарушения ими этих норм ИИ-«помощник» может выявить и дать информацию о нарушении уполномоченному лицу, которое уже будет принимать решение о дальнейших действиях.

Исполнение предусматривает выполнение соответствующим субъектом обязывающих норм финансового права, и в случае нарушения обязанностей, что может быть в виде действия или бездействия, ИИ-«помощник» сигнализирует об этом также уполномоченному лицу.

Использование, в отличие от соблюдения и исполнения, предусматривает активную реализацию субъектами своего права, к которому они прибегают на основании уполномочивающих норм финансового права. Если своим правом воспользуется не субъект, обладающий властными полномочиями, а иные субъекты, то ИИ можно рассматривать как арбитра.

Применение как форма реализации норм финансового права предусматривает со стороны властвующего органа использование своего права в виде издания нормативных актов в сфере финансовой деятельности, которые порождают обязанности у иных лиц. Роль ИИ в таких случаях также сводится к наблюдению за соблюдением изданного акта и сигнализированию о его нарушении лицу, издавшему этот акт, т.е. он выступает здесь как помощник.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что возможное использование ИИ в реализации норм финансового права должно быть проведено исходя из тех позиций, что далеко не все общественные отношения могут им регулироваться, а статус его участия

зависит от конкретных видов норм и форм их реализации. Его использование в изучаемой сфере предполагает отсутствие разногласий в толковании норм финансового права и наличие должностных лиц, контролирующих принятие ИИ решений.

Благодаря ИИ речь может идти не только о снятии части функций с должностных лиц в сфере финансовой деятельности государства (муниципальных обра-

зований), но и об удобстве других лиц, вступающих в финансовые отношения, снижении споров, уменьшении возможных коррупционных проявлений. Чем быстрее законодатель реагирует на изменившуюся экономическую обстановку путем принятия норм финансового права и будет передавать их ИИ, тем быстрее можно будет воздействовать на экономические процессы в государстве.

Литература

1. Абдразакова С.Р., Булгакова И.В. Искусственный интеллект в технических системах // Введение в энергетику: сборник мат-лов I Всероссийской молодежной научно-практ. конф-ции. Кемерово, 2014. С. 78.
2. Бельский К.С., Павлова Е.Ю. Доступность норм финансового права и их толкование // Государство и право. 2020. № 3. С. 134-141.
3. Калашникова М.М., Опалева М.Ю. Проблема искусственного интеллекта: сменится ли человеческая цивилизация постчеловеческой // Актуальные проблемы социальной коммуникации: мат-лы второй Международной научно-практ. конф-ции. Нижний Новгород, 2011. С. 236-238.
4. Лысич Д.В. Искусственный интеллект: перспективы человечества // Актуальные проблемы социальной коммуникации: мат-лы второй Международной научно-практ. конф-ции. Нижний Новгород, 2011. С. 241-243.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
6. Омелёхина Н.В. К вопросу о понятии и сущности финансовых правоотношений: общетеоретический аспект // Вестник НГУ. Серия: Право. 2010. № 2. С. 57-65.
7. Россихина Г.В. Основные формы реализации финансового права // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). С. 172-175.
8. Россихина Г.В. К вопросу о применении норм финансового права // WEB OF SCHOLAR. 2017. № 2 (11). С. 41-45.
9. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
10. Шмелева Р.М., Иванкина Л.И. Искусственный интеллект // Информационные технологии в науке, управлении, в социальной сфере и медицине: мат-лы Международной научной конф-ции. Томск, 2014. Ч. 2. С. 342-344.

УДК 342

С.П. Шатилов, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shatilov_sp@mail.ru;

О.А. Шатилова, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shatilova_oa@mail.ru

БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются основные подходы к понятию «бюрократизм», выделяются его основные признаки. Анализу подвергнуты наиболее эффективные меры борьбы с бюрократизмом в стране, обозначается ряд проблем, требующих разрешения со стороны органов государственной власти. Предлагаются возможные пути решения существующих и требующих устранения пробелов и недостатков в этой сфере.

Ключевые слова: бюрократизм, государственные служащие, муниципальные служащие, государственные органы, правовое государство, социальное государство, гражданское общество.

S.P. Shatilov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shatilov_sp@mail.ru;

O.A. Shatilova, Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shatilova_oa@mail.ru

STRUGGLE AGAINST BUREAUCRACY IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article considers the main approaches to the concept of bureaucracy, identifies its main features, analyzes the most effective measures to combat bureaucracy in the country, identifies a number of problems that require resolution by public authorities, and suggests possible solutions to existing and requiring the elimination of gaps and shortcomings in this area.

Key words: bureaucracy, civil servants, municipal employees, state bodies, legal state, social state, civil society.

В настоящее время в современном обществе использование термина «бюрократия» ассоциируется с отрицательным отношением населения страны к органам государственной власти и местного самоуправления. В общественных науках существуют различные подходы к понятию «бюрократия». Так, сторонники марксистско-ленинской теории под бюрократизмом понимают «обособленный от масс, стоящий над массами привилегированный социальный слой, желающий монополизировать функции хозяина общественного богатства» [17, с. 16]. По мнению российского ученого, доктора экономических наук С.Н. Смирнова, под бюрократией следует понимать «систему управления, основанную на формализме, превалировании формального над сущностным, на административной волоките» [17, с. 17]. Доцент, кандидат исторических наук Н.В. Рыбалко рассматривает бюрократию как «направление, которое принимает государственное управление в странах, где все дела сосредоточены в руках органов центральной правительственной власти, действующих по предписанию (начальства) и через предписание (подчинённым)» [16, с. 108].

Обобщая все изложенное, следует отметить, что большинство ученых сходятся во мнении, что бюрократия обладает рядом признаков, присущих только ей, а именно: формальное отношение органов власти к нуждам населения; при принятии решения по различным вопросам в первую очередь учитывается мнение должностных лиц; присуща усложненная процедура при принятии решений.

Нельзя отрицать того, что в Российской Федерации существует громоздкий управленческий аппарат. Так, в 2019 г. по данным Федеральной службы государственной статистики насчитывалось 2 157 937 работников государственных органов и органов местного самоуправления, причем в среднем по стране на 10 000 чел. приходится 147 работников [15]. К сожалению, значительная часть управленческого аппарата выполняет свои функциональные обязанности в отрыве от потребностей и интересов общества, и, как следствие, это приводит к нарушению прав и свобод граждан. Только за октябрь 2020 г. работниками прокуратуры Российской Федерации было выявлено нарушений законности в сфере прав и свобод человека и гражданина 2 022 706; в сфере оплаты труда – 257 000; в сфере соблюдения прав несовершеннолетних – 573 465; в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности – 165 548; в сфере ЖКХ – 295 821 [14]. Все эти выявленные правонарушения в той или иной степени затрагивают институт бюрократии в Российской Федерации.

Безусловно, это не может не тревожить руководство страны, поэтому в Российской Федерации на протяжении последних двадцати лет ведется борьба

с бюрократизмом. Президент России В.В. Путин за весь период своей деятельности неоднократно акцентировал внимание правительства на необходимости совершенствования законодательства с целью недопущения бюрократического отношения чиновников при решении проблем населения страны. Россия как цивилизованное государство прежде всего должна стать правовым государством, где реально реализуются права и свободы человека и гражданина, существует их взаимная ответственность друг перед другом.

В связи с вышеизложенным был принят ряд эффективных мер, направленных на борьбу с бюрократизмом в стране.

Во-первых, это внесение поправок и дополнений в действующее законодательство в части ужесточения санкций, введения новых статей, направленных как напрямую, так и косвенно на борьбу с бюрократизмом. Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ были внесены ст. 5.39 «Отказ в предоставлении информации», ст. 59 «Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан», ст. 5.63 «Нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», ст. 13.16 «Воспрепятствование распространению продукции средства массовой информации», ст. 13.19 «Непредоставление первичных статистических данных» [1] и др. В Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ были внесены изменения в ст. 201 «Злоупотребление полномочиями», ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 286 «Превышение должностных полномочий», ст. 293 «Халатность» и др. [18].

Кроме того, было закреплено законодательное упрощение процессуальных процедур при приобретении разрешения в различных сферах жизнедеятельности. Так, с 1 января 2021 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [8], согласно которым при получении лицензии в образовательной деятельности заявление, а также иные необходимые документы можно подать не только в лицензирующий орган, но и через многофункциональные центры. Причем в соответствии с ч. 5 ст. 13 и ч. 4 ст. 18 закона предоставление документов возможно либо при личном присутствии подающего, либо посредством направления пакета документов почтой с уведомлением о вручении. В первой редакции Федерального закона «О политических партиях» [9] от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ, согласно ст. 3, в политической партии должны были состоять не менее пятидесяти тысяч человек, в дальнейшем количество было уменьшено до пятисот человек. В Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Рос-

сийской Федерации» [6], в ст. 14 «Прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке», с 2008-2020 гг. были внесены поправки, увеличившие количество субъектов, обладающих правом приобретать российское гражданство в упрощенном порядке, и снят ряд требований при его получении.

Во-вторых, в целях упрощения бюрократических процедур, исключения долгого, некомфортного ожидания в очередях при оказании комплекса муниципальных и государственных услуг 27 июля 2010 г. вступил в юридическую силу Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», во исполнении которого были созданы многофункциональные центры. Данная организация является своеобразным посредником между органами исполнительной власти и гражданами страны. Предоставляемые ею услуги являются важными не только для конкретного субъекта, но и для групп людей при решении общественно значимых вопросов. Реализация данного закона способствовала сокращению коррупционных проявлений со стороны государственных и муниципальных служащих, ведь в процессе взаимодействия с многофункциональными центрами юридические и физические лица не контактируют с конкретными представителями власти – общение происходит с непредвзятыми и незаинтересованными лицами.

В том же законе с той же целью в ст. 21 «Порталы государственных и муниципальных услуг» обозначено, что был учрежден единый портал государственных и муниципальных услуг, являющийся федеральной государственной информационной системой, обеспечивающий предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме и доступ заявителей к сведениям о государственных и муниципальных услугах, предназначенный для распространения с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и размещенный в государственных и муниципальных информационных системах [12].

Безусловно, это способствует совершенствованию эффективности процедур при разработке и принятии управленческих решений, ее предельному упрощению, освобождению от дополнительных субъектов, занимающихся вопросами согласования, ненужного предоставления справок, и многократному сокращению отчетности.

В-третьих, Россия как правовое государство с наличием в нем гражданского общества может развиваться только в том случае, если существует прямая и обратная связь между органами публичной власти и институтами гражданского общества. Поэтому руководством страны на законодательной основе закрепляется равноправие власти и общества, создаются действенные механизмы их взаимодействия. Эффек-

тивная реализация Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32 «Об общественной палате Российской Федерации» [11], Федерального закона от 4 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [13], созданный в мае 2011 г. по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина «Общественный народный фронт» и множество других общественных институтов позволили населению страны непосредственно осуществлять контроль за деятельностью органов государственной власти, должностными лицами, принимать участие в управлении муниципальными образованиями по решению вопросов местного значения.

Кроме того, органами государственной власти по наиболее важным вопросам, требующим принятия какого-либо решения, все чаще вводится в практику изучение мнения общественности. Наиболее ярким примером участия общественности стало публичное обсуждение законопроектов с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Например, так обсуждался проект Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [10]. По словам бывшего Председателя Государственной Думы Российской Федерации Б.В. Грызлова, «в обсуждении закона приняли участие 1,5 миллиона человек, 33 тысячи дали конкретные отклики, из которых 20 тысяч человек внесли конкретные предложения, принятые к рассмотрению» [18].

В-четвертых, одним из основных направлений борьбы с бюрократизмом является назначение на должности государственных и муниципальных служащих компетентных работников, имеющих не только соответствующее профильное образование, но и практический опыт, в т.ч. в сфере управления. В связи с этим во исполнение ст. 4 «Принципы гражданской службы» Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [4] в стране сложилась практика назначать на должности государственных служащих компетентных лиц, обладающих профессионализмом. Соблюдение данного принципа при назначении на руководящие должности способствует снижению риска при принятии ими управленческих решений, а также оперированию не личностными мотивами, а применением действующего законодательства и использованием апробированного практического опыта.

В-пятых, на первый взгляд может показаться, что рассматриваемая деятельность органов государства не относится к мерам, направленным на борьбу с бюрократизмом, однако не следует забывать, что должностные лица – тоже люди, и им тоже приятно видеть результаты своей деятельности, слышать от населения не только критику, но и слова благодар-

ности. Российская Федерация является социальным государством. Реализуя социальную политику, государство не только создает нормальные условия жизни людей, но и формирует положительный имидж государственных и муниципальных служащих.

Условием эффективного развития гражданского общества является институционально-нормативное (легитимность институтов гражданского общества) и ресурсное обеспечение институтов гражданского общества. В российском обществе бытует мнение, что первое условие выполнено в полной мере, а вот в отношении ресурсов, прежде всего финансовых, высказывается недовольство, а во многих случаях и заслуженная критика. Однако не следует забывать, что органы государственной власти ежегодно принимают социальные пакеты законодательных актов, способствующих улучшению жизни населения и, как следствие, формирующих позитивное отношение граждан государства к работе государственных и муниципальных служащих.

Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ «Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации» с 1 января 2021 г. минимальный размер оплаты труда вырос на 5,5% и составил 12 792 рубля [2].

В соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» с 1 января 2021 г. пенсия по старости выросла на 6,3%, до 17 443 рублей. Размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости составил 6044 рубля 48 копеек. Социальные пенсии проиндексированы на 2,6% [5].

С 1 января 2021 г. вступили в силу поправки в Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», согласно которым материнский капитал увеличен: на первого ребенка с 466 617 до 483 881,83 рубля, на второго – с 150 000 до 155 550 рублей. Кроме того, материнский капитал на второго ребенка в семьях, где за первого ребенка его не получали, составил 639 432 рубля [7].

В соответствии с внесенными поправками от 23 ноября 2020 г. в Налоговый кодекс Российской Федерации с 1 января 2021 г. налог на доходы физических лиц повысился с 13 до 15% для тех, у кого до-

ходы будут превышать 5 млн рублей в год. При этом разовое превышение порога, связанное, например, с получением страховой выплаты, облагаться повышенным налогом не будет [3]. Все вырученные средства будут направлены на лечение детей с редкими заболеваниями.

Несомненно, это не весь перечень мероприятий, направленных на борьбу с бюрократизмом, проводимых государством. В то же время остается ряд проблем, требующих принятия кардинальных мер, а именно: высокий уровень коррупции в стране; несовершенство законодательства в части либеральности санкций за должностные преступления и проступки; назначение на руководящие должности лиц с недостаточным опытом (по принципу – родственники, друзья, знакомые); низкий уровень правовой культуры должностных лиц; недостаточная работа по удовлетворению потребностей населения и др.

По нашему мнению, вышеуказанные проблемы можно решить только путем укрепления законности в управленческой сфере, посредством совершенствования организационных структур государственных и муниципальных органов, путем использования более эффективных форм и методов при принятии управленческих решений. При борьбе с бюрократизмом необходимо использовать кадровую политику, добиться, чтобы подбор и расстановка кадров велись открыто, на конкурсной, состязательной основе, ужесточить законодательство в отношении должностных лиц в части материальной ответственности за негативные последствия своей деятельности. В процессе принимаемых решений в социальной сфере необходимо усилить работу по удовлетворению материально-бытовых и духовных потребностей общества посредством существенного увеличения заработной платы, индексации пенсий и прожиточного уровня, развития и оказания государственной поддержки общественным институтам, способствующим улучшению духовных, нравственных основ не только населения, но и государственных и муниципальных служащих.

Все эта деятельность не должна сводиться к единовременным мерам и механическим реорганизациям, она должна носить комплексный и постоянный характер.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации от 29.12.2020 № 473-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.06.2002 № 62-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О политических партиях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Об общественной палате Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.10.2003 № 131-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru>.
15. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
16. Рыбалко Н.В. Проблема зарождения бюрократии в России в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. № 8. С. 107-111.
17. Смирнов С.Н. Российская бюрократия и её роль в процессах модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 2009. № 4. С. 115-139.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Административное право и административный процесс

УДК 343.263:343.85

В.М. Вагайцев

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: bacha1972@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРЕБЫВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТАХ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье раскрываются отдельные аспекты, связанные с административно-правовым предупреждением правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации, приводятся научные мнения о проблеме правовой защищенности несовершеннолетних. Исходя из анализа научных мнений и складывающейся практики, определяются факторы, влияющие на состояние защищенности ребенка. Изучается статистическая информация. Автором рассматриваются отдельные административные ограничения, применяемые в отношении несовершеннолетних, в частности ограничение пребывания несовершеннолетних в общественных местах как мера профилактики правонарушений. Приводятся федеральные и региональные нормы права, устанавливающие законодательные основы ограничения пребывания несовершеннолетних в общественных местах. Анализируется зарубежный правоприменительный опыт. Предлагаются теоретически обоснованные рекомендации по совершенствованию института административной ответственности за допущение нахождения несовершеннолетних в местах, нахождение в которых может причинить вред их здоровью и развитию.

Ключевые слова: дети, несовершеннолетние, защищенность детей, факторы, влияющие на состояние защищенности ребенка, противоправные деяния, административные ограничения, ограничение пребывания несовершеннолетних, полиция, административная ответственность.

V.M. Vagaytsev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: bacha1972@mail.ru

RESTRICTION OF THE STAY OF MINORS IN SEPARATE PLACES AS AN OFFENSES PREVENTING MEASURE

The article reveals certain aspects related to the administrative and legal prevention of juvenile delinquency in the Russian Federation. Scientific opinions on the problem of legal protection of minors are investigated. Based on the analysis of scientific opinions and emerging practice, the factors influencing the state of the child's security are determined. Statistical information is being studied. The author examines certain administrative restrictions applied to minors, in particular, limiting the stay of minors in public places as an offenses preventing measure. Federal and regional norms of law, establishing the legislative basis for limiting the stay of minors in public places, are presented. The activity of the police in this area is considered. The foreign law enforcement experience is analyzed. Theoretically grounded recommendations are proposed for improving the institution of administrative responsibility for allowing minors to stay in places where they may harm their health and development.

Key words: children, minors, protection of children, factors affecting the state of protection of a child, illegal acts, administrative restrictions, restricting the stay of minors, police, administrative responsibility.

В настоящее время в нашей стране проживает 30 429 824¹ ребенка в возрасте до 18 лет. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным неоднократно подчеркивалась важность воспитания и защиты детей, в частности отмечалось, что «в России вопросы воспитания детей, укрепления семейных ценностей – в числе ключевых общенациональных приоритетов» [18].

Вопросы защиты детей, в т.ч. и от противоправных посягательств, неоднократно поднимались и научным сообществом. Так, О.В. Лунькова, К.В. Скорик говорят о детях как об одной из самых незащищенных групп населения, зачастую попадающих в социально опасную неблагоприятную среду благодаря таким факторам, как материальное положение их родителей, законных представителей, алкоголизм и наркомания, уклонение от содержания и воспитания детей, следствие чего – безнадзорность, беспризорность, вовлечение в противоправную деятельность [7, с. 78].

О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин, Е.П. Гришина рассматривают защиту детей как жертв преступлений и свидетелей, проходящих по уголовным делам [4, с. 25]. С точки зрения уголовного закона исследует обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних И.И. Нагорная [8, с. 92]. Оценивает качество законодательства в сфере детства как важнейшее условие правовой защищенности ребенка А.Ю. Сологуб [26, с. 50]. О.С. Рыбакова исследует конституционно-правовую природу права ребенка на безопасность [19, с. 108], справедливо утверждает, что защищенность ребенка является конституционной ценностью.

Изучение научных публикаций и складывающейся правоприменительной практики позволяет из многих наиболее негативных факторов, влияющих на состояние защищенности ребенка, в качестве основных выделить следующие:

1. Противоправные деяния, совершаемые в отношении несовершеннолетних. Так, по данным руководителя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина, за последние три года признаны потерпевшими по уголовным делам свыше 65 тысяч несовершеннолетних, а за 10 лет число таких преступлений выросло на 48% [15].

Только за 2020 год возбуждено 16 494 уголовных дел о преступных деяниях в отношении детей, потерпевшими по которым признаны 11 640 несовершеннолетних [17].

2. Противоправное поведение самих несовершеннолетних. По данным МВД России, только с января по март 2021 г. несовершеннолетними и при их участии было совершено 7320 преступлений [27]. Следует также учитывать, что преступления, совершаемые несовершеннолетними, зачастую носят

групповой, многоэпизодный характер, что существенно повышает их тяжесть [1, с. 56]. Кроме того, за 2020 год несовершеннолетними только в возрасте до 16 лет совершено 71 684 административных правонарушений².

3. Негативное информационное воздействие, оказываемое на несовершеннолетних. Согласимся с мнением К.Д. Рыдченко, который утверждает, что «именно дети выступают основной целью негативно-информационно-психологического воздействия» [20, с. 16].

Например, в популярном сериале «Физрук» показаны сцены, как подростки, школьники регулярно посещают ночные клубы, дискотеки, употребляют спиртное. К сожалению, такие примеры часто можно увидеть не только в художественном замысле сценаристов, но и в реальной жизни.

В ходе профилактических рейдов сотрудники полиции и представители общественности регулярно выявляют несовершеннолетних в местах, нахождение в которых запрещено для них. Так, по инициативе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка А.Ю. Кузнецовой ежегодно проводится Всероссийская акция «Безопасность детства» [16], в ходе которой волонтерами проводится мониторинг объектов, где бесконтрольно могут находиться дети, в т.ч. недостроенных и заброшенных зданий, парков, водоемов.

Мировой опыт показывает, что различные правовые акты, ограничивающие время нахождения несовершеннолетних на улице, действующие в ряде стран Европы, США, Латинской Америки, способствуют улучшению ситуации и, как следствие, снижению беспризорности и преступности среди несовершеннолетних [5, с. 18]. Например, нормы права, ограничивающие пребывание несовершеннолетних детей без сопровождения взрослых с 22.00 до 06.00, действуют в Польше с 1 мая 1998 г. Более чем в 300 городах США местными властями установлены ограничения пребывания для подростков на улице в ночное время. Подобные ограничения действуют и в ФРГ. Так, Закон о защите молодежи в общественных местах [2] запрещает детям и подросткам, не достигшим 16 лет, находиться в заведениях, посещаемых публикой без сопровождения взрослых, отвечающих за их воспитание, с полуночи до пяти утра. В Республике Казахстан детям запрещено находиться без сопровождения взрослых в развлекательных заведениях с 22.00 до 06.00, а вне жилища – с 23.00 до 06.00 [6]. Законом Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [13] запрещено нахождение несовершеннолетних в возрасте до

¹ По данным портала ГИАЦ МВД России.

² Там же.

шестнадцати лет в ночное время вне жилища с 23.00 до 06.00.

В России правовая основа таких запретов указана в ст. 14.1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [11] и конкретизируется в законах субъектов РФ. Принятие норм об административной ответственности за нарушение ограничений пребывания несовершеннолетних на улицах и в других общественных местах в ночное время рассматривается как направление социальной профилактики правонарушений в регионах [28, с. 18].

Например, в Нижегородской области это Закон от 9 марта 2010 г. № 23-З «Об ограничении пребывания детей в общественных местах» [13]. В Московской области – Закон от 4 декабря 2009 г. № 148/2009-ОЗ «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью и развитию несовершеннолетних в Московской области» [14]. В Республике Чечня – Закон от 24 июня 2014 г. № 25-РЗ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Чеченской Республике» [21].

В Алтайском крае Законом от 7 декабря 2009 г. № 99-ЗС [10] (далее – Закон № 99-ЗС) установлены ограничения на пребывание несовершеннолетних в общественных местах. Согласно данному закону не допускается нахождение несовершеннолетних в общественных местах в ночное время без сопровождения взрослых. В возрасте до шестнадцати лет – с 22 часов до 6 часов, а в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – с 23 часов до 6 часов местного времени.

К числу сопровождающих относятся родители (законные представители) несовершеннолетнего, близкие родственники или лица, осуществляющие мероприятия с участием детей.

Указанные положения не распространяются на несовершеннолетних, признанных полностью дееспособными в соответствии с законодательством. В данном случае вступает в действие понятие «эмансипация» [3], т.е. объявление по решению органа опеки и попечительства несовершеннолетнего полностью дееспособным в случаях, если он работает по трудовому договору, в т.ч. по контракту.

Стоит отметить, что в исключительных случаях непосредственной угрозы для жизни и здоровья ребенка или других лиц несовершеннолетние могут находиться в общественных местах и в ночное время. Как правило, речь идет о стихийных бедствиях, чрезвычайных ситуациях.

Закон № 99-ЗС определяет и перечень общественных мест, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию.

К таким местам относятся следующие:

- магазины, дискотеки, салоны, клубы, сауны, бани, гостиницы и иные помещения (места) временного пребывания граждан, в которых распространяются товары и иная продукция сексуального характера, используется реклама сексуального характера, проводятся зрелищные мероприятия сексуального характера, а также осуществляется показ или демонстрация сцен насилия;

- игровые и иные заведения, места и помещения, в которых проводятся азартные игры, в т.ч. и с использованием интернет-технологий;

- пивные рестораны, винные бары, пивные бары, рюмочные, другие места, которые предназначены для реализации только алкогольной продукции;

- территории, на которых осуществляется строительство;

- коллекторы;

- теплотрассы;

- канализационные колодцы;

- лифтовые и иные шахты, технические этажи, чердаки, подвалы, крыши зданий.

Кроме того, органы местного самоуправления, исходя из рекомендаций экспертных комиссий, могут определять и иные места, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Например, решением Барнаульской городской Думы от 26 марта 2010 г. № 285 [12] в качестве таковых определены несанкционированные свалки, мусорные полигоны; особо опасные и технически сложные объекты; водоемы, лесные массивы (без сопровождения взрослых).

Сотрудники полиции в случае обнаружения ребенка в запрещенных местах в пределах своих полномочий обязаны установить его личность, уведомить о данном факте родителей (законных представителей) и передать ребенка таким лицам. По факту обнаружения ребенка составляется акт, в котором указываются место, время его обнаружения и передачи родителям (законным представителям). К названному акту приобщаются объяснения о причинах нахождения ребенка в запрещенных местах. В случае невозможности передачи несовершеннолетнего родителям (законным представителям) ребенок силами полиции доставляется в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации либо в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. О факте обнаружения ребенка сотрудниками полиции информируется комиссия по делам несовершеннолетних по месту его жительства для принятия мер профилактического воздействия.

В Российской Федерации ответственность за нахождение детей в указанных выше местах, согласно ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, возлагается только на родите-

лей, законных представителей несовершеннолетних – за неисполнение своих обязанностей по их воспитанию, содержанию. Согласно положениям статьи 61 Семейного кодекса РФ [23] родители (законные представители) несут равные обязанности в отношении своих детей. Именно они должны заботиться о нравственном, психическом, физическом развитии детей, о их здоровье, в т.ч. не допускать нахождение детей в местах, в которых им может быть причинен вред.

В свою очередь, владельцы или должностные лица заведений, пребывание в которых несовершеннолетним запрещено, фактически не несут никакой ответственности, несмотря на целый ряд обязанностей, возложенных на них. Так, они обязаны не допускать несовершеннолетних на принадлежащие им объекты, путем размещения предупреждающих надписей и знаков информировать граждан об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах. В случае обнаружения такого несовершеннолетнего незамедлительно уведомлять любым доступным способом его родителей (законных представителей) или полицию.

По нашему мнению, указанный выше пробел в праве требует принципиального разрешения путем внесения определенных дополнений в действующие нормативные правовые акты.

С целью выработки соответствующих предложений целесообразно обратиться к существующему зарубежному опыту.

Например, статья 112-1 КоАП Казахстана [25] устанавливает административную ответственность за допущение нахождения несовершеннолетних в развлекательных заведениях в ночное время.

В статье 17.12 КоАП Республики Беларусь [9] предусмотрена ответственность за допуск несовершеннолетних на ночные дискотеки, в культурно-развлекательные (ночные) клубы с наложением административного штрафа на индивидуальных предпринимателей или юридическое лицо.

Статьей 188.2 КоАП Республики Узбекистан [24] предусмотрена административная ответственность за допущение руководителями или другими ответственными лицами ресторанов, кафе, баров, клубов, дискотек, кинотеатров, компьютерных залов, поме-

щений, оборудованных для предоставления услуг доступа к сети Интернет, либо иных мест развлечений (досуга) нахождения несовершеннолетнего в указанных заведениях в ночное время без сопровождения одного из родителей или лица, заменяющего его.

Считаем возможным использовать указанный опыт с учетом российской специфики и в отечественном законодательстве.

Предлагаем дополнить КоАП РФ ст. 6.10.1, изложив её в следующей редакции:

Статья 6.10.1. Допущение нахождения несовершеннолетних в общественных местах, пребывание в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию.

1. Допущение нахождения несовершеннолетних в общественных местах, пребывание в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трех тысяч до семи тысяч рублей; на юридических лиц – от тридцати тысяч до семидесяти тысяч рублей.

2. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Таким образом, можно сделать вывод, что установление ограничений по пребыванию несовершеннолетних в определенных местах – это мера, рассчитанная на то, чтобы силовыми и запретительными методами противодействовать правонарушениям и преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, а также в их отношении, а также мера, направленная на защиту прав и законных интересов самих несовершеннолетних.

Такие новеллы, по нашему мнению, могут способствовать созданию более защищенной среды пребывания, воспитания и развития несовершеннолетних в Российской Федерации.

Литература

1. Бельский А.И., Лыков Э.Н. О преступности несовершеннолетних и молодежи // Российский следователь. 2019. № 8. С. 55-59.
2. Википедия. URL: https://deru.other.wiki/wiki/Main_PageURL: [https://deru.other.wiki/wiki/Jugendschutzgesetz_\(Deutschland\)](https://deru.other.wiki/wiki/Jugendschutzgesetz_(Deutschland)) (дата обращения: 29.04.2021).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Гришина Е.П. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей – жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 20-33.

5. Калинкина М.Ю., Гирфанов Р.М. Подростковая преступность и ее профилактика на уровне местного сообщества (российский и зарубежный опыт) // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2. С. 15-19.
6. КоАП Республики Казахстан. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ob_administrativnyh_pravonarusheniyah/442.htm (дата обращения: 29.04.2021).
7. Лунькова О.В., Скорик К.В. О некоторых разновидностях механизмов реализации социально-правовой защиты детей в России // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 77-84.
8. Нагорная И.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних средствами уголовного закона // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 84-102.
9. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100091> (дата обращения: 29.04.2021).
10. Об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах на территории Алтайского края: закон Алтайского края от 7 декабря 2009 г. № 99-ЗС // Алтайская правда. 2009. 19 дек. № 402-403.
11. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Российская газета. 1998. 5 авг. № 147.
12. Об утверждении Перечней общественных мест на территории города Барнаула, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию, и общественных мест, в которых в ночное время не допускается нахождение детей без сопровождения родителей, лиц, их заменяющих, а также лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей: решение Барнаульской городской Думы от 26 марта 2010 г. № 285 // Вечерний Барнаул. 2010. 7 апр. № 49.
13. Образовательная платформа SCHOOLS.BY. URL: <https://12brest.schools.by/pages/zakon-o-zaprete-prebyvaniya-nesovershennoletnih-na-ulitse-v-nochnoe-vremya> (дата обращения: 29.04.2021).
14. Официальный сайт Главного управления МВД России по Московской области. URL: <https://50.mvd.rf/folder/13531669> (дата обращения: 29.04.2021).
15. Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestuplenij-protiv-nesovershennoletnih.html> (дата обращения: 29.04.2021).
16. Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/articles/news/anna-kuznecova-podvela-itogi-akcii-bezopasnost-detstva> (дата обращения: 29.04.2021).
17. Портал «Такие дела». URL: <https://takiedela.ru/news/2020/12/11/sk-esli-byt-tochnym/> (дата обращения: 29.04.2021).
18. Приветствие по случаю Международного дня защиты детей // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63432> (дата обращения: 29.04.2021).
19. Рыбакова О.С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 103-111.
20. Рыдченко К.Д. Генезис института правовой защиты детей от вредоносной информации // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 3. С. 15-19.
21. Сайт GOGOV – госуслуги, документы, отзывы. URL: <https://gogov.ru/child-curfew/che> (дата обращения: 29.04.2021).
22. Сайт МАОУ СОШ «Большепикинская школа». URL: <http://bolpikschool.com/informacziya-dlya-roditelej/187-zakon-ob-ogranichenii-prebyvaniya-detej-v-obshhestvennyh-mestax.html> (дата обращения: 29.04.2021).
23. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Система опубликования нормативных правовых актов Республики Узбекистан. URL: http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=97661 (дата обращения: 29.04.2021).
25. Система ЮРИСТ. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399#pos=10231;-69 (дата обращения: 29.04.2021).
26. Сологуб А.Ю. Соотношение правовой защиты ребенка со смежными правовыми явлениями // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 49-52.
27. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-март 2021 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.rf/reports/item/23816756/> (дата обращения: 29.04.2021).
28. Трунцевский Ю.В., Шугаев А.А., Жаданов А.В. Основные направления профилактической работы по реализации региональных программ предупреждения правонарушений // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 15-19.

УДК 342.951:343.851.5

А.В. Веренич

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: platon0906@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ НАРУШЕНИИ ИХ ПРАВ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ

В статье рассмотрены вопросы административно-правовой защиты несовершеннолетних при нарушении их прав и законных интересов членами семьи. Автором проанализированы понятия «семья», «родители», «законные представители», поддерживается мнение о необходимости законодательного обозначения и закрепления данных понятий. Исследуются критерии применения административно-правовых мер, гарантии прав несовершеннолетних, затрагиваются проблемы эффективности правовой защиты детей. В рамках статьи рассмотрена специфика ответственности за правонарушения в отношении детей, возникающие в семейно-правовой сфере. Обосновывается концепция семейно-правовой ответственности членов семьи как охранительного механизма, возникающего в связи с нарушением прав детей. Предложено определение понятия «воспитание членами семьи». Сделан вывод о необходимости конкретизации и дополнения действующего законодательства в сфере административного права с учетом имеющихся в настоящее время проблем в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: семья, родители, законные представители, ненадлежащее воспитание детей, права, защита, ответственность.

A.V. Verenich

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: platon0906@mail.ru

ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF MINORS IN CASE OF VIOLATION OF THEIR RIGHTS BY FAMILY MEMBERS

The article deals with the issues of administrative and legal protection of minors in case of violation of their rights and legitimate interests by family members. The author analyzes the concepts of «family», «parents», «legal representatives», supports the opinion on the need for legislative designation and consolidation of these concepts. The article examines the criteria for the application of administrative and legal measures to guarantee the rights of minors, and addresses the problems of the effectiveness of legal protection of children. Within the framework of the article, the specifics of responsibility for offenses against children arising in the family legal sphere are considered. The article substantiates the concept of family-legal responsibility of family members as a protective mechanism that arises in connection with the violation of children's rights. The definition of the concept of «upbringing by family members» is proposed. It is concluded that it is necessary to specify and supplement the current legislation in the field of administrative law, taking into account the current problems in law enforcement.

Key words: family, parents, legal representatives, improper upbringing of children, rights, protection, responsibility.

Конституализация российского государства требует соблюдения прав и свобод граждан. Особое внимание в Основном Законе уделяется защите прав детей. При этом в России ежегодно регистрируется значительное количество нарушений прав наиболее незащищенной категории жителей страны – детей. Так, в 2017-2020 гг. в отношении несовершеннолетних совершено около двух миллионов административных правонарушений. Несмотря на усилия, прилагаемые государством, говорить о стабилизации ситуации, связанной с нарушением прав детей, не приходится. Это требует особого подхода к профилактике правонарушений в отношении несовершеннолетних, а также защите и восстановлению их прав. Одной из главных проблем значительного количества правонарушений в отношении детей является их латентность, особенно, если противоправные деяния совершаются в семье. Согласно статистическим данным родителями или законными представителями в отношении детей в период с 2017 по 2020 г. совершено более 1 800 000 административных деликтов [5]. Общественная опасность таких деяний не только заключается в нарушении прав детей, но и приводит к деформации личности ребенка, сложной социальной адаптации в обществе, существенному снижению самооценки и развитию виктимного поведения. В связи с этим необходимо применение эффективных и своевременных мер административно-правовой защиты детей, которые выступают гарантом реализации и соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних.

Реализация прав детей обеспечивается действующим законодательством, однако защита прав и законных интересов несовершеннолетних в каждом случае требует индивидуального подхода к применению норм права и имеет свои особенности. Особый юридический статус в правовой сфере имеют родители или законные представители несовершеннолетнего. Согласно статье 63 Семейного кодекса Российской Федерации родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей [14]. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Однако в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует легализованное понятие «родители несовершеннолетнего» или «его законные представители», «семья», хотя данные термины широко используются как в нормативно-правовых актах, так и научной литературе. Из анализа законодательства Российской Федерации видно, что на сегодняшний день имеется определение только понятия «семья», и то, как нам видится, данное определение имеет узконаправленный характер. Исходя из норм Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (да-

лее – ФЗ № 134) [9] следует, что семья – это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство.

Отсутствие понятийного аппарата «семьи» и его легитимного закрепления ведет к размытости трактовки понятия «родители или законные представители несовершеннолетних». В соответствии с юридическим словарем под термином «родители» следует понимать лиц (отец и мать), записанных в книге записей рождений в качестве таковых в отношении определенного ребенка [6]. Законные представители несовершеннолетних рассматриваются в качестве дееспособных граждан, которые на основании прямого указания закона вправе представлять интересы несовершеннолетних в судебном разбирательстве и исполнительном производстве с целью наиболее эффективной реализации их прав и свобод (как правило, речь идет о родителях, опекунах и попечителях) [6].

Обязанности по надлежащему воспитанию, содержанию, обучению, защите прав детей законодательно возложены именно на родителей или законных представителей и предусматривают как административную, так и уголовную ответственность за их неисполнение. Многими учеными-административистами проводились исследования по вопросам ответственности родителей или законных представителей за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. При этом изучению подвергался только вопрос об ответственности родителей или законных представителей. Вместе с тем в России значительное количество детей проживают в так называемых «неполных семьях», где воспитанием занимается один из родителей. По данным Росстата, в 5 087 048 семьях дети воспитываются одной матерью и в 654 969 семьях – одним отцом [16]. В большинстве случаев родители, единолично воспитывающие детей, повторно вступают в брак, создавая «сводные» семьи. Точное количество таких семей определить сложно, поскольку российская статистика не предполагает учета повторных браков и зачастую семьи создаются без законодательного оформления брака. В данном случае дети хотя и проживают в семье, обязанность по надлежащему воспитанию возлагается только на родителей или законных представителей, что исключает проведение превентивной профилактической работы с отчимом или мачехой в случае оказания с их стороны отрицательного влияния на ребенка путем ведения антиобщественного образа жизни, употребления спиртных напитков или наркотических веществ.

Следует обратить внимание, что существуют семьи, в которых с целью получения дополнительных материальных и социальных гарантий родители, не состоящие в официальном браке, регистрируют ре-

бенка только на мать, при этом проживая совместно с биологическим отцом ребенка. В указанных случаях, если ориентироваться на приведенное в ФЗ № 134 определение понятия «семья», супруг или супруга родителя ребенка являются членами семьи, а значит принимают участие в его воспитании. Права и обязанности членов семьи, к которым Семейный кодекс Российской Федерации относит широкий круг лиц, на наш взгляд, включают в себя соблюдение прав детей наряду с правами и обязанностями родителей и должны предполагать ответственность за их несоблюдение.

Как отмечает О.Ю. Косова, воспитание есть «процесс систематического воздействия на ребёнка, в результате чего происходит развитие его личностных качеств в определенном направлении...», процесс воспитания есть осуществление соответствующих прав членов семьи» [8]. В данном случае следует полагать, что воспитание представляет собой обязанность не только родителей или законных представителей, но и членов семьи. Непринятие своевременных профилактических мер к членам семьи ребенка часто приводит к нарушению его прав и интересов, что в целом влияет на деформацию личности ребенка, сложную социальную адаптацию в обществе, всплеску преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Здесь можно согласиться с Т.В. Шепель: «Неосуществление или ненадлежащее осуществление надзора за такими лицами образует противоправность их поведения...» [17].

Согласно статистическим данным МВД России, в период 2017-2019 гг. выявлено более 40 000 преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних членами семьи. Однако российское законодательство четко определяет, что административной и уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ [7], ст. 156 УК РФ [15]) подлежат только родители или законные представители. Это связано с тем, что пренебрежительное отношение к правам и законным интересам ребенка членами семьи не имеет своего законодательного отражения в действующем законодательстве РФ. Соответственно, лица, фактически проживающие совместно с ребенком и исполняющие обязанности по его воспитанию, содержанию, не могут быть привлечены к какой-либо ответственности за уклонение от исполнения указанных обязанностей. Этот факт исключает возможность применения административно-правовых методов контроля за условиями воспитания, содержания и развития детей, что свидетельствует о возможности семейного насилия над ребенком со стороны членов семьи.

Заметим, что реализация правовых гарантий несовершеннолетнего проявляется не только в государ-

ственной поддержке, но и в применении к лицам, нарушившим права ребенка, различных видов ответственности. Несомненно, что именно административная ответственность имеет превентивный характер. Применение мер административной ответственности имеет своей целью защиту прав общества и предупреждение новых правонарушений. Как справедливо отметил И.А. Галаган, административная ответственность неразрывно связана с отправлением функций государства по защите прав и свобод, интересов всего общества [4]. Нам остается согласиться с данным высказыванием, добавив только, что приоритетным направлением в защите прав общества является защита прав несовершеннолетних. И здесь нужно говорить не только об ответственности родителей или законных представителей, но и членов семьи, т.е. реализовывать институт «семейной ответственности». Ю.Ф. Беспалов отмечает, что семейно-правовая ответственность – это совокупность личных имущественных и неимущественных мер принуждения, которые ограничивают либо лишают отдельных семейных прав, возлагают дополнительные обязанности, предусмотренные в семейном либо гражданском законодательстве, применяемые судом либо иными уполномоченными на то органами к совершившим семейное правонарушение лицам [3].

В семье ребенок является самым слабым и незащищенным членом, который нуждается в защите. Поэтому особенность ответственности за правонарушения в отношении несовершеннолетних заключается в том, что основной ее целью является не наказание правонарушителя, а защита прав детей. По мнению З.В. Ромовской, семейно-правовую ответственность следует рассматривать как «санкцию правовой нормы» [12]. Другие ученые отождествляют семейно-правовую ответственность с общим понятием юридической ответственности как обязанность правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия своего виновного противоправного поведения [1]. Именно своевременное принятие профилактических мер способствует оперативному прекращению нарушения прав детей, при необходимости их восстановление. Необходимо отметить, что данная ответственность должна наступать при нарушении семейных обязанностей членами семьи, выразившемся в виде создания неблагоприятных условий для развития ребенка. В данном случае можно процитировать мнение В.Е. Севрюгина: «это позволит сохранить стабильность административно-деликтных норм, назначение которых – защищать определенные группы общественных отношений» [13].

Административное законодательство предусматривает ответственность родителей или законных представителей за ненадлежащее воспитание детей,

которое включает в себя его обучение, развитие, содержание. И здесь нельзя не констатировать, что члены семьи наравне с родителями оказывают влияние на воспитание и становление личности ребенка, его культурное и нравственное развитие, формирование личностных ценностей. Поэтому очень важно, чтобы воспитание ребенка осуществлялось надлежащим образом всеми членами семьи. Изучение направлений государственной политики по защите прав и законных интересов несовершеннолетних свидетельствует, что основные усилия направлены на пресечение фактов нарушения прав детей, а не на выявление и устранение причин и условий совершения правонарушений. На наш взгляд, подобный подход не в полной мере отвечает требованиям эффективной деятельности по административно-правовой защите от посягательств на права и законные интересы несовершеннолетних.

Для достижения реальных результатов в обеспечении и защите прав детей основной акцент нужно делать на формировании нетерпимого отношения общества и государства к любому нарушению прав детей. До настоящего времени вопрос об административной ответственности членов семьи (отчим, мачеха, биологический отец) за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей на законодательном уровне не урегулирован, поскольку правами и обязанностями по воспитанию детей наделены только родители или законные представители. Данный факт создает трудности правоприменительной деятельности по профилактике семейного неблагополучия. На наш взгляд, сегодняшние реалии говорят о том, что назрела необходимость законодательного закрепления административной ответственности членов семьи за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей, отрицательному влиянию на их развитие. Это связано прежде всего с особой ролью семьи в жизни ребенка. Применение мер административно-правовой защиты несовершеннолетних путем привлечения членов семьи к административной ответственности должно иметь своей целью не только карательное воздействие в отношении виновного, но и создание благоприятных условий для проживания, воспитания и развития детей в семье.

Несомненно, что на сегодняшний день государственная политика направлена на сохранение семьи, приоритетом является проживание детей в «биологических семьях», родительское воспитание, сохранение и развитие семейных традиций и ценностей. Исходя из изложенного, предлагаем под «воспитанием членами семьи» понимать «надлежащее воспитание и заботу о детях, рожденных как в браке, так и вне его, как равное право и обязанность супругов». В связи с этим, на наш взгляд,

целесообразно закрепить административную ответственность членов семьи за ненадлежащее воспитание несовершеннолетних, дополнив действующую статью 5.35 КоАП РФ частью 3, изложив ее в следующей редакции: «*Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное членами семьи*». В данном случае под членами семьи необходимо понимать лиц, постоянно проживающих совместно с ребенком, оказывающих влияние на его воспитание, обучение и развитие. Введение административной ответственности для членов семьи несовершеннолетнего будет способствовать повышению уровня правовой защищенности детей. Как отмечает Д.Н. Бахрах, «административная ответственность служит средством охраны правопорядка, средством осуществления государственной власти, особым видом государственной деятельности; является следствием противоправного, вредного и виновного деяния» [2].

Для предупреждения нарушений прав детей с родителями, допускающими пренебрежительное отношение к исполнению своих обязанностей, органами исполнительной власти проводится профилактическая работа. Так, в соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ № 120) [11] органы системы профилактики проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, если они не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними. Из положений указанного закона следует, что оказанию профилактического влияния подлежат родители или законные представители. Поэтому с членами семьи превентивные мероприятия не проводятся, что исключает возможность предупреждения нарушения прав и законных интересов детей с их стороны, а значит, создает предпосылки для оказания на ребенка отрицательного влияния, физического и психического насилия, развития девиантного поведения.

Согласно Федеральному конституционному закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» особое внимание уделено защите детей: «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» [10]. Из этого следует, что государство должно не только обеспечивать защиту прав детей, но и гарантировать им безопасное проживание в семьях. Поэтому в случае внесения до-

полнений в статью 5.35 КоАП РФ нам видится возможным дополнить п. 2 статьи 5 ФЗ № 120 словами «в отношении членов семьи».

Внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее административное законодательство Российской Федерации позволит более эф-

фективно осуществлять профилактическую работу не только с родителями или законными представителями несовершеннолетних, но и с членами их семей, а также своевременно применять меры административного характера для обеспечения защиты прав и законных интересов детей.

Литература

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Юрист, 1996.
2. Бахрах Д.Н. Административная ответственность как особый вид юридической ответственности // Ученые записки Пермского университета. 1974. Вып. 5. С. 78.
3. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 46.
4. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 104-105.
5. Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=RegIDocs&go=view&fid=578>.
6. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. Большой юридический словарь. 2001. URL: <https://determiner.ru/slovari/bolshoi-yuridicheskii-slovar1.html>.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Косова О.Ю. Право ребенка на семейное воспитание // Защита несовершеннолетних детей от семейного насилия: учебно-методическое пособие / под общ. ред. В.Н. Андриянова. Иркутск, 2006.
9. О прожиточном минимуме в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [Электронный ресурс]: Закон РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Ромовская З.В. Защита в советском семейном праве. Львов, 1985.
13. Севрюгин В.Е. Теоретические проблемы административного проступка: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
17. Шепель Т.В. Деликт и психическое расстройство: цивилистический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.

УДК 351.741

С.В. Калинин

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: info@buimvd.ru;

А.А. Левченко

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: levchenkoa@buimvd.ru;

Б.А. Федулов, доктор пед. наук, профессор

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: fedulovb@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

В статье уточняется содержание профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного полиции в современных социально-культурных условиях. Раскрывается структура профессионально-правовой культуры, включающая правовое сознание, правовое мышление и правовую деятельность. Выявлены особенности проявления профессионально-правовой культуры участковых уполномоченных полиции, такие как: строгая регламентация его правового статуса, закреплённая в законодательных актах; обладание развитыми профессиональными компетенциями; сформированное представление у личности сотрудника о социальных потребностях и ценностях, которые реализуются в социально значимом и общественно полезном характере его профессиональной деятельности; умение пользоваться правовыми актами, быть профессионалом в различных областях юридической деятельности. Предложены направления повышения уровня профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного полиции.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, правовое мышление, участковый уполномоченный полиции, особенности профессионально-правовой культуры.

S.V. Kalinin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: info@buimvd.ru;

A.A. Levchenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: levchenkoa@buimvd.ru;

B.A. Fedulov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: fedulovb@mail.ru

FEATURES OF PROFESSIONAL AND LEGAL CULTURE OF THE DISTRICT POLICE OFFICER

The article specifies the essence and content of the legal culture of the district police officer in modern social and cultural conditions. The professional and legal culture is revealed, including legal consciousness, legal thinking and legal activity. The features of the manifestation of the professional and legal culture of district police officers are revealed: the presence of strict regulation of its legal status, which is enshrined in modern professional acts that have professional competencies, the necessary knowledge and capabilities to apply the data of the legal, formed personality of an employee of social needs and prices, which is enshrined in modern legislative acts, the need to have developed professional competencies, the availability of the necessary knowledge and opportunities to apply the data of legal science, the formation of the employee's personality of social needs and values that are realized in the socially significant and socially useful nature of his professional activity, the ability use legal acts, be a professional in various fields of legal science. The directions of increasing the level of legal culture of the district police officer are proposed.

Key words: legal culture, legal consciousness, legal thinking, district police officer, features of professional and legal culture.

Современная юридическая наука характеризуется обращением внимания к личности, основываясь на культурологическом подходе, ориентируемом на развитие субъекта, способного к культурному саморазвитию и творческой реализации. Необходимость повышения профессионально-правовой культуры сотрудника полиции обусловлена постоянно возрастающими требованиями к уровню его общекультурной и профессионально-правовой подготовки, переходящей от массово-репродуктивных форм усвоения знаний к приобретению навыков культурно-творческих форм работы.

Сегодня существенно изменились требования к правоохранительным органам, что связано с требованием закона «О полиции» реализовывать социальные функции при работе с населением [7]. К участковым уполномоченным полиции это положение имеет непосредственное отношение, т.к. они ежедневно работают с населением и от их профессионально-правовой культуры зависит отношение к правоохранительным органам.

Профессионально-правовая культура отличается от других видов культуры, но в то же время она связана со всеми материальными и духовными основами общества. Ее отличие от правовой культуры общества заключается в том, что она отражает конкретный личностный уровень освоения культуры и профессиональную принадлежность, определяющие правомерную деятельность человека [2]. Структура профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного включает:

- профессионально-правовое сознание, которое основано на глубоких знаниях норм современного законодательства, убежденности в полезности и социальной необходимости права, глубоком усвоении ценности свобод и прав;

- профессионально-правовое мышление, направленное на выявление, изучение и анализ профессиональных ситуаций, оценку условий выполнения профессиональных задач, выбор оптимальных вариантов решений ситуаций в правоохранительной деятельности;

- профессионально-правовую деятельность, которая, в свою очередь, включает теоретическую, образовательную и практическую деятельность, что позволяет эффективно использовать все правовые инструменты при реализации функций, возложенных на службу участковых уполномоченных полиции [3, с. 136].

Формирование профессионально-правовой культуры связано с уровнем социального воспитания, которое должно обеспечить условия для самоактуализации и самореализации личности в социально значимой и общественно полезной деятельности [1, с. 151-152].

При выявлении особенностей профессионально-правовой культуры участковых уполномоченных полиции учитывались основные функции и требования, которые непосредственно связаны с их деятельностью в правоохранительной сфере, далее раскрывается содержание этих особенностей.

В качестве первостепенной особенности профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного полиции стоит отметить строгую регламентацию его правового статуса, который закреплен в федеральных законах, ведомственных приказах и различных подзаконных актах, определяющих его права, обязанности и компетенции по решению задач обеспечения правопорядка и общественной безопасности граждан на закрепленном административном участке. Нормативные документы определяют широкий перечень обязанностей для участкового уполномоченного, согласно которым он принимает участие не только непосредственно в административной, но и в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 118]. Разносторонний характер деятельности участковых уполномоченных полиции накладывает повышенную ответственность и высокие требования к уровню их профессионально-правовой культуры.

Существенной особенностью профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного полиции является то, что он должен обладать развитыми профессиональными компетенциями, что связано с необходимостью осуществлять взаимодействие не только с сотрудниками других служб, но и представителями различных органов государственной, муниципальной власти, учреждений, общественности. Развитые профессиональные компетенции способствуют реализации всех функций, возложенных на институт полиции, что обеспечивается такими видами подготовки, как тактическая, физическая, техническая, огневая, нравственная и психологическая [5, с. 90]. Участковых уполномоченных полиции должно отличать: умение регулировать человеческие взаимоотношения; устанавливать психологический контакт; осуществлять обратную связь; конструктивно реагировать на вводные ситуации; соблюдать этикет; толерантность.

Важной особенностью следует выделить наличие необходимых знаний и возможностей участкового уполномоченного по реализации требований современного законодательства. Участкового уполномоченного отличает от других сотрудников полиции то, что он в большей степени контактирует с населением, и от его правовой профессиональной культуры зависит, насколько соблюдаются права и свободы граждан. Недостаточный уровень сформированности профессионально-правовой культуры, связанный с отсутствием должных юридических знаний, может

стать причиной неграмотной оценки проблемной ситуации, которая повлияет на применение своевременных и необходимых правоохранительных мер к правонарушителям и может привести к тяжелым последствиям. Такие ситуации возникают чаще всего на бытовой почве и связаны с различными угрозами насильственных действий и даже убийством.

Особенность профессионально-правовой культуры также состоит в сформированности у личности сотрудника социальных потребностей и ценностей, которые реализуются в его социально значимом и общественно полезном характере служебной деятельности. Участковый уполномоченный полиции может недооценивать социальную значимость своей деятельности и проявлять лояльность к ряду административных правонарушений, таких как: невыполнение принятых на законодательной основе мер по соблюдению карантинных ограничений; нецензурная брань, которой сегодня страдают практически все категории граждан; появление лиц в состоянии опьянения в общественных местах. Высокий уровень профессионально-правовой культуры исключает правовой нигилизм в деятельности участковых уполномоченных полиции, он основан на ценностях нравственности и социальной справедливости.

При этом стоит отметить, что формирование профессионально-правовой культуры закладывается в процессе обучения в образовательных организациях МВД России, что должен принимать во внимание профессорско-преподавательский состав кафедр и уделять данному вопросу особое внимание. Участковый уполномоченный полиции должен грамотно взаимодействовать с гражданами на закрепленном административном участке, требуя соблюдения законности и дисциплины; обладать способностью к осуществлению профессиональной административной деятельности на закрепленном участке, при этом проявлять принципиальность и непримиримость с всевозможными видами правонарушений, и в то же время проявлять уважительное отношение к гражданам, отзывчивость, выдержку и самодисциплину [6].

Наличие высокого уровня сформированности профессионально-правовой культуры достигается эффективной кадровой работой, на должности участковых уполномоченных назначаются сотрудники с высшим или средним специальным образованием и стажем работы в ОВД не менее двух лет [8]. Для постоянного повышения профессионально-правовой культуры существует потребность проводить переподготовку и регулярно повышать квалификацию действующих участковых в образовательных организациях МВД России, важным элементом повышения правового мышления является обучение методике

принятия оптимальных управленческих решений [9, с. 45].

Особенностью проявления профессионально-правовой культуры участкового уполномоченного полиции следует выделить умение пользоваться правовыми актами, т.е. он должен быть профессионалом в различных областях юридической науки. Его профессионально-культурный уровень должен позволять ему грамотно оформлять документы, продуктивно общаться с населением, проявлять творческий подход к решению правовых проблем, отличаться строгим выполнением норм нравственности и профессиональной этики. Низкая требовательность к реализации этих особенностей часто приводит и к нарушению правовых норм, что недопустимо в деятельности правоохранительных органов. О низком уровне профессионально-правовой культуры могут свидетельствовать случаи, когда участковые после задержания лиц, причастных к совершению преступлений, пытаются недозволенными приемами получить от них признание. Обладая должным уровнем профессионально-правовой культуры сотрудник не станет использовать подобные средства, а организует свою деятельность в правовом русле.

Рассмотренные особенности профессионально-правовой культуры участковых уполномоченных полиции позволяют выделить ряд направлений по повышению ее уровня.

1. Формирование профессионально-правовой культуры будущих сотрудников полиции должно начинаться с кадетских и юридических классов и продолжаться в процессе получения образования в юридических институтах МВД России, а также при этом должны использоваться средства массовой информации и все социально-культурные институты.

2. В образовательных организациях МВД России необходимо акцентировать внимание на повышении уровня профессионально-правовой культуры через реализацию требования компетентностного подхода при преподавании профилирующих дисциплин.

3. На практических занятиях должны отрабатываться все основные типовые ситуации решения различных конфликтных ситуаций и действий участковых уполномоченных при обеспечении общественной безопасности и правопорядка на административном участке.

4. На курсах повышения квалификации следует уделять больше внимания развитию правового сознания, правового мышления и распространению положительного опыта правовой деятельности.

5. Использовать опросы общественного мнения для формирования рейтинга и оценки деятельности участковых уполномоченных полиции, а также при проведении конкурсов лучшего по профессии.

6. Прививать ответственность участковых уполномоченных за овладение приемами и методами обеспечения личной безопасности при выполнении служебного долга.

7. Совершенствовать методы и формы взаимодействия участковых уполномоченных полиции со всеми субъектами правоохранительной деятельности, а также представителями общественности.

8. В воспитательном процессе акцентировать внимание участковых уполномоченных полиции на методах самовоспитания и самообучения при формировании их профессионально-правовой культуры.

9. Шире внедрять в практическую деятельность участковых уполномоченных полиции современные юридические техники, приемы и средства.

Рассмотренные особенности и направления повышения уровня профессионально-правовой культуры сотрудников полиции не претендуют на всесторонний анализ проблем в данной сфере деятельности, но в то же время способствуют повышению качества работы участковых уполномоченных полиции, их авторитета среди граждан и позитивному изменению отношения населения к правоохранительным органам в целом.

Литература

1. Башков А.В., Федулов Б.А. Самовоспитание профессионально значимых качеств курсантов вуза МВД России: монография. Барнаул: БЮИ МВД России. 2011. 176 с.

2. Большой юридический словарь / под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2008. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/800/pravovaya-kultura.htm>.

3. Гуляихин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 135-158.

4. Ермаков А.Г. Подготовка участковых уполномоченных полиции в вузе МВД России к профилактической работе с населением: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 202 с.

5. Калинин С.В., Левченко А.А., Федулов Б.А. Формирование профессиональных компетенций, обеспечивающих личную безопасность сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы восемнадцатой международной научно-практ. конф-ции. 2018. Ч. 2. С. 89-91.

6. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Федулов Б.А., Морозов В.А., Левченко А.А. Направления совершенствования управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 43-47.

УДК 351.745:159.9

В.В. Мальченкова, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: malchenkovavv@mail.ru;

Е.В. Мальченков, канд. пед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: malchenkovev@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ К УСЛОВИЯМ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются некоторые вопросы профессиональной адаптации участковых уполномоченных полиции, а также повышения их профессиональных компетенций в условиях служебной деятельности на административном участке. Среди основополагающих решений в формировании профессиональных компетенций выступает организация системной, целенаправленной, в т.ч. комплексной, работы с молодыми участковыми уполномоченными полиции по их адаптации к условиям службы в органах внутренних дел. Кроме этого, немаловажное значение имеет адаптационный потенциал личности сотрудника полиции. Авторы статьи уделяют особое внимание рассмотрению различных видов адаптации: психофизиологической, психической, социальной, социально-психологической, производственно-профессиональной. Также освещаются проблемы профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД, организации индивидуального обучения по месту службы, в процессе которого им оказывается морально-психологическая поддержка в преодолении профессиональных трудностей, возникающих при выполнении служебных обязанностей.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, условия службы, индивидуальное обучение, участковый уполномоченный полиции, наставник, административный участок.

V.V. Malchenkova, Candidate of Pedagogical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: malchenkovavv@mail.ru;

E.V. Malchenkov, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: malchenkovev@mail.ru

REVISITING THE PROFESSIONAL ADAPTATION OF DISTRICT POLICE OFFICERS TO THE CONDITIONS OF SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article deals with some issues of professional adaptation of district police commissioners, as well as improving their professional competencies in the conditions of official activity at the administrative station. Among the fundamental decisions in the formation of professional competencies is the organization of systematic, purposeful, including complex work with young district police officers on their adaptation to the conditions of service in the internal affairs bodies, in addition, important attention is paid to the adaptive potential of the individual police officer. The authors of the article pay special attention to the consideration of various types of adaptation: psycho physiological, mental, social, socio-psychological, industrial and professional. Special attention in the article is devoted to the problem of professional adaptation of young employees of the Department of Internal Affairs, the organization of individual training at the place of service, in the process of which they are provided with moral and psychological support in overcoming professional difficulties that arise in the performance of official duties, which is extremely necessary in the adaptation period.

Key words: professional adaptation, conditions of service, individual training, district police commissioner, mentor, administrative section.

Сложная криминогенная обстановка в стране, правовая безграмотность людей, криминализация общественных отношений, наличие социальной напряженности в обществе – все это непосредственно влияет на профессиональную адаптацию молодых сотрудников правоохранительной системы МВД России [3].

Правоохранительные органы – это часть единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере органов внутренних дел России. Служба участковых уполномоченных полиции на всех этапах развития российской государственности занимала важное место в системе МВД России, она всегда выступала гарантом правопорядка на обслуживаемой территории, а участковый уполномоченный полиции своей работой на административном участке формирует положительный имидж органов внутренних дел среди граждан и населения.

В своей повседневной деятельности участковому уполномоченному полиции приходится решать следующие задачи:

1) осуществлять профилактические мероприятия по предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений;

2) осуществлять административный надзор за лицами с непогашенной (неснятой) судимостью в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях;

3) постоянно проводить индивидуальную профилактическую работу с лицами, которые состоят на профилактическом учете;

4) ежедневно в соответствии с графиком осуществлять прием граждан, проводить профилактические беседы с населением;

5) в пределах своих компетенций рассматривать обращения граждан.

Рассматривая основные задачи, отметим, что особенность профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) непосредственно связана с высокой социальной ответственностью, сложностью и ежедневными рисками, поэтому она может быть эффективной и служить интересам людей, общества и государства лишь в том случае, если ее осуществляют сотрудники высокого уровня подготовки.

Профессиональная адаптация УУП выступает как определенный этап в становлении молодого сотрудника к условиям службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Особое значение данного этапа заключается в определении основных направлений его дальнейшей профессиональной деятельности, развитии его личностных качеств, осмыслении важности выбранной профессии «служения закону, служения народу».

Профессиональная адаптация у молодых сотрудников полиции проходит в рамках жесткой правовой регламентации и строгого уставного порядка, т.к. является сложным, многомерным и многофакторным процессом.

Анализируя проблему адаптации УУП к условиям службы в органах внутренних дел (далее – ОВД), необходимо учитывать комплекс научных дисциплин, преподаваемых в образовательных организациях системы МВД России, а также организацию индивидуального обучения молодого сотрудника (стажера), принятого на должность УУП в территориальные органы МВД России, для изучения его личностных, деловых качеств и оценки его результатов профессиональной деятельности. В связи с этим данная проблема своевременна и актуальна.

Анализ литературных источников по проблемам профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел показывает, что адаптационный процесс данных сотрудников еще не стал самостоятельным объектом исследования, а имеющиеся разработки по данной проблеме различных категорий рабочих, служащих не могут быть полностью перенесены в специфическую сферу деятельности участковых уполномоченных полиции [7].

Рассматривая специфику и особенности профессиональной адаптации УУП, необходимо дать определение понятию «участковый уполномоченный полиции» – это должностное лицо, осуществляющее свою служебную деятельность в рамках закона, которая направлена на защиту прав граждан, проживающих на соответствующем административном участке, а также граждан, пострадавших от преступных посягательств на указанной территории [4].

Из определения мы видим, что УУП по своим должностным и функциональным обязанностям обеспечивает и решает практически весь комплекс правоохранительных задач, стоящих перед полицией.

В своей профессиональной деятельности УУП должен учитывать различные внешние и внутренние факторы (социальные, экономические, демографические, географические, личностные, психологические). Также хотелось бы отметить, что УУП среди всех представителей государственной власти осуществляет свою деятельность, непосредственно контактируя с населением, оказывая ему помощь в пределах своих компетенций (пострадавшим от преступлений, административных правонарушений, несчастных случаев; лицам, находящимся в беспомощном или ином состоянии, опасном для их жизни и здоровья).

Адаптационный период, как правило, протекает от 6 месяцев до 2,5 лет. Наиболее сложным периодом при вхождении в должность молодого специалиста считается первый год службы, т.к. именно в этот пе-

риод адапт испытывает дискомфорт и трудности при взаимодействии с общественностью и должностными лицами. Процесс вхождения в коллектив у каждого происходит по-разному, всё зависит от личностных качеств каждого человека. Структурно рассматривая личность УУП, можно выделить, какими качествами он должен обладать.

Во-первых, он должен располагать к себе людей, вызывать доверие граждан, в общении быть корректным и вежливым.

Во-вторых, своевременно решать различные проблемы в рамках закона, уметь подмечать незначительное и быстро переключать внимание.

В-третьих, объективно оценивать обстановку, проявлять упорство, трудолюбие, уравновешенность и самообладание.

Это лишь малая часть личностных способностей, которыми должен обладать УУП в своей профессиональной деятельности.

По мнению В.Г. Асеева, на общебиологическом уровне адаптация рассматривается как механизм. «У человека, – отмечает автор, – решающую роль в адаптационных механизмах играют социальные факторы. В процессе онтогенеза у него вырабатывается адаптация, основанная не только на структурных изменениях морфологических структур, но и, прежде всего, на перестройке социальных отношений между людьми» [1, с. 5].

С точки зрения психологии «адаптация» (от лат. *adaptare* – приспособлять) выступает как приспособление к изменяющимся внешним и внутренним условиям, в нашем случае это условия службы участковых уполномоченных полиции. Данная трактовка не позволяет в полном объеме раскрыть адаптационный период при вхождении в должность участкового уполномоченного полиции и объяснить реальную специфику деятельности человека и его сознания [6, с. 392].

Социальная адаптация – «...вид взаимодействия личности и социальной группы, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. Важнейший компонент адаптации – согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающее также тенденции развития среды и субъекта. Адаптация включает в себя: физиологический, биологический, психологический и собственно социальный уровни» [13].

Г.А. Балл рассматривал два момента при применении понятия адаптации в психологии: «взаимобусловленность указанных направлений адаптации, опосредование ими друг друга...; зависимость характера адаптационных процессов от стадии онтогенеза» [2, с. 94].

Рассматривая профессиональную адаптацию, можно предположить, что этот процесс связан с при-

обретением сотрудником профессиональных умений и навыков, а также развитием его личностно-профессиональных качеств, где происходит взаимосвязь психологических и физиологических функций человека с профессиональными требованиями его деятельности.

Социально-организационная сфера профессиональной адаптации, на наш взгляд, является приоритетной, т.к. включает в себя административно-правовые, социально-экономические, а также управленческие аспекты деятельности.

По мнению Б.Д. Парыгиной, адаптация – это «многогранный процесс очеловечивания человека, включающий в себя как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду» [11, с. 37].

Рассматривая вопросы управления адаптацией к условиям службы в ОВД, можно отметить, что, «с одной стороны, адаптация – это развитие удовлетворенности теми или иными сторонами службы, с другой – процесс включения в конкретную социальную среду, установление многообразных связей между работником и подразделением органа внутренних дел» [7].

При определении сущности процесса адаптации молодых сотрудников к профессиональной деятельности А.Н. Роша пишет: «профессиональная адаптация является заключительным этапом профессиональной ориентации. Это система мероприятий профессиональной адаптации, оказания помощи лицу, поступившему на работу, в приспособлении к новым условиям и успешному овладению профессией» [12, с. 113].

Не соглашаясь с приспособленческой трактовкой процесса адаптации, И.А. Латкова, исследуя профессиональную адаптацию молодых сотрудников строевых подразделений органов внутренних дел, определила ее как «период в их жизни, когда они сознательно и активно включаются в новую для них сферу правоохранительной деятельности и соответствующую социальную среду, усваивая нормы, правила и привычки профессионального поведения, способствующие успешному решению профессиональных задач и закреплению в ОВД».

В своей статье мы постарались определить структуру и содержание процесса профессиональной адаптации как субъект-объектное положение, в котором участвуют молодые сотрудники, а также выделили элементы профессиональной адаптации: адаптация к условиям и содержанию службы, коллективу сотрудников, отношению с руководителями; принятие коллективом и руководителями подразделения молодых сотрудников.

Необходимо уделять внимание проблеме профессиональной адаптации участковых уполномоченных

полиции в рамках индивидуального обучения по месту его службы, в содержание которого входит не только освоение стажером основных положений законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность полиции по защите прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных посягательств, порядок прохождения службы в органах внутренних дел, организацию деятельности подразделения, но и изучение содержания воспитательной работы с ним [10].

Для плодотворного и эффективного вхождения в должность за УУП закрепляется наставник. Наставник назначается из числа опытных сотрудников, «целью наставничества в органах внутренних дел является оказание помощи сотрудникам (стажерам) в их профессиональном становлении, а также развитие в органах, подразделениях, образовательных организациях системы МВД России кадрового ядра» [5].

Основными задачами наставничества являются:

- оптимизация процесса формирования и развития профессиональных знаний, навыков, умений сотрудников (стажеров), в отношении которых осуществляется наставничество;
- оказание помощи в адаптации сотрудников (стажеров) к условиям осуществления служебной деятельности;
- воспитание профессионально значимых качеств личности сотрудников (стажеров), ознакомление с историей и традициями органов внутренних дел и своего подразделения;
- содействие выработке навыков служебного поведения сотрудников (стажеров), соответствующего профессионально-этическим стандартам и правилам;

- формирование активной гражданской и жизненной позиции сотрудников (стажеров), развитие ответственного и сознательного отношения к службе;

- изучение с сотрудниками (стажерами) требований нормативных правовых актов, регламентирующих исполнение должностных обязанностей;

- реализация мер по ранней профилактике профессиональной деформации личности сотрудников (стажеров);

- оказание моральной и психологической поддержки сотрудникам (стажерам) в преодолении профессиональных трудностей, возникающих при выполнении служебных обязанностей;

- развитие у сотрудников (стажеров) интереса к служебной деятельности, их закрепление на службе в органах (подразделениях) внутренних дел.

Задачи наставничества реализуются во взаимодействии руководителей органов (подразделений) и их структурных подразделений, наставников, сотрудников подразделений по организации воспитательной работы, психологического обеспечения, профессиональной подготовки, представителей общественных формирований и ветеранских организаций.

В связи с этим можно сделать вывод, что профессиональная адаптация участкового уполномоченного полиции как молодого специалиста в большей мере зависит от коллектива, который окружает его, от опытного наставника, что, в свою очередь, ускоряет адаптационный процесс, а также от теоретических знаний и умений, которые он приобретет в процессе индивидуального обучения в качестве стажера. Это положительно скажется на результате прохождения адаптационного периода и его дальнейшей профессиональной деятельности.

Литература

1. Асеев В.Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности: сборник научных трудов. Иркутск: ИГПИ, 1986. С. 3-17.
2. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92-101.
3. Бобровнический И.Н., Мальченков Е.В. Трудности служебной деятельности начинающих сотрудников уголовного розыска органов внутренних дел // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2005. № 8. С. 73-76.
4. Глазкова Н.В., Гаряев А.Б. Профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции по работе с лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Актуальные проблемы административной деятельности и охраны общественного порядка: мат-лы регионального межведомственного научно-практического семинара. Волгоград, 2015. С. 48-52.
5. Грачёва Е.А. Особенности адаптации стажера при прохождении производственной практики в подразделении по делам несовершеннолетних // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 1. С. 86-92.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1983.
7. Мальченкова В.В., Мальченков Е.В. Особенности профессиональной адаптации сотрудников полиции к профессиональной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы семнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 160-163.

8. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ (с измен. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.02.2018 № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Парыгина Б.Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1981.

12. Роша А.Н. Организационно-правовые и социологические проблемы труда работника милиции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.

13. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.

УДК 323.28

О.Д. Овчинникова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olesya901@mail.ru;

А.М. Шаганян, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha-anneta@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ В МИГРАЦИОННОЙ СРЕДЕ

В статье исследованы современные тенденции формирования экстремистских проявлений в миграционной сфере. Отмечено, что миграционные процессы всегда затрагивают интересы двух стран, а также характеризуются как позитивными (восполнение демографических потерь), так и негативными особенностями (рост безработицы, ухудшение эпидемиологической обстановки; нивелирование ценностей коренного населения, отток квалифицированных специалистов и др.). Обозначены причины возникновения экстремистских проявлений в миграционной среде, к которым относится сложность адаптации в новых условиях, обособление мигрантов от остального населения, формирование этнических районов с навязыванием собственных культурных шаблонов, демонстрацией агрессии и враждебности по отношению к местным жителям и представителям власти. Выявлены закономерности распространения идей экстремизма в миграционных потоках. Предложены превентивные, пропагандистские, идеологические меры противодействия распространению данного негативного явления.

Ключевые слова: миграция, экстремизм, миграционные потоки, миграционные процессы, экстремистские проявления, профилактика.

O.D. Ovchinnikova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olesya901@mail.ru;

A.M. Shaganyan, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha-anneta@mail.ru

COUNTERING THE EMERGENCE AND SPREAD OF EXTREMIST IDEAS IN THE MIGRATION ENVIRONMENT

The article examines the current trends in the formation of extremist manifestations in the migration sphere. It is noted that migration processes always affect the interests of the two countries, and are also characterized by both positive (replenishment of demographic losses) and negative features (increase in unemployment, deterioration of the epidemiological situation; leveling the values of the indigenous population, outflow of qualified specialists, etc.). The reasons for the emergence of extremist manifestations in the migration environment are identified, which include the difficulty of adapting to new conditions, the isolation of migrants from the rest of the population, the formation of ethnic areas with the imposition of their own cultural patterns, the demonstration of aggression and hostility towards local residents and government officials. Patterns of the spread of ideas of extremism in migration flows are revealed. Preventive, propagandistic, and ideological measures to counteract the spread of this negative phenomenon are proposed.

Key words: migration, extremism, migration flows, migration processes, extremist manifestations, prevention.

Разрушительный потенциал экстремизма уже ощутили многие страны, и Россия не исключение. Каждый год фиксируется увеличение количества преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности, основной причиной которых является увеличение миграционных потоков. Следует отметить, что миграционные процессы имеют как положительную, так и отрицательную роль в функционировании и развитии государства. Очевидными преимуществами миграции являются, конечно же, восполнение демографических потерь и компенсация дефицита рабочей силы. Тем не менее следует помнить и о негативных последствиях миграции, одним из которых является рост экстремистских проявлений.

Перманентные перемещения людей по всему миру влияют на экономическую, политическую, социальную сферы, демографическую ситуацию всех государств, в т.ч. и России.

Под понятием «миграция населения» понимается многоаспектный процесс перемещения людей внутри одной страны или за ее пределами, затрагивающий самые разнообразные сферы жизни общества и государства, вносящий в них собственные коррективы.

В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики российского государства миграционный прирост населения – в среднем около 700 человек в день [7]. Наиболее востребованным регионом традиционно выступает европейская часть России.

Миграционные процессы всегда затрагивают интересы двух стран, той, которую люди покинули, и той, в которую переехали. Как было уже отмечено, миграция характеризуется как позитивными, так и негативными особенностями. Не умаляя достоинств миграционных последствий, обратим внимание на их отрицательные характеристики. Среди таких можно отметить следующие: стимулирование теневого сектора экономики, рост безработицы, ухудшение эпидемиологической обстановки (особенно актуально на современном этапе в условиях распространения коронавирусной инфекции), нивелирование традиционных ценностей коренного населения, отток квалифицированных специалистов, деградация сельских поселений, обострение криминальной обстановки в целом, рост проявлений экстремизма и т.д.

Угрозы экстремизма формируются посредством распространения экстремистских идеологий среди мигрантов (например, национальное и религиозное превосходство, этническая исключительность и т.п.). Детерминантами возникновения экстремистских проявлений следует назвать сложность адаптации в новых условиях, обособление мигрантов от осталь-

ного населения, локализация компактного проживания мигрантов (этнических районов) с навязыванием собственных культурных шаблонов, демонстрацией агрессии и враждебности по отношению к местным жителям и представителям власти. Кроме того, локализация мест проживания мигрантов, как правило, располагается в «спальных» районах населенных пунктов, вблизи рынков, складов, торговых площадей, вокзалов и является, по сути, обособленными (закрытыми) зонами для социальных контактов с коренным населением. Замкнутая форма проживания мигрантов становится причиной экстремистских проявлений как внутри их общности, так и извне. Правовое сознание мигрантов деформируется в виде правового нигилизма, что способствует росту преступности (в т.ч. организованной), увеличению числа незаконных мигрантов и многому другому.

С другой стороны, формируется негативное отношение коренного населения к мигрантам как к чужакам, претендующим на рабочие места, ухудшающим эпидемиологическую обстановку, провоцирующим рост преступности различных видов. Увеличение числа мигрантов, их экстремистская идеология, подкрепленная соответствующими действиями, вызывают недовольство местного населения, «зеркальную» ответную реакцию, в результате чего конфликты перерастают в вооруженные столкновения. Представленные моменты подтверждают, что сами по себе миграционные процессы не несут негативных последствий, но когда в эти процессы включаются экстремистские проявления, то возникает угроза обществу и государственной стабильности.

Статистика, представленная исполнительными органами государственной власти, показывает, что на сегодняшний день в Российской Федерации проживает более десяти миллионов иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших более чем из сорока стран мира, из них около шести миллионов пребывают в стране нелегально [3]. Очевидно, что нелегальная миграция серьезно подрывает основы конституционного строя, создает угрозы национальной безопасности, сохранению внутреннего и внешнего суверенитета любого государства, затрагивает общественную безопасность и правопорядок. Противодействие незаконной миграции следует рассматривать как первостепенное условие профилактики экстремизма.

Государство должно прилагать максимальные усилия для противодействия социальной изоляции мигрантов, ликвидации конфронтации между мигрантами и коренным населением, поиска мер, способствующих урегулированию возможных конфликтов.

Итак, важно отметить, что миграционные процессы масштабны, затрагивают интересы значи-

тельного числа стран. Миграция, наряду с положительными моментами, несет в себе разнообразный спектр рисков национальной безопасности, среди которых экстремистские проявления, несомненно, наиболее опасны. Экстремизм в миграционных процессах имеет тенденцию к росту и разнообразию форм и представляется, на наш взгляд, преобладающей миграционной угрозой, требующей разработки и применения превентивных и контрдейственных мер. Предупреждение распространения экстремизма требует колоссальных материальных, человеческих и временных ресурсов. Так, к глобальным превентивным мерам относится стабилизация всех сторон жизни общества: своевременное разрешение возникающих конфликтных ситуаций между различными слоями общества, привитие гражданам положительных ценностных ориентаций, создание для них благополучной жизненной перспективы и т.п. Указанные меры необходимо развивать и реализовывать в комплексе, нельзя заниматься решением одной проблемы, упуская (оставляя на потом) иные важные сложности и стороны общественной жизни.

Проведенный анализ концептуальных нормативных правовых актов, регламентирующих направления деятельности российского государства в сфере миграции [2] и по противодействию экстремизму [5], а также ряда иных документов позволяет прийти к выводу, что в России не уделяется надлежащего внимания именно комбинации названных процессов. Как следствие, самостоятельным направлением деятельности правоохранительных органов такая функция, как противодействие экстремизму в миграционных процессах, не выделена. Безусловно, определенный круг обязанностей реализуется в данном направлении, поскольку их необходимость вытекает из самой сути и содержания миграционных процессов. Тем не менее, на наш взгляд, требуется ее индивидуальное нормативное закрепление.

Социологами было проведено исследование «Ислам и трудовая миграция» [8], в котором отмечено, что в миграционной среде, прежде всего российской, при вербовке людей в экстремистские организации активно стали внедрять религию, намеренно искажая изначальный смысл религиозных догм. Кроме того, в указанном исследовании авторы выделили также ряд причин неконфессионального характера, побуждающих мигрантов вступать в ряды экстремистов. В качестве, например, личных причин исследователи называют получение прибыли, т.к. за организацию или помощь в организации терактов, содействие в вербовке, предоставление оружия платят намного больше, чем на легальной не противозаконной работе. Выделяют и комплекс идеологических причин, которыми выступают фанатичные убеждения в своей вере и радикальные религиозные взгляды.

Для мигрантов, исповедующих подобные идеологические убеждения, основная задача – «очистить» неверных, это означает, что они не рассматривают эти действия как убийства, они видят в этом праведные поступки. Еще одна причина, по которой мигранты присоединяются к экстремистским организациям, кроется в психологической травме, которую они испытали, переехав в Россию без семьи, что является для некоторых сложным и эмоционально тяжелым поступком в связи с потерей поддержки и любимых людей. Такие люди, как правило, становятся легкой добычей для вербовщиков, поскольку они без проблем поддаются внушению. Последний комплекс мотивов – желание отомстить за причиненную ранее боль, чувство несправедливости, ненависть к обидчику. Эти факторы вынуждают мигрантов присоединяться к экстремистской идеологии и деятельности.

Безусловно, лучше предотвратить распространение экстремизма среди мигрантов, чем решать проблемы, которые случаются после совершения терактов данной категорией лиц. Одним из направлений профилактики экстремизма среди мигрантов может стать заимствование положительного опыта некоторых сопредельных государств. Так, в ряде стран ближнего зарубежья в учебных заведениях, на предприятиях представители правоохранительных органов, органов местного самоуправления, имамы, волонтеры молодежных движений разъясняют опасность экстремистских течений, истинный смысл и содержание норм Корана и иных религиозных сводов. Кроме того, активно проводится работа с лицами, уезжающими на заработки, организованы центры для мигрантов, в которых они получают основы юридических знаний. С целью научить людей противостоять религиозному экстремизму и терроризму осуществляется работа в виде курсов и лекционных занятий.

Другим аспектом профилактики должно стать проведение встреч для рассмотрения действующего антиэкстремистского, миграционного законодательства, других федеральных законов и нормативных правовых актов, которые необходимо знать иностранным гражданам. Подобные встречи необходимо проводить при участии сотрудников миграционных подразделений МВД России, юристов-практиков, представителей профильных органов государственной власти. Плюсом подобных встреч будет то, что мигранты смогут задать специалистам конкретные вопросы, объяснить возникшие проблемы и в результате получить грамотный ответ и юридическую оценку. Это важно, потому что не все мигранты могут самостоятельно изучать, понять истинный смысл и содержание документов, предписаний нормативных правовых актов, регулирующих вопросы как миграции, так и ответственности за правонарушения и преступления экстремистского толка. Путем же не-

посредственного контакта они смогут задать интересующие их вопросы и уяснить для себя какие-то сложные моменты.

Важно организовать разработку и распространение различных информационных материалов для мигрантов о деятельности деструктивных экстремистских организаций, где будут указаны номера телефонов, куда можно обратиться, если человек предполагает, что в отношении него или других лиц происходит вербовка, либо он столкнулся с какими-либо иными проявлениями экстремизма. Памятки должны распространяться максимально широко – через мечети, церкви, центры тестирования иностранных граждан, паспортные столы и места массового скопления людей.

Большинство мигрантов, прибывающих в Россию, являются категорией трудовых, а значит возможно задействовать работодателей для предотвращения распространения экстремистских движений среди их работников. Необходимо проводить конференции, беседы, важно доводить информацию о признаках экстремистской деятельности, о потенциальных угрозах и способах их распознавания.

Опыт российских школ, институтов, университетов по работе с детьми мигрантов и иностранными студентами насчитывает десятки лет. Практика сталкивалась как с положительными моментами, так и с негативными, следует обратиться к результатам их положительного опыта, рассмотреть применяемые ими методы адаптации и интеграции. Важно будет познакомить детей и взрослых с культурой, историей и традициями страны, в которую они прибыли, сформировать представление с помощью важной, но в то же время доступной для восприятия информации, которая повлияет на сознание людей.

Также необходимо уделить внимание снижению уровня мигрантофобии в обществе. Довести до населения страны реальные примеры достижения мигрантами профессиональных, научных и иных успехов, фактов положительного вхождения иностранных граждан в российское общество. Это можно сделать через общественные организации, СМИ, учреждения в образовательных организациях так называемых «Единых дней государственно-правового информирования».

Кроме того, ужесточение некоторых правил и сроков, ликвидация пробелов в миграционном законодательстве способствуют снижению уровня незаконной миграции, распространению экстремизма, а также иных преступлений и правонарушений. Мерами противодействия незаконной легализации мигрантов в стране путем заключения фиктивных браков с гражданами РФ будет служить блокировка доступа к интернет-сайтам, содержащим коммерче-

ские объявления об оказании услуг по фиктивным заключениям брака. Также особое внимание следует уделять предотвращению скученному (изолированному) проживанию мигрантов на территории страны, разработке мер по их скорейшей социализации и интеграции в новых условиях жизни.

Итак, слабо контролируемые миграционные течения выступают как взаимообусловленные процессы, в существенной степени детерминирующие преступность экстремистской направленности как в России, так и за рубежом. Также опасен тот факт, что миграционные процессы, значительно увеличились за последние годы, они имеют огромное негативное и позитивное влияние на государства, задействованные в таком обмене. Необходимо отметить, что трансформации, происходящие в мире, непосредственно влияют на поток мигрантов. Так, за 2020 год поток снизился из-за сложной эпидемиологической ситуации во всем мире. Для решения проблемы распространения экстремистских настроений мигрантами правительство России проводит активную и грамотную политику по регулированию миграционных процессов, что способствует созданию здоровой обстановки внутри страны.

Сегодня экстремизм является существенной угрозой государственным устоям любой страны, безопасности населения, жизни и здоровью каждого, которая экстраполируется в том числе миграционными потоками. Пробелами правового регулирования в миграционной сфере успешно пользуются представители экстремистских организаций для осуществления своих противоправных целей. Следовательно, учет имеющихся проблем, разработка и внедрение действенного комплекса мер, устранение пробелов позволят минимизировать данные негативные явления.

В целях преодоления указанных проблем считаем необходимым органам государственной власти, местного самоуправления, а также институтам гражданского общества сосредоточить свои усилия на следующих направлениях:

- превентивная деятельность – разработка, выпуск и распространение различных видов наглядных материалов (памяток, брошюр, плакатов, социальной рекламы, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т.д.), содержащих информацию правового характера в сфере миграции, возможных способов противодействия вовлечению в экстремистские организации;

- пропагандистская деятельность – своевременное доведение объективной информации через СМИ о результатах деятельности государственных органов по противодействию фактам незаконной миграции, экстремизма среди мигрантов; проведение различного рода научно-образовательных меро-

приятий (конференций, круглых столов, конкурсов), в т.ч. на лучшие материалы антиэкстремистского характера;

- идеологическая деятельность – формирование в обществе основ религиозной и межнациональной толерантности, патриотизма, приоритетов общечеловеческих ценностей и т.д.

Отдельно необходимо упомянуть о назревшей необходимости выделить специальное образовательное направление по подготовке специалистов в сфере информационного противодействия экстремизму. Данные мероприятия необходимо осуществлять поэтапно, отстаивая национальные интересы России на международной арене.

Литература

1. Заседание Совета Безопасности 31 марта 2016 года, посвященное вопросам совершенствования государственной миграционной политики в интересах обеспечения национальной безопасности // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/104/events/51618> (дата обращения: 01.11.2020).

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.): Указ Президента Российской Федерации от 13.06.2012 // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 20.10.2020).

3. Международная миграция // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/infografika/20171218/1510328209.html> (дата обращения: 31.10.2020).

4. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 01.11.2020).

6. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Статистические сведения по миграционной ситуации // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/21661064/> (дата обращения: 31.10.2020).

8. Щетинина Е. Экстремизм в среде мигрантов победит системная профилактика // Евразийское содружество. URL: <http://www.eurasia174.ru/index.php/expert/2129-ekstremizm-v-srede-migrantov-pobedit-sistemnaya-profilaktika> (дата обращения: 23.10.2020).

УДК: 340

А.А. Сабинин

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: _saab_@mail.ru

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКЗАМЕНОВ НА ПРАВО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

В статье рассматриваются проблемы коррупционно опасных проявлений в деятельности органов Госавтоинспекции. Цель исследования – совершенствование административного законодательства в изучаемой области. Методологическую основу работы составили: диалектический, структурно-системный, статистический, сравнительно-аналитический и другие методы, широко применяемые в юридической науке. Автор анализирует порядок проведения экзаменов на право управления транспортными средствами с точки зрения возможности личного влияния экзаменатора на данную процедуру с целью получения корыстной выгоды.

Делается обоснованный вывод о том, что отдельные положения нового административного регламента по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами допускают неоднозначное толкование. Это обуславливает увеличение коррупционных рисков при предоставлении указанной государственной услуги. Предлагается уточнить отдельные положения указанного нормативно-правового акта. Обосновывается необходимость принятия отдельного нормативного правового акта, устанавливающего требования антикоррупционных стандартов служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, формирования механизмов их неукоснительного соблюдения.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, коррупция, противодействие коррупции, коррупционно опасное поведение, коррупционные риски, прием экзаменов, автошколы, административный регламент.

A.A. Sabinin

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: _saab_@mail.ru

CORRUPTION RISKS OF EMPLOYEES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE WHEN CONDUCTING EXAMINATIONS FOR THE RIGHT TO DRIVE VEHICLES

The problems of corruption-dangerous manifestations in the activities of State traffic police bodies are considered. The purpose of the study is to improve the administrative legislation in this area. The methodological basis of the work consists of: dialectical, structural-system, statistical, comparative-analytical and other methods widely used in legal science. The author analyzes the procedure for conducting examinations for the right to drive vehicles from the point of view of the possibility of personal influence of the examiner in this procedure in order to obtain self-interest.

A reasonable conclusion is made that certain provisions of the new administrative regulations on the conduct of examinations for the right to drive vehicles allow for ambiguous interpretation. This leads to an increase in corruption risks in the provision of this public service. It is proposed to clarify certain provisions of the specified normative-legal act. The article substantiates the need to adopt a separate regulatory legal act that establishes the requirements of anti-corruption standards of official behavior of employees of internal affairs bodies, and the formation of mechanisms for their strict compliance.

Key words: state traffic inspectorate, corruption, anti-corruption, corruption dangerous behavior, corruption risks, admission of exams, driving schools, administrative regulations.

С проблемой возникновения и развития коррупционных проявлений сталкиваются во всех государствах. Их можно сравнить с вирусом, который поражает все сферы общественных отношений, в значительной мере препятствуя нормальному функционированию государственного аппарата. Реализовать задачу полного искоренения коррупции до настоящего времени никому не удалось. Вместе с тем необходимо максимально снизить ее негативное влияние на формирование и развитие общественных и правовых институтов. Такая задача стоит в каждом государстве, в т.ч. в нашей стране.

Актуальность обозначенной проблемы неоднократно подчеркивалась руководством страны [3]. В настоящее время проводится целенаправленная политика снижения уровня коррупционных проявлений во всех областях общественных отношений. При этом особое значение уделяется их профилактике. Так, в ст. 7 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» установлено «введение антикоррупционных стандартов», т.е. установление для соответствующей области социальной деятельности единой системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции [9]. Данная норма выступает основой формирования устойчивого антикоррупционного поведения государственных служащих всех уровней. Законодательство в данной области постоянно совершенствуется. Однако до настоящего времени единое понятие и перечень антикоррупционных стандартов отсутствуют.

Несмотря на принятые меры, значительного прогресса по борьбе с коррупцией достигнуть пока не удалось. Об этом свидетельствуют некоторые статистические данные. За 2019 год количество преступлений коррупционной направленности выросло на 1,6% [2]. За 2019 год было выявлено 752 факта совершения коррупционно опасных действий сотрудниками МВД России [4]. Это не может не вызывать серьезные опасения, т.к. именно сотрудники правоохранительных органов, в первую очередь призванные бороться с любыми формами проявления коррупции, поражены ею.

В системе органов внутренних дел (далее – ОВД) принято считать наиболее подверженными действиям коррупционной направленности подразделения Госавтоинспекции. В различных информационных изданиях на постоянной основе распространяются новости о выявлении таких фактов среди сотрудников данной службы. Это в значительной мере способствует формированию у населения негативного и предвзятого мнения о системе правоохранительных органов в целом.

В подавляющем большинстве случаев речь идет о противоправных действиях инспекторов ДПС, до-

пускающих нарушение требований антикоррупционного законодательства. Однако нельзя не отметить проблему высокой латентности коррупционных проявлений в регистрационно-экзаменационных подразделениях Госавтоинспекции при проведении ими экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений. В научных исследованиях выделяют ряд причин и условий, способствующих скрытности указанных правонарушений. Так, сотрудники ОВД обладают углубленными знаниями административного, уголовно-процессуального, криминалистического характера, это позволяет тщательно маскировать противоправные действия коррупционной направленности [6, с. 109]. Официально зафиксированных фактов получения вознаграждения сотрудниками ГИБДД МВД России за содействие кандидату в водители в прохождении процедуры сдачи экзаменов крайне мало. Вместе с тем тематические сайты информационно-телекоммуникационной сети Интернет содержат большое количество сообщений о возможности обеспечить «лояльное» отношение экзаменатора. При этом зачастую кандидаты в водители сами пытаются навязать денежное вознаграждение за беспроblemное получение водительского удостоверения [1]. В этом случае действует экономический закон «спрос рождает предложение». Возникновению коррупционных рисков в рассматриваемой области способствует неоднозначность толкования некоторых положений нормативных документов, регламентирующих процедуру оказания государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами.

В настоящее время экзамены делятся на несколько этапов, первый из которых теоретический. Необходимо отметить, что он проводится с использованием автоматизированной системы (аппаратно-программного комплекса) на основе комплекта экзаменационных задач, сформированных в экзаменационные билеты. При этом личность кандидата в водители, а также процесс сдачи экзамена фиксируются средствами аудиовидеозаписи. Возможность постороннего вмешательства и фальсификации результатов практически исключена. Попытки вмешательства в работу автоматизированного комплекса оставят следы, которые обнаружит первая же проверка. Факты искажения результатов теоретического экзамена были выявлены в 2019 г. в г. Балашиха Московской области. Инспекторы регистрационно-экзаменационного подразделения сами сдавали теоретический экзамен за кандидатов в водители, заранее отвечая на вопросы автоматизированного аппаратно-программного комплекса. Кандидатам в водители оставалось только проставить необходимые отметки в документах [1]. Однако это скорее исключение. Наибольший

риск корыстной заинтересованности может возникнуть у сотрудников Госавтоинспекции при возможности личного вмешательства в процедуру проведения практических экзаменов.

Постановлением Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 утверждены требования к установке в транспортных средствах, используемых для проведения практических экзаменов, средств аудиовидеозаписи [8]. Они направлены на исключение возможности постороннего вмешательства в процедуру сдачи экзаменов, объективное оценивание кандидата в водители, а также возможность аргументированно оспорить результаты практического экзамена в случае несогласия с решением экзаменатора.

Вместе с тем необходимо отметить, что в указанном документе отсутствует прямо прописанная обязательная видеозапись действий и жестов экзаменатора. Это оставляет возможность сотруднику Госавтоинспекции, принимающему экзамен, оказывать помощь кандидату в водители.

С 1 апреля 2021 г. вступил в силу новый Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений, который в значительной мере изменяет процедуру проведения практического экзамена на право управления транспортными средствами категорий «В», «С», «D», «BE», «CE» и «DE» и подкатегорий «C1», «D1», «C1E» и «D1E». Изменения направлены на повышение качества подготовки водителей в современных условиях. Вместе с тем ряд положений данного документа содержит потенциально коррупционно опасные факторы.

Основным изменением выступает объединение практических экзаменов по первоначальным навыкам управления транспортным средством и по управлению транспортным средством в условиях дорожного движения по указанным выше категориям в один этап. При этом упражнения, ранее выполняемые на закрытой площадке, допускается демонстрировать непосредственно в условиях улично-дорожной сети с малоинтенсивным движением. Порядок и перечень их выполнения представлены в п. 1.1-1.5 приложения № 4 административного регламента [12]. Необходимо отметить, что в отличие от ранее действующей процедуры в новых правилах описание испытательных упражнений практического экзамена на право управления транспортными средствами (за исключением категорий «А», «М» и подкатегорий «А1», «В1») сформулировано неоднозначно. В этой связи вызывают опасение вопросы объективного оценивания экзаменатором действий кандидата в водители.

При выполнении маневра «постановка транспортного средства на место стоянки при движении

задним ходом с поворотом на 90 градусов» непонятно, как и чем измерять угол поворота. Для категории «В» указанный маневр может выполняться на участках дорог с малоинтенсивным движением с использованием имеющихся размеченных мест для стоянки (парковки) либо же в соответствии со схемой и размерами, утвержденными административным регламентом. Геометрические параметры парковочного места для легкового автомобиля составляют 2,5 метра в ширину и 6 метров в длину [11]. Вместе с тем при выполнении рассматриваемого маневра административный регламент предусматривает длину парковочного места 5 метров. Это заведомо ставит кандидатов в водители в неравные условия.

В упражнении «остановка и начало движения на подъеме и на спуске» не указана величина отката, тогда как ранее для контроля отката экзаменатор ставил стойку в 30 см позади транспортного средства. Одним из критериев принятия решения о выполнении маневра выступает отсутствие вмешательства экзаменатора в дублирующие органы управления транспортного средства с целью остановки неконтролируемого отката транспортного средства [12]. Вместе с тем четкая формулировка «неконтролируемый откат» отсутствует.

В описании упражнения «постановка транспортного средства на место стоянки параллельно тротуару (краю проезжей части) при движении задним ходом» не указано, идет ли речь о парковке транспортного средства к незанятой обочине или между двумя автомобилями.

Действующие ранее правила сдачи экзамена по первоначальным навыкам управления транспортным средством позволяли объективно определить: допустил испытуемый ошибку, сбив разметочное оборудование или выехав за линии разметки, либо нет [11]. В новых условиях критерии оценивания выполнения рассмотренных упражнений указаны очень расплывчато. Также новый административный регламент позволяет принимать часть экзамена на площадке. При этом возникает возможность нахождения кандидатов в водители в неравных условиях. В одном случае они будут выполнять экзаменационные упражнения на закрытой площадке с четко обозначенными размерами и границами, в другом – в реальной дорожной обстановке. При этом для категории «В» прописаны конкретные размеры выполнения маневров в метрах. Учитывая различные характеристики транспортных средств, это представляется неверным. По ранее действующим правилам габаритные размеры данного маневра для категории «В» определялись индивидуально к каждому транспортному средству [11]. В случае явно предвзятого отношения экзаменатора к кандидату в водители оспорить результаты экзамена будет крайне затруднительно. Это в значительной мере

допускает возникновение возможностей совершения коррупционно опасных действий, направленных на упрощение процедуры прохождения экзамена.

В пункте 185, а также в приложении № 4 Административного регламента предоставления государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений был переработан порядок начисления штрафных баллов для кандидатов в водители. Вместе с тем ряд прописанных в экзаменационном листе ошибок также допускает неоднозначность толкования.

Ошибка «не приступил к выполнению задания экзаменатора (проигнорировал)» относится к достаточно грубым, ее двукратное совершение подразумевает не сдачу экзамена. Вместе с тем процедура проведения экзамена не в полной мере регламентирует порядок подачи команд и указаний экзаменатора кандидату в водители. Так, п. 183 административного регламента определяет обязанность экзаменатора заблаговременно подавать команды кандидату в водители. Четкое определение понятия «заблаговременно» в законодательстве отсутствует. На практике это приводит к тому, что экзаменатор может подать команду либо слишком тихо, либо непосредственно перед участком улично-дорожной сети, предназначенным для ее выполнения. Кандидат в водители при этом не успевает совершить необходимый маневр в соответствии с Правилами дорожного движения РФ (далее – ПДД РФ) и, как следствие, не сдает экзамен. Для устранения такой возможности представляется необходимым установить минимально допустимое расстояние до участка улично-дорожной сети, предназначенной для выполнения задания экзаменатора, на котором он должен подать команду кандидату в водители.

Ошибка «неправильно оценил дорожную обстановку» также допускает возможность неоднозначного толкования и сформулирована достаточно расплывчато. Непосредственное определение оценки дорожной обстановки отсутствует. Водитель оценивает дорожную обстановку индивидуально в каждом конкретном случае. В приложении № 5 к административному регламенту определены пункты ПДД РФ [10] (3.1, 13.6, 13.9, 13.11, 17.1, 18.1, 24.11), нарушение которых приводит к совершению указанной ошибки. Вместе с тем некоторые пункты (3.1, 17.1 ПДД РФ) нельзя отнести к оценке дорожной обстановки. Нарушение п. 13.6, 13.9, 13.11, 17.1, 18.1 ПДД РФ ведет к совершению грубой ошибки «не уступил дорогу (создал помеху) транспортному средству, имеющему преимущество».

По новым правилам приема практического экзамена за дублирующими органами управления экзаменационным транспортным средством будет находить-

ся экзаменатор. Таким образом, исключена возможность вмешательства в управление лицом, обучающему управлению транспортным средством. Вместе с тем это способствует значительному увеличению личного влияния сотрудника Госавтоинспекции на процедуру принятия экзамена и, как следствие, росту коррупционно опасных факторов в рассматриваемой области.

В административном регламенте исключена возможность кандидата в водители самостоятельно сдать экзамен. Пункт 75 указанного документа содержит требования по проведению экзаменов в составе организованных групп кандидатов в водители в соответствии с порядком взаимодействия с образовательными организациями [12]. В настоящее время обсуждается возможность закрепления организованных групп к конкретным подразделениям Госавтоинспекции. Это позволит снизить коррупционные риски выдачи автошколами свидетельств о профессии водителя без проведения реального обучения. Вместе с тем зачастую именно мастер производственного обучения вождению транспортных средств выступает посредником в коррупционных действиях, направленных на упрощение процедуры сдачи экзаменов на право управления транспортными средствами. Этому способствует фактическое занижение реальных часов практическому обучению вождению, неполноценное формирование необходимых навыков кандидатов в водители, психологическое давление на них со стороны инструктора. В целом подобные изменения могут значительно повысить коррупционные риски сотрудников Госавтоинспекции.

Таким образом, новый Административный регламент МВД РФ предоставления государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений содержит ряд положений, допускающих значительное влияние сотрудников регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции на процедуру принятия практического экзамена. В свою очередь, это обуславливает возникновение рисков коррупционно опасных проявлений при предоставлении указанной государственной услуги. Представляется необходимым доработать указанный нормативный правовой акт с учетом следующих предложений:

- уточнить порядок проверки навыков управления транспортным средством категорий «В», «С», «D», «BE», «CE» и «DE» и подкатегорий «C1», «D1», «C1E» и «D1E», предусмотренных п. 1.1-1.5 приложения № 4;

- уточнить порядок фиксации совершения кандидатом в водители ошибки «неправильно оценил дорожную обстановку»;

- дополнить п. 182 следующим содержанием: «Кандидат в водители после подачи команды экзаме-

натором должен подтвердить, что задание экзаменатора понятно, либо уточнить его);

- дополнить п. 183 следующим содержанием: «Уточняет у кандидата в водители, понятна ли ему поданная команда»;

- предусмотреть обязательное наличие носимого фото-, видеорегистратора у экзаменатора при проведении практического экзамена в целях объективной оценки его действий;

- установить минимально допустимое расстояние до участка улично-дорожной сети, предназначенной для выполнения задания экзаменатора, на котором он должен подать команду кандидату в водители.

Наряду с этим нужно усилить работу по предотвращению коррупционно опасных действий сотрудниками регистрационно-экзаменационных подразделений. Для этого возможно предусмотреть обязательный анализ информации, полученной с использованием средств аудио- и видеорегистрации процесса проведения практических экзаменов сотрудниками контрольно-профилактического отдела Госавтоинспекции.

В научной литературе обосновывается необходимость проведения профилактической работы и оказания помощи психологического характера при решении отклонений поведения [13, с. 80]. Вместе с тем такая работа должна строиться на неукосни-

тельном требовании соблюдения антикоррупционных стандартов служебного поведения сотрудниками Госавтоинспекции. Это будет способствовать формированию правильного ориентирования в ситуациях, содержащих потенциально опасные коррупционные риски [14, с. 109]. Учитывая, что в национальном законодательстве Российской Федерации прямо закрепленное понятие, а также непосредственный перечень антикоррупционных стандартов служебного поведения сотрудников ОВД отсутствуют, представляется необходимым разработать отдельный нормативный правовой акт, устанавливающий единую систему запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции для данной категории государственных служащих. По мнению ученых-административистов, «такой стандарт служебного поведения должен быть определенным гарантом на пути развития той среды, которая была бы нетерпимой к любым формам коррупции» [7, с. 27].

Отдельное внимание необходимо уделить работе, проводимой с использованием различных средств массовой информации, направленной на формирование у граждан положительного образа сотрудника ОВД. Это будет способствовать повышению доверия населения к службе ГИБДД.

Литература

1. Бизнес в погонах: Сотрудники ГИБДД подозревают в торговле водительскими правами. URL: <https://www.5-tv.ru/news/238913/biznes-vpogonah-sotrudnikov-gibdd-podozrevaut-vtorgovle-voditelskimi-pravami/> (дата обращения: 10.04.2021).
2. В СК России проанализирована практика расследования коррупционных преступлений. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1417917/> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Выступление Президента России В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 25.02.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 10.04.2021).
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. URL: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf.
5. ГОСТ 33062-2014 «Дороги автомобильные общего пользования. Требования к размещению объектов дорожного и придорожного сервиса» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Корчагина К.А. Коррупция в органах внутренних дел – один из факторов дестабилизации российского общества // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 107-112.
7. Костенников М.В., Куракин А.В., Ватель А.Ю. Антикоррупционные и этические стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих // Государство и право. 2014. № 10. С. 25-32.
8. О допуске к управлению транспортными средствами (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 (ред. от 20.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 20.10.2015 № 995 (ред. от 20.02.2021, утратил силу с 1 апреля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 20.02.2021 № 80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Тимофеева О.В. Борьба с коррупцией в органах Государственной инспекции безопасности дорожного движения // *OeconomiaetJus*. 2016. № 4. С. 76-82.

14. Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2019. № 32. С. 109-121.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.9

В.Н. Борков, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: borkovv@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОЗДАНИЯ ОБЪЕКТА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СЕРИЙНОГО ПРЕСТУПНИКА

В основании уголовного преследования и обвинительного приговора в отношении лиц, которые продолжительное время занимались преступной деятельностью, часто лежат результаты оперативно-розыскной деятельности. Осуществляемое в таких случаях судебное разбирательство не может быть признано справедливым, если сотрудниками правоохранительных органов была использована провокация. В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты «ловли преступника на живца», исследуются критерии отграничения оперативно-розыскного мероприятия, состоящего в создании объекта посягательства в целях установления лиц, совершающих преступления, от запрещенной законом провокации. Автор поставил сложные вопросы уголовно-правовой оценки посягательства на созданный оперативными сотрудниками объект, а также ответственности организаторов мероприятия за причиненный изобличаемым лицом реальный вред.

Ключевые слова: провокация преступления, создание объекта посягательства, «ловля преступника на живца», оценка деяния спровоцированного, ответственность за вред, причиненный в ходе оперативного эксперимента, обоснованный риск.

V.N. Borkov, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: borkovv@mail.ru

CRIMINAL LEGAL ASPECT OF THE CREATION OF AN OBJECT OF ENCROACHMENT TO IDENTIFY A SERIAL CRIMINAL

Criminal prosecution and conviction against persons who have been engaged in criminal activity for a long time are often based on the results of operational-search activities. The court proceedings carried out in such cases cannot be recognized as fair if provocation is used by law enforcement officials. The article examines the criminal-legal aspects of “catching a criminal with live bait”, examines the criteria for delimiting an operational-search measure, which consists in creating an object of encroachment in order to identify persons committing crimes from a provocation prohibited by law. The author raised the complex questions of the criminal-legal assessment of the object of the encroachment created by the operational officers, as well as the responsibility of the organizers of the event for the real harm caused by the exposed person.

Key words: provocation of a crime, creation of an object of encroachment, catching a criminal with live bait, assessment of the act of the provoked, liability for harm caused during the operational experiment, reasonable risk.

Охрана наиболее важных общественных отношений и предупреждение преступлений достигаются путем реализации неотвратимости ответственности, которая невозможна без установления лиц, совершивших общественно опасные посягательства. На использование преступниками различных способов конспирации, стремление уклониться от наказания сотрудники правоохранительных органов отвечают применением широкого инструментария оперативно-розыскной деятельности. При этом, чем эффективнее оперативно-розыскное мероприятие, тем острее стоит проблема соблюдения уголовного закона самими сотрудниками правоохранительных органов. Общественная опасность, латентность посягательств и анонимность преступников обуславливают применение оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых на грани провокации. «Современные технологии воздействия на психологию как индивида, так и масс в целом, – отмечает М.В. Бавсун, – способны доказать абсолютную необходимость применения мер экстраординарного характера, непопулярность которых будет нивелироваться степенью опасности возможной угрозы» [1, с. 14].

Монополия государства на насилие предполагает не только обязанность карать преступников, но и право определять порядок установления и изобличения лиц, совершающих общественно опасные посягательства. С.Ф. Милюков и А.В. Никуленко призывают к наступательной борьбе с преступностью и приводят в качестве положительного примера «ловлю преступника на "живца"», когда в роли "жертвы" выступает сотрудник полиции (например, женщина-полицейский при проверке информации об изнасилованиях), а "прикрытие", т.е. силовое сопровождение операции, осуществляют работники, имеющие достаточный уровень оперативной работы для скрытого наблюдения за объектом» [5, с. 40]. Авторы считают, что «...право на провокацию обороны следует законодательно предоставить лишь квалифицированным представителям правоохранительных структур» [5, с. 39].

Описанный метод раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений против личности достаточно распространен. В.Н. Карагодин предлагает использовать оперативные комбинации для раскрытия преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники. «В содержание этой комбинации могут быть включены действия по стимуляции активности разыскиваемого субъекта. Они могут заключаться в размещении в электронных сетях материалов от имени детей, сходных по основным признакам с потерпевшим(-ей). Размещаемая информация также должна быть похожей на данные, размещавшиеся реальными потерпевшими. После вступления субъекта преступления в контакт с мнимым

ребенком он устанавливается по IP, ID-адресам или приглашается для личной встречи, на месте которой задерживается» [3].

В перечисленных примерах искусственно создаются условия для проявления лицами, склонными к совершению преступлений, своих криминальных намерений. И в том и в другом случае оперативники формируют объект возможного посягательства и осуществляют наблюдение. Очевидно, что женщина-полицейский, играющая роль «приманки», и размещаемые в сети от имени детей материалы предназначены для «стимулирования активности» лица, predisposed к совершению преступления, т.е. фактически для его склонения к посягательству. Можно привести два аргумента, обосновывающих непризнание «ловли преступника на живца» провокацией. Во-первых, потенциальный объект посягательства (понятие объект используется в оперативно-розыскном значении) демонстрируется неопределенному кругу лиц. Во-вторых, провокация преступления не может выражаться в правомерных действиях.

Как правильно рассуждают сторонники легализации провокации, добропорядочный человек не будет брать взятку, сбывать наркотические средства, даже если его к этому побуждают. Подобным образом он не нападет на «прогуливающуюся» в безлюдном месте женщину и не попытается, используя интернет, вступить в преступные отношения с малолетним. Вынужденная активность оперативных сотрудников направлена на формирование преступного умысла именно у лиц, не просто склонных, а совершающих посягательства определенного вида.

Требует осмысления тезис о том, что «приглашение» к совершению преступления конкретного человека – это провокация, а подобное обращение ко всем «неустойчивым» лицам – оперативно-розыскное мероприятие. В допустимости соответствующего подхода усомнился Кемеровский областной суд: «Из материалов целого ряда уголовных дел, возбужденных по факту покушения на дачу взятки должностному лицу, следует, что виновные лица устанавливались в ходе оперативного эксперимента, проводимого на основании имеющейся информации о том, что на том или ином участке автодороги имеют место факты предложений инспекторам ГИБДД водителями, нарушающими правила дорожного движения, денежного вознаграждения за несоставление протокола об административном правонарушении... Тем не менее многие судьи не разделяют точку зрения, согласно которой информация о том, что "кто-то где-то предлагает денежное вознаграждение инспектору ГИБДД" является достаточным поводом для проведения оперативно-розыскного мероприятия» [9]. В описанной ситуации, с одной стороны, умысел водителей на дачу взятки инспектору ГИБДД форми-

ровался уже после начала проведения оперативно-розыскного мероприятия, а с другой – вряд ли можно признавать склонением к совершению преступления, даже косвенным, остановку инспектором водителя, нарушившего правила дорожного движения. В комментируемом случае оперативные сотрудники ограничились наблюдением. Статья 119 УК РСФСР 1926 г. определяла объективную сторону провокации взятки как «...заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки...». Сложно однозначно согласиться с тем, что нахождение инспекторов ГИБДД на участке дороги, где водители часто нарушают правила движения, не может рассматриваться как создание обстановки и условий, способствующих предложению взятки.

Между тем действия, которыми у лица формируется намерение совершить преступление, если их рассматривать без учета контекста провокации, могут и не содержать признаков какого-либо правонарушения. Например, создание благоприятных условий для взяточничества может состоять в обращении к должностному лицу с просьбой о решении вопроса, который находится в пределах его компетенции. Но в последнем случае, в отличие от «наблюдения» оперативных сотрудников за действиями водителей, нарушивших правила дорожного движения, помимо того, что объект провокации заранее определен, присутствует заведомый обман. «Проситель» не заинтересован в распорядительном решении должностного лица, потенциальный взяткодатель и организаторы провокации обманывают чиновника.

Так, Верховный Суд Российской Федерации подтвердил оправдательный приговор, вынесенный в отношении «...Г., который обвинялся в том, что он, являясь должностным лицом – председателем Палаты имущественных и земельных отношений, получил взятку в крупном размере за выполнение действий в пользу коммерческой организации по заключению договора купли-продажи лома металла, находящегося в муниципальной собственности... которые входили в его служебные полномочия при следующих обстоятельствах.

11 января 2011 г. в период с 10 часов до 12 часов к Г. обратился З. по вопросу заключения договора купли-продажи на приобретение лома металла. Г. в качестве обязательного условия заключения договора выдвинул З. требование о передаче ему незаконного денежного вознаграждения. 17 января 2011 г. около 12 часов 30 минут З. вновь обратился к Г. по тому же вопросу. Г. повысил сумму предполагаемого вознаграждения. При этом для убедительности своих намерений Г. сообщил З., что договор купли-продажи с ним заключит без проведения обязательного конкурса. 19 мая в период с 16 часов до 16 ча-

сов 40 минут Г. в своем рабочем кабинете получил от З. часть незаконного денежного вознаграждения за совершение незаконных действий, а именно за заключение договора купли-продажи лома черных металлов от 12 января 2011 г. между Исполнительным комитетом в лице председателя Палаты имущественных и земельных отношений Г. и коммерческой организацией в лице Я. без проведения конкурса. После передачи З. денег Г. был задержан в своем рабочем кабинете сотрудниками полиции.

Исследовав материалы дела, суд пришел к выводу о том, что действия сотрудников правоохранительных органов по проведению оперативного эксперимента с участием З. явились провокационно-подстрекательскими, исключаящими уголовную ответственность спровоцированного, склоненного к совершению соответствующего деяния должностного лица за получение взятки, и оправдал Г. на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за отсутствием состава преступления.

...Судом установлено, что свидетель З. выступал представителем коммерческой организации, реквизиты которой использовались для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении Г. без ведома руководителя данной организации Я. При этом З. не являлся ее работником, доверенность ему не выдавалась, полномочиями по заключению договоров он не наделялся.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий З. встречался с председателем Палаты имущественных и земельных отношений Г., обсуждал с ним вопросы покупки лома металла, а затем подписал договор купли-продажи, как правильно установил суд, не имея намерений и возможностей выполнения договорных обязательств» [4].

В основе тезиса о том, что провокация преступления может быть осуществлена только действиями, которые сами по себе являются незаконными, лежит представление о тождественности провокации и соучастия в преступлении. Между тем содержание термина «склонение» при провокации шире, чем при подстрекательстве, т.к. охватывает не только прямое побуждение лица к совершению преступления, но и косвенное, состоящее только в создании у провоцируемого иллюзии благоприятной для посягательства обстановки.

Накопленный практический опыт позволил Н.В. Румянцеву в качестве одного из видов оперативного эксперимента назвать выявление неизвестных преступников, совершающих многоэпизодные преступления с использованием «...специально подготовленных контролируемых объектов (предметов), аналогичных тем, на которые обычно покушаются преступники. Так называемые ловушки, приманки создаются в местах наиболее частого совершения

преступлений. Оперативно-тактические задачи, решаемые проведением этого вида оперативного эксперимента, – продолжает Н.В. Румянцев, – могут заключаться в следующем: выявление и установление неизвестных лиц, подготавливающих или совершающих преступления; выявление их преступных намерений; задержание с поличным при приготовлении к преступлению или при покушении на преступление» [8, с. 41].

Несмотря на значительное сходство используемого оперативными подразделениями приема «ловля преступника на живца» с провокацией преступления, их следует разграничивать. Если провокация состоит в склонении лица к преступлению для последующего привлечения спровоцированного за это преступление к уголовной ответственности, то «оптимальный» объект посягательства создается с целью раскрытия ранее совершенной серии преступлений определенного вида. В первом случае оперативники имитируют успешную оперативную работу, фактически «выявляют» ими же инициированные посягательства, во втором – устанавливают личность серийного преступника. Заметим, что в соответствии с ч. 8 ст. 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента допускается в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также в целях выявления и установления лиц, не только их подготавливающих и совершающих, но и совершивших.

В октябре 2020 г. Уголовный кодекс Республики Казахстан был дополнен ст. 412-1 «Провокация преступления», предусматривающей ответственность за «...незаконные действия должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или досудебное расследование, *склонившие лицо к совершению преступления с целью последующего изобличения и привлечения к уголовной ответственности* (курсив авт. – Б.В.) или шантажа». Легитимность оперативному мероприятию, состоящему в формировании соответствующего раскрываемым преступлениям объекта, и последующему наблюдению за ним придает отсутствие у его организаторов в качестве основной цели намерения привлечь выявленное лицо к ответственности за посягательство, для которого они сами создали условия. Кроме того, причастность лиц, обративших внимание на «приманку», к совершению раскрываемых преступлений не является априорной, а должна быть установлена.

В основании аргументации освобождения лица, склоненного оперативниками к совершению преступления, от ответственности лежит представление о нем как о жертве беззакония, творимого представителями государства. По смыслу п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступле-

ниях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» результаты оперативно-розыскного мероприятия, «изобличающего» лицо, участвующее в незаконном наркооброде, в основе которого лежала провокация, не могут использоваться в доказывании по уголовному делу [6]. То есть формируемые на их основе доказательства являются недопустимыми. Согласно п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» принятие спровоцированным должностным лицом «...денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ)» [7].

Другое дело – лицо, выразившее своими действиями готовность посягнуть на созданную оперативными сотрудниками имитацию «потерпевшего». Такого субъекта трудно назвать жертвой полицейского произвола. Не характерно для провокации и отсутствие у организаторов «контролируемого объекта посягательства» цели привлечения лица к уголовной ответственности только за то преступление, намерение на совершение которого формирует созданный «объект». Поэтому в данном случае отсутствие оснований ответственности за покушение на преступление субъекта, который фактически ошибся в обстановке посягательства, неочевидно. В качестве наиболее яркого примера такой «ошибки» можно привести задержание сотрудником полиции, переодетым в старушку, преступника, совершившего серию грабежей в отношении пожилых женщин в г. Ревда Свердловской области [2]. Решение задачи по установлению и изобличению лица, ранее совершавшего преступления, предполагает наличие непосредственно после задержания законных оснований для применения к нему мер процессуального принуждения.

Оперативные сотрудники, с одной стороны, должны предоставить изобличаемому лицу возможность проявить свои преступные намерения, а с другой – не допустить реального причинения им вреда. Если «соблазненный приманкой» субъект не только поставит объект под угрозу причинения вреда, а причинит своими действиями реальные общественно опасные последствия, нужно решать вопрос об ответственности не только изобличаемого лица, но и организаторов оперативного эксперимента. В таком случае юридическую оценку действий организаторов оперативно-розыскного мероприятия следует осуществлять по правилам обоснованного риска (ст. 41 УК РФ). Риск причинения вреда участнику оперативного эксперимента является обосно-

ваным, если тяжкие и особо тяжкие преступления не могли быть раскрыты не связанными с риском действиями и руководитель оперативно-розыскно-го мероприятия предпринял достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Литература

1. Бавсун М.В. «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 10-16.
2. В Ревде полицейский переоделся старушкой, чтобы поймать грабителя «на живца». URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26483.4/3352521/> (дата обращения: 03.07.2021).
3. Карагодин В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография. М.: Проспект, 2018. 320 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.01.2012 № 11-О12-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 36-45.
6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Румянцев Н.В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 1. С. 39-42.
9. Справка о практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 290, 291, 204 УК РФ [Электронный ресурс]: справка Кемеровского областного суда от 14 апреля 2009 г. № 01-26/296. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.2

А.Ю. Волкова

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: aувolkovs@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОГЛАСИЯ ЛИЦА НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ

В статье рассматривается история согласия лица на причинение вреда в рамках отечественного законодательства, содержащего нормы уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, и доктринальных точек зрения о согласии человека на причинение ему вреда. Согласие лица на причинение вреда раскрыто через призму становления и развития государственности, доктринальных точек зрения той или иной исторической эпохи, что позволило сформировать понимание эволюции исследуемого правового явления, в т.ч. с учетом общечеловеческих ценностей (гуманизма, справедливости, равенства, законности и т.д.). Достижение законодателем и научным сообществом консенсуса при определении границ публичных и частных интересов позволило бы наделить каждого индивида возможностью распоряжения собственными правами и законными интересами. При этом будет определена направленность поведения личности, указывающая на получение реального результата с помощью воплощения частного интереса. Совместное рассмотрение доктринальных разработок и законодательной практики сделает возможной реализацию согласия лица на причинение ему вреда в рамках современной уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное право, история, личность, потерпевший, частный интерес, диспозиционность, согласие на вред.

A. Yu. Volkova

postgraduate student of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia

E-mail: aувolkovs@mail.ru

HISTORICAL ASPECT OF PERSONAL CONSENT TO CAUSING HARM IN DOMESTIC CRIMINAL LEGAL REALITIES

The article examines the history of a person's consent to harm within the framework of domestic legislation, which contains the norms of criminal liability for committing unlawful acts, and doctrinal points of view about a person's consent to harm him. The consent of a person to harm is considered by the author through the prism of the formation and development of statehood, doctrinal points of view of a particular historical era, which made it possible to form an understanding of the evolution of the legal phenomenon under study, including taking into account universal human values (humanism, justice, equality, legality, etc.). Achieving a consensus by the legislator and the scientific community in defining the boundaries of public and private interests would enable each individual to be able to dispose of their own rights and legitimate interests. In this case, the orientation of the personality's behavior will be determined, indicating a real result with the help of the embodiment of private interest. Joint consideration of doctrinal developments and legislative practice will allow the implementation of a person's consent to harm him within the framework of modern criminal policy.

Key words: criminal law, history, personality, victim, private interest, disposition, consent to harm.

В XIX веке на территории Российской империи происходило становление законодательного либерализма, что наделяло личность правами и свободами. Именно тогда начали зарождаться допущения причинения вреда человеку с его согласия или по его просьбе. Заимствование европейских настроений в части свободы волеизъявления личности, её права на самоопределение не находило выражения в реалиях российской законодательной и правоприменительной практики, лишь рассуждения учёных позволяли говорить о возможности появления подобного правового института [1, с. 784-793; 6].

Тенденция дискуссионности в теме развития уголовного права на различных этапах становления Российского государства определяет историко-сравнительный подход к рассмотрению института согласия потерпевшего на причинение вреда в рамках действующего на тот момент законодательства. Неоднозначность толкования, субъективное пристрастие к тому или иному историческому периоду не даст полной оценки в рассмотрении конкретного правового института. Лишь четко построив схему анализа истории законодательства, можно сформировать понимание его эволюции, в т.ч. с учетом общечеловеческих ценностей (гуманизма, справедливости, равенства, законности и т.д.).

А.В. Наумов считал историю развития российского уголовного права самобытной и не схожей с другими ввиду того, что его развитие происходило в зависимости от исторических событий, смены политического строя, а отечественная история ими более чем насыщена. Это подтверждает то, что развитие отдельных правовых институтов уголовного права было свойственно отдельным историческим эпохам, интеграции с международным сообществом, правлением государя и иными историческими событиями. И наметив вектор развития уголовного права, можно проецировать полученные знания на современные общественные отношения, которые может урегулировать уголовное право [10, с. 18-27].

Развитие отечественной юридической науки нередко подразделяют на три основных этапа: досоветский, советский, постсоветский. Данное развитие исторической хронологии подходит нам для рассмотрения отечественного законодательства о согласии человека на причинение ему вреда, что объясняется не только аналогичными взглядами ученых на подобное межевание исторического времени [13, с. 119-159], но и обобщением тенденций развития отечественного уголовного законодательства по интересующей нас тематике. Ученые, исследовавшие уголовно-правовые закономерности в историческом аспекте, утверждают, что невозможно рассматривать объект изучения в отрыве от взглядов иных ученых, складывающейся политической ситуации, государ-

ственного строя и правоприменительной практики [10; 15, с. 56].

Древнерусским источникам уголовного права свойственна особая форма выражения, характерной чертой которой является отсутствие систематизации норм права в сфере регулирования: в едином изложении представлены уголовно-правовые и процессуальные нормы, нормы иных отраслей права, описание формы государственного устройства и полномочия органов государственной власти. Анализируя становление уголовного законодательства как отраслевого (договоры Руси с Византией X в., все редакции Русской Правды, Новгородские и Псковские судебные грамоты в многочисленных списках, Судебники XV-XVI вв.), можно отметить тот факт, что преступление переоплотилось из нанесения вреда частному интересу («частная обида») в преследуемое и наказуемое государством запрещенное деяние. Ведь традиция охраны прав и законных интересов человека и гражданина сложилась на территории современной России за её многовековую историю развития. Вне зависимости от политического строя или формы государственного устройства человек находился под государственной защитой при совершении преступлений как под опекой родителей. Волеизъявление на причинение вреда лицу как проявление свободы выбора не допускалось. Но уже в Русской Правде началось формирование законодательно-определенных норм, напоминающих обстоятельства, исключающие преступность деяния, что свидетельствовало о том, что потенциального потерпевшего наделяют правом отстаивать свои права: «...Если убит вора на своем дворе, или у клетки, или у хлева, то тот убит, если же вора додержат до рассвета, то привести его на княжеский двор, а если его уубьют, а люди видели вора связанным, то платит да него» (статья 38 Русской Правды в Краткой редакции). Но также Русская Правда ограничила право на самосуд. Влияние Русской Правды на непосредственные источники уголовного права сложно преувеличить, т.к. институт необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, был не реформирован вплоть до Соборного уложения 1649 г.

Императивный характер по соблюдению законов, недопущение посягательства на права личности приобрели непоколебимое значение за многовековое существование подобных установок. Согласие лица на причинение ему вреда или причинение вреда по его просьбе было недопустимым.

Неразрывная связь развития отечественного права от исторических событий прослеживается при централизации государства и завоевании авторитета на мировой арене: отмечают факт соответствия по регулированию уголовно-правовых отношений наравне с европейскими странами. В большинстве

европейских государств особым объектом уголовно-правовой охраны являлась жизнь человека, которая выступает в качестве неотчуждаемого блага. Именно о благополучии этого неотчуждаемого блага государство приняло на себя обязанность. Этому ранее уже давалось объяснение – проявление государственного патернализма, что исключает проявление свободы лица в связи с совершаемыми в отношении него предусмотренными уголовным законом деяниями. Отличную характеристику монополии государства по охране прав и законных интересов, имевшей многовековую историю развития, дал А.Ф. Бернер: «Когда общество достигло известной степени развития, то оно не довольствуется уже одним примирением преступника с обиженным: общество начинает требовать вознаграждения самому себе за нарушения общественной безопасности, общественной тишины или мира» [4, с. 101-102].

В момент становления Российской империи государство продолжало задавать императивный характер уголовной политике: сохранялось объективное вменение, совместная ответственность родственников и другие проявления государственной монополии в распоряжении правами и интересами людей. Так, можно провести аналогию с современной проблемой сексуальных отношений: половое сношение может происходить в грубой насильственной форме, но женщина заранее дала согласие на осуществление подобных действий в отношении неё.

Вместе с тем Артикулы воинские Петра I 1715 г. закрепляли следующее положение (в арт. 168): «*Кто честную жену, вдову или девицу тайно уведет, и изнасилничает, а оная вскоре, или потом хотя в том позволила, онаго казнить смертию, отсечь голову*» [12, с. 360]. Из этого можно сделать вывод, что не допускалось какое-либо проявление правовой свободы, оно даже не расценивалось в качестве смягчающего обстоятельства.

В продолжение рассмотрения развития отечественного законодательства о причинении вреда интересам личности нужно сказать о влиянии европейской правовой мысли на изменение вектора уголовной политики в XIX в. Начала зарождаться отечественная правовая мысль о допущении правовой свободы человека и гражданина под влиянием европейских мыслителей.

В первой половине XIX в. сохранялось действие законов времен Петра I, но развитие доктринальной науки уголовного права намного опережало развитие действующего законодательства. Формируются отдельные правовые категории, которым характерна диспозитивность: «субъективное право», «правовое благо», «частный интерес» и т.п. Отчуждаемость блага на жизнь рассматривалась в совокупности со взглядами И. Канта, Л. Фейербаха, А. Грольмана

и др., направленными на определение объективной стороны подобного рода деяний – отчуждаемость или неотчуждаемость блага на жизнь [3, с. 247].

Причинение вреда с согласия и по просьбе человека рассматривалось в отношении не только неотчуждаемого права на жизнь, но и других охраняемых законом интересов гражданина (свободы, чести, достоинства, собственности). Однако больше вопросов вызывала возможность распоряжения человеком своими жизнью и здоровьем. Причем уже в XIX в. обсуждалась правовая и этическая составляющая производства аборта – момент зачатия связывался с моментом начала человеческой жизни, что не давало матери права брать ответственность за умерщвление своего ребенка (он не давал на то своего согласия).

Так, И.Я. Фойницкий говорил, что от «каждого блага, человеку принадлежащему, он может отказаться, и тогда о нарушении блага не может быть более речи» [7, с. 12], но «исключением является благо жизни, признаваемое, по огромной важности его, неотчуждаемым... невозможно представить всякому убивать другого по выраженному последним желанию». Либерализация воли человека в отношении лишения себя жизни была недопустима, несмотря на европейские настроения о провозглашении подобной возможности. Можно сказать, что неразрывная связь трудов ученых той эпохи с законодательной инициативой обусловила введение в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. положения о согласии, хотя ранее данное правовое явление рассматривалось как чуждое отечественной правовой системе.

Профессор Императорского Харьковского университета Л.Е. Владимиров развивал идеи о согласии лица на причинение вреда на территории Российской империи по правилу *Volenti non fit injuria* (лат.) – *нет обиды изъявившему согласие* [17, с. 33], сравнивая при этом положение дел с зарубежным законодательством. На момент издания его трудов действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г., где было указание на волеизъявление лица о лишении себя жизни, что признавалось пособничеством в самоубийстве и не могло быть признано легальным оправданием совершения убийства [14, с. 678], а лишь снижало степень общественной опасности, но полностью её не исключало. Причинение же по согласию лица вреда имущественным отношениям Л.Е. Владимиров признавал не преступным по правилу, указанному выше, за исключением общепасного повреждения имущества.

Развитие общественных отношений, в которых могло быть согласие человека на лишение его жизни, определялось некоторыми традициями и особенностями той эпохи. Так, дореволюционный ученый, активно изучавший частные начала в уголовном пра-

ве, Л.С. Белогриц-Котляровский считал, что согласие лица на лишение его жизни возможно в следующих случаях: 1) солдат прекращает страдания по просьбе тяжело раненого товарища на поле битвы; 2) доктор прекращает страдания тяжело больного пациента (современное понимание эвтаназии); 3) влюбленные, которые столкнулись с препятствиями при заключении брака, решаются покончить жизнь по очереди, но у одного из них не хватает сил на это после наступления смерти возлюбленного; 4) убийство на дуэли, которое заранее предполагает согласие на возможное причинение смерти [3, с. 249]. Можно говорить о том, что динамика развития общественных отношений обуславливает возникновение сфер общественной жизни, где допустима реализация согласия лица на причинение вреда, которое будет исключать преступность и наказуемость деяния.

Уголовное законодательство революционного времени также не содержало указания на возможное причинение вреда охраняемым законом интересам по просьбе лица, возможно, ввиду идей революционного насилия и отсутствия систематизированного источника уголовного законодательства, преемственности к предшествующим источникам уголовного права.

Самостоятельное определение согласия лица на причинение вреда в виде лишения жизни по просьбе имелось в первом послеимператорском Уголовном кодексе РСФСР. Согласно примечанию к статье 143 (в первой редакции) УК РСФСР 1922 г. непроступным признавалось «убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания» [11]. При издании Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Постановления от 11 ноября 1922 г. данное примечание утратило силу. В последующем это положение было признано противоречащим интересам общества, поскольку подрывало сознание неприкосновенности жизни другого человека. Н.В. Крыленко, советский государственный и партийный деятель, ссылался при исключении примечания к статье 143 УК РСФСР 1922 г. на процессуальную сложность доказывания настояния убитого на расставание с жизнью и мотива сострадания, установление которого возможно только со слов лица, причинившего смерть.

Советское уголовное законодательство ставило своей задачей охрану социалистического союзного государства, а лишь затем личности, прав и свобод граждан. По мнению А.И. Санталова, жизнь и здоровье признаются социалистической моралью и советским государством в качестве общественной ценности, хотя это и является личным благом. Человек рассматривается в качестве неотъемлемого элемента построения социалистического государства, и его самовольное оставление данной цели недопустимо. Идеологическая составляющая советского времени

на всем протяжении существования союзного государства не позволила бы человеку распоряжаться личными правами и законными интересами, потому что директивная установка новой пролетарской идеологии рассматривала людей в качестве живых машин для постройки светлого будущего [5, с. 170]. Это подтверждает факт отсутствия какого-либо указания в советском законодательстве о согласии на претерпевание вреда в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность или иным образом улучшающего положение лица, осуществившего посягательство по просьбе потерпевшего лица. Также можно указать на отсутствие мотивов сострадания при совершении противоправного деяния, предусмотренного ст. 143 УК РСФСР 1922 г.

Характерной особенностью советского времени стало то, что формировались многочисленные взгляды ученых относительно частных начал в уголовном праве и распоряжения советским гражданином своими субъективными правами, возможно, это было обусловлено императивным характером советской политики по ограничению прав и свобод человека и гражданина, и данные взгляды формировались в противовес. Споры ведутся и по настоящее время по поводу границ публичных и частных интересов, что позволило бы наделить каждого индивида возможностью распоряжения собственными благами, правами и интересами. Хотя среди ученых распространено мнение, что между публичными и частными интересами не может быть никаких противоречий, их назначение едино, они органично и адекватно сливаются [2, с. 110].

Сложно дать исчерпывающий перечень сфер общественных отношений, в которых согласие лица на причинение вреда будет играть юридически значимую роль. Трудно определить границы реализации частного интереса, который потенциально может использовать человек по своему усмотрению. Некоторые советские и современные авторы рассматривали интерес как объективную категорию ввиду его формирования существенными общественными отношениями и всецелого определения внешними по отношению к субъекту условиями [8, с. 20; 9, с. 23]. Подобная точка зрения определяет многие современные сферы распространения согласия на причинение вреда: реализуя частный интерес, направленность поведения личности указывает на получение реального результата (в зависимости от сферы применения согласия на причинение вреда) посредством использования конкретного социального инструмента, который признается обществом.

Завершить анализ отечественного законодательства о согласии «потерпевшего» на причинение вреда необходимо рассмотрением постсоветского этапа развития правовых отношений, для которого харак-

терны становление демократического государства, гуманизация и либерализация общественных отношений. В связи с этим определение границ частного и публичного стало вызывать большую потребность как в законодательной практике, так и в научной среде.

Принятие государством на себя международных обязательств по охране прав человека и гражданина, их законодательное закрепление в Основном Законе страны должны были стать отправной точкой в реализации человеком своих прав и частных интересов. Однако патерналистский подход к охране этих прав сохранился по сию пору. Но важно отметить, что при разработке проекта Уголовного кодекса РФ в 1992-1994 гг. коллективом ученых в рамках государственного задания совместно с Государственно-правовым управлением Президента России и Министерством

юстиции РФ в главу 8 было включено согласие лица на причинение вреда в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния [16, с. 29]. Тем не менее в УК РФ это обстоятельство включено не было. Это подтверждает тот факт, что доктринальные положения уголовного права опережают развитие законодательной и правоприменительной практики в вопросах реализации частных интересов личности.

Таким образом, лишь при соединении доктринальных наработок и законодательной практики возможна современная апробация такого нового самостоятельного института, как согласие потерпевшего на причинение ему вреда, которое в современных реалиях должно быть реализовано не только в охранительных, но и в регулятивных нормативных установках.

Литература

1. Баршев С.И. Спорный юридический вопрос // Русский вестник. 1863. Т. 46. С. 784-793.
2. Бейсейнов Б.С., Сабикенов С.Н. Категория интереса в праве // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 110-113.
3. Белогриц-Котляровский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев: Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903. 628 с.
4. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: части общая и особенная / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положительному магистра уголов. права Н. Неклюдова; пер. и изд. Н. Неклюдова. Санкт-Петербург, 1865. Вып. 1: Часть общая. 160 с.
5. Верт Н. История советского государства. 1900-1991: пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
6. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Общая часть. Киев, 1882, 413 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Курс уголовного права: Часть особенная: Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий; под ред. А.А. Жижиленко. 7-е изд., доп. и пересмотр. Петроград: Юрид. о-во при Петрогр. ун-те, 1916. 446 с.
8. Мальцев Г.В. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан // Советское государство и право. 1965. № 10. С. 19-26.
9. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. 280 с.
10. Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. С. 18-27.
11. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25 августа 1924 г.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
12. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т.; т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
13. Самигуллин В.К. История и методология юридической науки: учебное пособие для студентов вузов. Уфа: Академия ВЭГУ, 2013. 203 с.
14. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. 11-е изд., пересм. и доп. С.-Петербург: Гос. тип., 1901. 925 с.
15. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. 344 с.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: Проект. М.: Изд-во МЮ РФ, 1994. 58 с.
17. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1892. Т. 7: Волапюк-Выговские. 480 с.

УДК 343.347:349.3

Е.П. Глебова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: glebovaep@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В настоящей статье рассматриваются социальные основания дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 124.1, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. Указывается, что соответствующее изменение отечественного уголовного закона по своей правовой природе является дифференциацией ответственности. Делается вывод о том, что социальными основаниями такой дифференциации первого уровня являются недостаточно удовлетворительное состояние отечественной медицины, а также утраченные статус и авторитет медицинских работников в обществе. Второй уровень указанных оснований представлен нуждающимися в охране общественными отношениями, направленными на сохранение жизни и здоровья человека, а также особенностями антиобщественного поведения, выражающимися в лишении медицинского работника возможности надлежащим образом осуществлять свою законную профессиональную деятельность. Социальные основания третьего уровня выражаются в потребности наиболее усиленной уголовно-правовой охраны отношений в связи с наличием таких особенностей объективной стороны преступного деяния, которые существенно повышают его общественную опасность, усиливают возможность наступления преступных последствий.

Ключевые слова: право на медицинскую помощь, воспрепятствование оказанию медицинской помощи, криминализация деяния, дифференциация уголовно-правовой ответственности, социальная обусловленность дифференциации уголовной ответственности.

E.P. Glebova

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal

Affairs of Russia

E-mail: glebovaep@mail.ru

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY FOR OBSTRUCTING THE PROVISION OF MEDICAL CARE

This article discusses the social grounds for supplementing the Criminal Code of the Russian Federation with Article 124.1, which provides for liability for obstructing the provision of medical care. It is concluded that the corresponding change in the domestic criminal law, by its legal nature, is a differentiation of responsibility. The social grounds for such a differentiation of the first level are the not fully satisfactory state of domestic medicine, as well as the lost status and authority of medical workers in society. The social grounds of the second level are public relations in need of protection, aimed at preserving human life and health, as well as features of antisocial behavior, which are expressed in depriving a medical worker of the opportunity to properly carry out his legitimate professional activities. The social foundations of the third level are expressed in the need for the most enhanced criminal-legal protection of relations in connection with the presence of such features of the objective side of a criminal act, which significantly increase its social danger, increase the possibility of criminal consequences.

Key words: the right to medical care, obstruction of the provision of medical care, criminalization of an act, differentiation of criminal liability, social conditioning of the differentiation of criminal liability.

Право на медицинскую помощь, закрепленное в главе второй Конституции Российской Федерации, является одним из непосредственно действующих.

В соответствии с пунктом 71 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, повышение доступности и качества медицинской помощи – стратегическая цель долгосрочной государственной политики в сфере охраны здоровья граждан [9].

Регулирующее законодательство в содержание права на медицинскую помощь включает получение в гарантированном объеме «комплекса мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья» (ст. 2, 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [10].

Рассматриваемое право неоднократно подвергалось анализу в научных исследованиях. Так, И.А. Камаев, А.Л. Хлапов, Н.К. Першина, В.В. Тарасов определяют право на медицинскую помощь как «совокупность материально обусловленных, юридически закрепленных и гарантированных возможностей каждого человека получать надлежащий, достаточный медицинский уход» [16, с. 10]. И.В. Тимофеев под указанным правом понимает «возможность требования пациентом надлежащего выполнения медицинским работником его обязанностей во время оказания медицинской помощи, в т.ч. в соответствии с порядками и стандартами медицинской помощи» [20, с. 20].

В свою очередь, праву каждого лица на доступную и качественную медицинскую помощь корреспондирует обязанность медицинских работников соответствующую помощь оказывать. Вместе с тем такая обязанность, принимая во внимание ее специфику, не может быть надлежащим образом исполнена тогда, когда этому в той или иной форме препятствуют. По существу, деяниями, направленными на лишение медицинских работников полной либо частичной возможности осуществлять свою законную профессиональную деятельность, нарушаются права третьих лиц (пациентов).

В целях защиты жизни и здоровья пациентов Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников», вступившим в законную силу 6 августа 2019 г., глава 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнена статьей 124.1, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

В рамках исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, мы исходим из того, что

обозначенное дополнение отечественного уголовного закона по своей правовой природе является не криминализацией деяния, а дифференциацией уголовной ответственности. Данный вывод основан на анализе понятий данных институтов, приведенных наукой уголовного права.

Традиционно в научной литературе под криминализацией понимается «процесс и результат установления уголовно-правового запрета» [7, с. 17; 14, с. 13; 22, с. 136]. Так, А.П. Кузнецов, анализируя институт криминализации деяний, отмечает, что «законодатель с учетом появления ранее неизвестных видов общественно опасной деятельности людей проводит в установленном порядке их легитимизацию, т.е. признает преступлением» [7, с. 16].

Относительно же дифференциации уголовной ответственности Л.Л. Кругликов указывает на то, что «до настоящего времени не достигнуто единства среди ученых и практических работников по исходным моментам: что понимать под дифференциацией ответственности, каковы ее виды, основания и цели» [5, с. 305-306]. При этом сам ученый под данной категорией понимает «градацию, разделение, расслоение последней в уголовном законе, результатом чего являются различные уголовно-правовые последствия» [6, с. 110-111]. В пределах настоящего исследования полагаем целесообразным привести определение, сформулированное Е.В. Роговой, которая под соответствующим институтом уголовного права понимает «метод уголовно-правовой политики, цель которого состоит в достижении максимального учета при закреплении уголовно-правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность, степени и характера общественной опасности преступления, определенных личных характеристик виновного и условий, способствующих совершению преступления» [17, с. 30].

С учетом приведенных позиций представляется, что о криминализации возможно вести речь лишь тогда, когда в общий объем уголовно-правовых запретов включается такое общественно опасное деяние, которое ранее уголовным законом как преступное не определялось. Соответственно, при совершении указанных действий (бездействия) до их законодательного закрепления в качестве преступлений уголовная ответственность не наступала. При этом криминализация может формировать как совершенно новый с позиции самого деяния запрет, так и увеличивать сферу действия уже существующего, в частности, путем содержательного расширения признаков состава преступления. Не во всех случаях включение в Особенную часть УК РФ новой нормы является криминализацией, нередко это дифференциация ответственности, которая имеет место тогда, когда законодатель в силу ряда оснований устанавливает

ливают различные уголовно-правовые последствия для неодинаковых по своей общественной опасности преступлений. Дифференциация ответственности была проведена законодателем как изначально при принятии УК РФ, так и относительно ряда деяний впоследствии путем внесения изменений. Реализация дифференциации ответственности возможна, в частности, посредством привилегирующих и квалифицирующих признаков, а также с использованием конструкций специальных норм. В случае если дифференциация ответственности осуществлена путем дополнений в уголовный закон, то и иное деяние как до внесения таких изменений, так и после вступления их в силу являлось и продолжило являться преступным, но законодатель предусмотрел иные правовые последствия его совершения относительно существовавших.

Дополнение уголовного закона нормой, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, криминализацией не является, поскольку такое законодательное решение не расширило сферу наказуемых уголовных посягательств. Подобные деяния не выступают новой формой деструктивной социальной активности, уголовная ответственность за данные преступления существовала и ранее, в частности была предусмотрена статьями 109, 118 УК РФ. Вместе с тем из анализа санкций обозначенных статей, а также ст. 124.1 УК РФ с очевидностью следует, что законодатель пошел по пути усиления ответственности за причинение смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшего по неосторожности в том случае, если такие последствия наступили именно в результате воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Соответственно, введение в действие ст. 124.1 УК РФ является дифференциацией ответственности.

Вопрос определения правовой природы включения в уголовный закон статьи 124.1 важен для настоящего исследования, поскольку очевидно, что социальные основания криминализации деяний и дифференциации уголовной ответственности существенно различаются [12, с. 44].

В свою очередь, дифференциация уголовной ответственности действительна тогда, когда она, в частности, соотносится с существующей социальной реальностью, отвечает потребностям самого общества. В научной литературе неоднократно отмечалось, что одни изменения, вносимые в отечественный уголовный закон, «действительно необходимы, другие зачастую недостаточно обоснованы, не согласованы с другими нормами действующего законодательства» [13, с. 6]. Нормы, дифференцирующие уголовно-правовую ответственность, в этом аспекте исключением не являются. Так, Е.В. Рогова обращает внимание на то, что отсутствие социальных оснований уголовно-право-

вых норм, дифференцирующих ответственность, является одним из факторов, «снижающим эффективность осуществляемой в настоящее время дифференциации уголовной ответственности» [17, с. 31].

По существу, для ответа на вопрос о наличии социальной обусловленности дифференцирующей уголовно-правовой нормы анализу подлежат те происходящие в обществе процессы, которые привели к необходимости усиления или уменьшения ответственности за ряд противоправных деяний. По замечанию Д.А. Керимова, «чем рациональнее использованы добытые знания, чем в большей мере они отражают назревшие потребности этой среды, тем выше теоретический уровень правотворчества, тем эффективнее действие правовых норм, тем оптимальнее достижение целей и задач правового регулирования» [2, с. 48].

Говоря о социальных основаниях норм уголовного права, отметим, что большинство соответствующих научных исследований посвящено институту криминализации деяний. Проблемой социальной обусловленности дифференцирующих уголовно-правовых норм занимаются такие ученые, как Е.В. Рогова, Т.А. Плаксина.

Так, по мнению Е.В. Роговой, о социальной обусловленности дифференциации уголовной ответственности можно говорить при одновременном наличии следующих факторов: «учтена совокупная общественная опасность преступлений, показателями которой выступают уровень, динамика и структура преступности и обоснованный криминологический прогноз; учтены свойства личности преступника; выполнено требование соответствия принципам уголовного права; учтено правосознание населения» [18, с. 85].

В соответствии с позицией, высказанной Т.А. Плаксиной, социальные основания уголовно-правовых норм, в т.ч. социальные основания квалифицирующих преступление обстоятельств как их разновидность, делятся на три уровня. К основаниям *первого уровня* ученый относит «социальные условия жизни общества», *второго* – «общественные отношения, нуждающиеся в уголовно-правовой охране, и определенные особенности антиобщественного поведения, способного причинить им ущерб», *третьего* – «опасность причинения вреда указанным общественным отношениям и социальная потребность в их адекватной уголовно-правовой охране» [12, с. 440]. В свою очередь, «структура социальной потребности в адекватной уголовно-правовой охране общественных отношений» включает в себя: «1) социальную потребность в более строгой уголовно-правовой охране общественных отношений с учетом значительно повышающих степень общественной опасности деяния особенностей объекта охраны; 2) социальную потребность в более строгой уголов-

но-правовой охране общественных отношений с учетом ряда особенностей источника опасности (антиобщественного поведения) как реального явления социальной действительности» [12, с. 441-442]. Кроме того, по мнению Т.А. Плаксиной, не основанием, но необходимым условием осуществления социальной потребности в соответствующей охране общественных отношений выступают «определенные состояние, распространенность и динамика деяний, обладающих признаками, существенно повышающими их общественную опасность» [12, с. 442].

Представляется, что предложенная Т.А. Плаксиной конструкция социальных оснований квалифицирующих преступление обстоятельств в силу своей системности применима для рассмотрения вопроса социальной обусловленности установления уголовной ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. То обстоятельство, что ученым исследовались квалифицирующие обстоятельства, а ст. 124.1 УК РФ является специальной нормой, не влияет на возможность такого применения, поскольку в основе данных институтов уголовного права лежит общая категория дифференциации ответственности.

Обратимся к тем условиям жизни социума, которые на *первичном уровне* выступили детерминантами включения в уголовный закон нормы о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи. По выражению В.Д. Филимонова, это такие социальные условия жизни общества, которые «не могут быть устранены нормами уголовного права и становятся основаниями разработки экономических и иных социальных мер предупреждения преступности» [21].

По нашему мнению, такого уровня социальными основаниями являются, в частности, состояние отечественной медицины в целом, а также отношение населения к медицинским работникам, их статус и авторитет в обществе.

По информации, приведенной в газете «Ведомости» со ссылкой на опросы международной исследовательской компании «IPSOS» и фонда «Общественное мнение», 34% россиян считают одной из самых важных проблем состояние отечественной медицины, при этом 49% утверждают, что «дела в медицине обстоят плохо» [19]. Всероссийский центр изучения общественного мнения 2 декабря 2020 г. представил данные опроса о том, каких проблем в жизни россияне опасаются больше всего. Согласно приведенным результатам опасения того, что «не будет оказана бесплатная медицинская помощь или она будет плохого качества, достигли минимума в марте и составили 42%, а затем вновь практически вернулись к показателям начала года в размере 62%» [4].

В октябре 2019 г. под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина со-

стоялось расширенное заседание президиума Государственного совета по теме «О задачах субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения». На данном заседании Президент Российской Федерации обозначил, что «более 60% граждан невысоко оценивают качество здравоохранения, и в основном это относится к его первичному звену... Большинство претензий граждан справедливы и обоснованы... Доктора, средний медперсонал – это люди, на которых лежит огромная ответственность за здоровье каждого человека, а значит, всего нашего народа. И создание условий для достойного исполнения их врачебного долга – это, безусловно, наша общая важнейшая задача» [3].

Указанное свидетельствует о том, что существующая отечественная медицина не в полном объеме выполняет возложенные на нее функции, что не может не вызывать определенное недовольство со стороны населения.

Что касается авторитета медицинского работника в современном российском обществе, то полагаем целесообразным в качестве иллюстрации данного вопроса привести мнение заместителя главврача Тульской областной станции переливания крови Н. Поликанова, высказавшего следующее: «Авторитет медработников упал, все относятся к ним как к обслуживающему персоналу. А я помню те времена, когда врач считался уважаемым человеком. Чтобы кто-то мог себе позволить ругать врача или поднять на него руку – да что вы?» [15].

Особое значение для общества приобрела профессия медицинского работника в период продолжительной борьбы с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19). По существу, пандемия явилась индикатором накопленных проблем в сфере медицины. Так, президент Национальной медицинской палаты Леонид Рошаль в интервью, данном Российской газете, отметил: «Объем работы врачей, работающих на вызовах, в поликлиниках, в стационарах, возрос вдвое. Тех самых врачей, которые в последние годы были поруганы в сетях и низведены ниже плинтуса, в том числе и нашими следственными органами и судебной системой. В стране действительно, к сожалению, перестали ценить медицинских работников, а сейчас оказалось, что важнее никого нет... Необходимо в самое ближайшее время пересмотреть финансирование здравоохранения, пересмотреть расчеты коечного фонда, кадрового состава и многого другого» [1].

Изложенное позволяет утверждать, что существующее в обществе недовольство состоянием системы здравоохранения и утраченное доверие к профессии врача как таковой являются теми предпосылками, которые лежат в первооснове фактов антиобщественного поведения, направленных на воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

Социальными основаниями *второго уровня*, приведшими к появлению специальной нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, являются, с одной стороны, нуждающиеся в безусловной охране общественные отношения в сфере сохранения жизни и здоровья человека, с другой – особенности антиобщественного поведения, направленного на лишение медицинского работника возможности надлежащим образом осуществлять свою законную профессиональную деятельность.

Социальные основания *следующего уровня* находят свое выражение в потребности наиболее усиленной уголовно-правовой охраны рассматриваемых отношений в связи с наличием таких особенностей объективной стороны преступного деяния, которые существенно повышают общественную опасность последнего.

Общественная опасность воспрепятствования оказанию медицинской помощи является повышенной постольку, поскольку подобные деяния изначально значительно увеличивают возможность наступления преступного результата в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента (ч. 1 ст. 124.1 УК РФ) или его смерти (ч. 2 ст. 124.1 УК РФ) по неосторожности. Пациентами нередко выступают лица, уже находящиеся в характерных тяжелых состояниях, требующих срочного медицинского участия, при этом любое промедление в оказании медицинской помощи может повлечь за собой необратимые неблагоприятные последствия для их жизни или здоровья. Напротив, своевременное оказание медицинской помощи способно такие последствия нейтрализовать. Само по себе отсутствие по вине воспрепятствующего лица надлежащей своевременной медицинской помощи пациенту в определенных случаях приводит к смерти последнего либо причинению тяжкого вреда его здоровью. В такой ситуации противоправное деяние является наиболее эффективным, усиливающим возможность наступления преступных последствий.

Что касается *условий* дополнения уголовного закона нормой, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, то к ним необходимо отнести распространенность таких деяний. Имеющие место многочисленные факты воспрепятствования деятельности медицинских работников по оказанию медицинской помощи регулярно освещаются в средствах массовой информации, вызывая общественный резонанс. В частности, в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» приведена информация

Министерства здравоохранения Российской Федерации, согласно которой «в 2016 году 1226 раз совершались противоправные действия, связанные с насилием в отношении медицинских работников, в том числе сотрудников скорой медицинской помощи, при исполнении ими служебных обязанностей» [8].

Отметим, что данные о количестве лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ, еще отсутствуют. Вместе с тем такие сведения имеются относительно привлечения к административной ответственности лиц за воспрепятствование оказанию медицинской помощи по ст. 6.36 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Кроме того, имеются данные относительно количества дел об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 12.17 КоАП РФ («Непредоставление преимущества в движении транспортному средству, имеющему нанесенные на наружные поверхности специальные цветографические схемы, надписи и обозначения, с одновременно включенными проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом»). Полагаем, что большая часть данных правонарушений заключалась именно в непредоставлении преимущества в движении транспортному средству скорой медицинской помощи. Вместе с тем любое из таких административных правонарушений при стечении определенных обстоятельств могло переступить преступную черту. Согласно сведениям, содержащимся на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за I полугодие 2020 г. в суды поступили 32 дела об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.36 КоАП РФ, и 346 дел об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 12.17 указанного кодекса.

Подводя итог, отметим, что по своей правовой природе дополнение УК РФ статьей 124.1, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, является дифференциацией ответственности. Соответствующие изменения отечественного уголовного закона обусловлены происходящими общественными процессами. В первую очередь указанное заключается в вызывающем недовольство населения состоянии отечественной медицины, требующей реформирования, а также в пониженных статусе и авторитете самих медицинских работников. Также социальная обусловленность изменений уголовного закона определяется недопустимостью воспрепятствования профессиональной деятельности медиков, как направленной на сохранение жизни и здоровья пациента, а также необходимостью в усилении уголовно-правовой охраны отношений в связи с повышенной общественной опас-

ностью самого деяния, значительно увеличивающего возможность наступления преступного результата в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента (ч. 1 ст. 124.1 УК РФ) или его смерти (ч. 2 ст. 124.1

УК РФ) по неосторожности. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи приобрело достаточную распространенность как вид антиобщественного поведения.

Литература

1. В одном строю: интервью с Л. Рошалем // Российская газета. Спецвып. здравоохранение. 2020. № 8186.
2. Гамидов Р.Т. Социальная обусловленность уголовной наказуемости // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 6. С. 46-50.
3. Заседание президиума Госсовета о задачах субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/state-council/61942> (дата обращения: 30.05.2021).
4. Карта страхов россиян: осень-2020 // ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10652> (дата обращения: 30.05.2021).
5. Кругликов Л.Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. 2014. № 3. С. 305-313.
6. Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль, 1993. С. 110-111.
7. Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 16-18.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: пояснительная записка к проекту федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/86EF0660-3246-465E-9CB7-59BFC17EB105> (дата обращения: 30.05.2021).
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 27.05.2021).
10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 30.05.2021).
12. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 481 с.
13. Плохова В.И. Роль криминологических исследований в совершенствовании уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 3. С. 5-12.
14. Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 6-15.
15. Позднякова А. Авторитет упал. Врач о том, почему медики стали обслуживающим персоналом // Аргументы и факты. URL: https://tula.aif.ru/health/med/avtoritet_upal_pochemu_vrachi_stali_obsuzhivayushchim_personalom (дата обращения: 30.05.2021).
16. Реализация конституционного права человека на медицинскую помощь / И.А. Камаев, А.Л. Хлапов, Н.К. Першина и др. // Общественное здоровье и здравоохранение. 2009. № 3 (23). С. 8-12.
17. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30-32.
18. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 596 с.
19. Соколов А. Деньги не лечат: к чему ведет реформа здравоохранения // Ведомости. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/14/843300-dengi-lechat> (дата обращения: 30.05.2021).
20. Тимофеев И.В. Качество медицинской помощи – новая юридическая гарантия осуществления конституционного права каждого на медицинскую помощь в субъектах Российской Федерации // Медицинское право. 2014. № 6. С. 16-21.
21. Филимонов В.Д. Криминологические основания норм уголовного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 2. С. 87-94.
22. Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 136-141.

УДК 343.9.01

О.В. Ермакова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЦЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ «МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ» ДЛЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ, ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается понятие механизма преступного деяния применительно к потребностям науки уголовного права. Принимая во внимание, что данное понятие ранее не исследовалось в уголовном праве, автором разработана его характеристика, основанная на лексическом значении используемых терминов. В работе продемонстрировано отличие преступного деяния от механизма его совершения. В частности, автором убедительно доказывается вывод о том, что понятие «общественно опасное деяние» отражает характеристику акта поведения человека, в свою очередь, понятие «механизм преступного деяния» отражает динамическое развитие процесса совершения преступления. Кроме того, отдельное внимание уделяется влиянию механизма преступного деяния на правотворчество и правоприменительную деятельность. В содержании механизма автором выделяются три стадии, состоящие из мотивации, планирования и исполнения. Представленное понимание механизма преступного деяния изменяет представление относительно теории оконченного и неоконченного преступления. Продемонстрированы те конструкции составов, которые с точки зрения особенностей механизма их совершения не являются обоснованными.

Ключевые слова: механизм преступного деяния, состав преступления, моделирование состава преступления, преступление.

O.V. Ermakova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermakova_alt@mail.ru

VALUE OF THE CONCEPT OF «MECHANISM OF A CRIMINAL ACT» FOR CRIMINAL LAW SCIENCE, LAWMAKING AND LAW ENFORCEMENT

The article considers the concept of the mechanism of a criminal act in relation to the needs of the science of criminal law. Taking into account that this concept has not been previously studied in criminal law, the author has developed its characteristic based on the lexical meaning of the terms used. The paper demonstrates the difference between a criminal act and the mechanism of its commission. In particular, the author convincingly proves the conclusion that the concept of «socially dangerous act» reflects the characteristics of the act of human behavior, in turn, the concept of «the mechanism of a criminal act» reflects the dynamic development of the process of committing a crime. In addition, special attention is paid to the influence of the mechanism of a criminal act on law-making and law enforcement activities. In the content of the mechanism, the author identifies three stages, consisting of motivation, planning and execution. The presented understanding of the mechanism of a criminal act changes the idea of the theory of a completed and unfinished crime. The structures of the compositions that are not justified from the point of view of the features of the mechanism of their commission are demonstrated.

Key words: mechanism of a criminal act, composition of a crime, modeling of the composition of a crime, crime.

Понятие «механизм преступного деяния» (иногда употребляется понятие «индивидуальное преступное поведение») получило широкое распространение и разработку в криминологической науке [4, с. 191] в рамках учения о причинах и условиях преступности.

В уголовном же праве ценность представленных разработок нивелируется, что является существенным пробелом. Учитывая, что любое преступление представляет собой определенный процесс, в рамках учения о нем целесообразно разобрать механизм совершения деяния. Соответственно, ценность знания о механизме необходимо устанавливать именно применительно к такому институту уголовного права, как преступление.

Лексическое значение термина «механизм» означает внутреннее строение чего-либо [3]. Сопоставляя предложенное понимание и особенности совершения преступления, получаем, что механизм преступного деяния есть внутренняя структура процесса осуществления общественно опасного деяния.

Механизм преступного деяния не тождественен понятию «деяние», поскольку последний термин характеризует поступок человека, имеющий место в объективной действительности.

С этой позиции данное понятие представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих существенные особенности поведения человека. Иначе говоря, подобные знания дают представление о поступке в статике.

В свою очередь, термин «механизм» отражает динамическое развитие процесса совершения деяния, разворачивающееся во времени и пространстве [1, с. 76-79].

Каждое деяние независимо от формы вины, с которой оно совершается, имеет собственный механизм. Однако у определенной группы преступлений механизмы могут быть схожими, что позволяет выявить механизм группы деяний.

Итак, можно сделать вывод о том, что в зависимости от уровня обобщения следует выделять механизм отдельно взятого деяния, группы деяний и обобщенное представление о механизме (т.е. существующее независимо от вида деяний).

Каждая из представленных разновидностей выполняет в рамках уголовно-правовой науки собственную функцию. Так, общее понятие механизма преступного деяния развивает положения о преступлении вообще, а также о стадиях его совершения.

Механизм отдельного деяния, воплощенного субъектом в объективной действительности, показывает особенности осуществления конкретного акта. Совокупность знаний относительно совершения деяний определенной группы позволяет выявить типичные особенности, которые должны учитываться

при создании конструкции конкретного состава преступления.

Исходя из изложенного, механизм конкретного деяния является минимальным уровнем обобщения; механизм определенного вида деяний (видовой механизм) характеризуется более высоким уровнем обобщения; и, наконец, общий механизм – наивысшая степень обобщения.

Полагаем, обоснование значимости механизма преступного деяния должно основываться на его разновидности.

Теория общего механизма имеет несомненное теоретическое значение, заключающееся в том, что на более глубинном уровне раскрывается характеристика преступления. Кроме того, именно теоретические знания наивысшего уровня обобщения позволяют сформировать видовой механизм.

Видовая разновидность механизма составляет основу законотворческой деятельности, поскольку влияет на криминализацию деяния, в т.ч. и на создание модели состава преступления.

В частности, ключевую роль видовой механизм выполняет при избрании конструкции состава преступления. Это объясняется тем, что законодатель вправе определять момент окончания преступления на различных этапах совершения деяния. Иначе говоря, несмотря на то, что большинство преступлений в реальной жизни заканчиваются наступлением общественно опасных последствий, законодатель может искусственно установить такой момент на любом другом этапе (так называемый юридический момент окончания).

К примеру, множество вымогательств в объективной действительности сопровождается передачей имущества виновному, поскольку, опасаясь угроз, потерпевшие выполняют требования. Однако наступление преступных последствий не входит в конструкцию состава преступления (ст. 163 УК РФ), и деяние считается оконченным с момента предъявления требования.

Считаем, что именно механизм преступного деяния должен иметь главенствующее значение при выборе момента окончания преступления. При этом для решения данного вопроса необходимо изучить, какие этапы наиболее часто проявляются в отдельно взятой группе деяний, т.е. являются ли эти этапы типичными.

В науке уголовного права вопрос о том, из каких этапов состоит механизм совершения преступления, относится к числу неразработанных.

Полагаем, что большинство преступных деяний в динамике складывается из таких этапов, как мотивация, планирование и исполнение.

Однако изложенное не означает обязательного присутствия всех названных этапов, а отдельные из

них вообще могут быть не совместимы с особенностями конкретной группы деяний. Так, в неосторожных преступлениях отсутствует планирование, что объясняется непредвидением виновным преступных последствий и нежеланием их наступления.

Что касается мотивации, то традиционно в уголовно-правовой науке данный этап не выделяется в неосторожных преступлениях.

Считаем представленную позицию не соответствующей общей теории деятельности, разработанной в психологии, поскольку ее представителями убедительно доказывается, что любая человеческая активность обусловлена определенными потребностями. Поэтому даже в неосторожных преступлениях лицо выполняет определенные действия (либо бездействует), руководствуясь теми или иными побуждениями. В качестве примера, доказывающего представленные теоретические положения, можно привести действия по нарушению правил дорожного движения, повлекшие тяжкий вред здоровью, совершенные по легкомыслию в связи со стремлением успеть приехать в назначенное место в конкретный период времени.

Учитывая, что каждый этап обладает определенной степенью общественной опасности, необходимо выделить тот период развития преступления, который характеризуется наивысшей концентрацией опасности.

Так, при бандитизме у лиц возникает мотивация, затем осуществляется планирование преступной деятельности, в рамках которого они объединяются в группу, приобретают оружие, составляют планы, распределяют роли, определяют руководителя из числа своего состава. И только после этой подготовительной деятельности группа уже приступает к непосредственному совершению самих преступлений по нападению на граждан или организации. Анализ каждого из представленных этапов применительно к такому критерию, как общественная опасность, показывает, что уже на этапе планирования уровень опасности очень высок, что позволяет признать данный этап оконченным преступлением даже при несовершении еще группой каких-либо преступлений.

Иная концентрация общественной опасности имеет место в убийстве. В частности, планирование этого деяния само по себе еще не влечет вреда и не создает реальную угрозу его причинения. Изменения в объекте в виде общественных отношений, охраняющих жизнь, будут происходить только при наступлении смерти. Следовательно, наивысшая опасность в убийстве проявляется только на этапе причинения последствий.

В уголовном законе встречаются такие конструкции, в которых установленный момент окончания преступления не соответствует механизму соверше-

ния деяния с позиции таких критериев, как типичность и общественная опасность того или иного этапа осуществления деяния. В качестве примера можно привести состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), момент окончания которого определен на этапе наступления самоубийства или покушения на него (т.е. состав по конструкции материальный). Хотя в научной литературе высказываются и иные позиции относительно конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ [5, с. 14].

Изучение конкретных и видовых механизмов доведения до самоубийства показывает, что наступление последствий не характерно для этого деяния. Виновные в большинстве случаев оказывают влияние на психику путем физического воздействия или угроз, но результативность подобных действий имеет место в единичных случаях. А принимая во внимание, что само воздействие, направленное на возбуждение у лица желания закончить жизнь самоубийством, уже создает реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняющим жизнь, этап совершения деяния сам по себе характеризуется повышенной общественной опасностью. Именно поэтому целесообразно использовать конструкции формального либо даже усеченного состава преступления, не связывающие момент окончания с наступлением последствий [2, с. 81-86].

В этой части еще одним аргументом в пользу предложенной конструкции выступает то обстоятельство, что введенный Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ состав склонения или содействия совершению самоубийства, по своим признакам схожий с доведением, сконструирован по типу формального состава.

Также примером неудачного выбора конструкции состава оконченного преступления является разбой (ст. 162 УК РФ). Механизм совершения данного деяния схож с насильственным грабежом, т.е. чаще всего это преступление заключается в хищении с применением опасного насилия, с причинением имущественного ущерба. Типичность наступления результата, а также проявление на данном этапе наивысшей степени общественной опасности свидетельствуют о том, что целесообразно использовать конструкцию материального состава аналогично иным формам хищения. Однако законодатель сконструировал разбой как усеченный состав.

Нельзя не отметить важность механизма конкретного деяния для квалификации деяния, а именно для признания преступления оконченным. В частности, сопоставление юридического момента окончания преступления, установленного в законе, с механизмом совершенного виновным лицом деяния позволяет точно определить стадию преступления, которая имеет место.

Кроме того, своевременный анализ особенностей человеческой деятельности будет способствовать устранению пробелов в законодательстве путем криминализации деяний, еще не являющихся преступлениями.

Таким образом, следует констатировать влияние знаний о механизме преступного деяния на развитие института преступления, на создание концепции моделирования состава преступления и на правильную квалификацию деяний.

Литература

1. Ермакова О.В. Понятие механизма преступного деяния и его значение для уголовно-правовой науки // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 76-79.
2. Ермакова О.В. Конструкции составов и момент окончания преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 81-86.
3. Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. 1488 с.
4. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск: Горница, 1997. 255 с.
5. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

УДК 343.614

М.А. Малетина

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: mamaletina85@mail.ru

СКЛОНЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В рамках статьи осуществлен анализ субъективных признаков склонения к самоубийству, повлекшего самоубийство двух или более лиц. В результате анализа норм уголовного закона и доктринальных положений относительно правил квалификации по признакам субъективной стороны преступления сделан вывод о том, что данное преступное посягательство может быть совершено исключительно с прямым умыслом. Сформулированы предложения о квалификации содеянного в случаях, когда в результате склонения к самоубийству одного лица (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ), в т.ч. при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «а», «б», «г», «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, наступили последствия в виде самоубийства двух или более лиц. Делается вывод о том, что необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые позволили бы минимизировать ошибки при квалификации суицидальных преступлений.

Ключевые слова: преступная причастность к самоубийству, склонение к самоубийству, институт соучастия, субъективные признаки.

M.A. Maletina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: mamaletina85@mail.ru

PREVENTION TO SUICIDE OF TWO OR MORE PERSONS: QUALIFICATION PROBLEMS

The article analyzes the subjective signs of suicidal tendencies resulting in the suicide of two or more persons. As a result of the analysis of the norms of the criminal law and doctrinal provisions regarding the rules of qualification on the basis of the subjective side of the crime, it was concluded that this criminal offense can be committed exclusively with direct intent. Proposals have been formulated on the qualification of the offense in cases where, as a result of the inclination to suicide of one person (part 1 of article 110¹ of the Criminal Code of the Russian Federation), including in the presence of qualifying signs provided for in items «a», «b», «g», «d» of part 3 of article 110¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, there were consequences in the form of suicide of two or more persons. It is concluded that clarifications are needed from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which would make it possible to minimize errors in the qualification of suicidal crimes.

Key words: criminal involvement in suicide, inclination to suicide, institution of complicity, subjective signs.

Особенностью российского уголовного законодательства последних лет является то, что оно идет по пути выделения в Особенной части УК РФ специальных оснований ответственности организаторских, подстрекательских и пособнических действий, в результате чего виновные несут ответственность как исполнители особых видов преступных посягательств, которые в уголовно-правовой доктрине получили название «соучастие особого рода».

Ярким примером является статья 110¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, введенная в УК РФ Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».

Следует признать, что формирование специального состава преступления относительно ответственности лиц, стимулирующих суицидальное поведение, является вполне обоснованным, поскольку причастность к совершению самоубийства представляет собой особый вид соучастия, не получивший должной регламентации в Общей части УК РФ. В связи с тем, что в ст. 33 УК РФ регламентировано соучастие в преступлении, а самоубийство к таковым действующим законодательством не относится, действия подстрекателя и пособника совершения самоубийства обладают определенной спецификой, что формирует необходимость их законодательного закрепления в самостоятельных нормах Особенной части УК РФ.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что с момента включения статьи 110¹ в УК РФ основной темой дискуссий являлись вопросы, связанные с социальной обусловленностью ответственности за склонение к самоубийству или содействие совершению самоубийства, объективной стороной указанных преступлений, проблемами толкования понятий «заведомость» и «беспомощность» применительно к характеристике потерпевшего, а также проблемами отграничения рассматриваемых составов друг от друга и от убийства [1, 2, 3, 4, 5, 10].

Не оспаривая значимость проведенных исследований, считаем необходимым более подробно осветить проблемы квалификации, связанные с определением возможных форм вины при совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 110¹ УК РФ, поскольку невозможность однозначного их толкования может вызвать сложности применения рассматриваемой нормы на практике.

При установлении субъективного отношения виновного к совершаемому им деянию, последствием

которого явилось самоубийство двух или более потерпевших, представляется целесообразным обратиться к положениям теории уголовного права о вине такого соучастника преступления, как подстрекатель, поскольку законодательное описание склонения к самоубийству весьма схоже с содержанием норм Общей части УК РФ об указанном соучастнике преступления.

По мнению ряда ученых, подстрекательство к преступлению возможно только с прямым умыслом [7, с. 221; 9, с. 344]. П.Ф. Тельнов, например, отмечает: «Подстрекательство, по общему правилу, совершается с прямым умыслом, поскольку виновный, вовлекая лицо в совершение преступления, добивается осуществления зародившегося у него намерения и, следовательно, желает наступления преступного последствия» [8, с. 93].

Следуя логике, при склонении к совершению самоубийства, повлекшем последствия в виде самоубийства двух или более лиц (ч. 6 ст. 110¹ УК РФ), всегда должен иметь место только прямой умысел. То есть виновный должен желать, чтобы в результате его преступных действий два или более человека лишили себя жизни.

В подтверждение обозначенной нами позиции следует привести несколько аргументов.

Во-первых, сложно представить ситуацию, когда лицо, склоняя двух потерпевших к самоубийству, предвидит наступление общественно опасных последствий в виде их самоубийства, не желает их смерти, но сознательно допускает данную возможность либо относится к этому безразлично. Создавая своими преступными действиями стрессовую ситуацию, при которой у потерпевших возникает желание совершить самоубийство, виновный не может не желать наступления таких последствий.

Во-вторых, относительно возможности совершения склонения к самоубийству двух или более лиц по неосторожности в виде легкомыслия следует отметить, что волевой элемент указанной формы вины заключается не только в отсутствии желания наступления общественно опасных последствий, сознательного их допущения, а, напротив, в стремлении не допустить наступления этих последствий, отрицательном к ним отношении. На этом основании затруднительно представить случай, когда лицо, осуществляя ряд последовательных действий, направленных на склонение к самоубийству двух или более лиц, предвидит возможность наступления последствий в виде их самоубийства и одновременно стремится их избежать.

В-третьих, склонение к самоубийству двух или более лиц вряд ли можно совершить по небрежности, поскольку выполняя объективную сторону преступления, виновный стремится именно к приведению

потерпевших в состоянии, в котором у них появилось желание и решимость совершить самоубийство. Поэтому в данном случае представляется нецелесообразным вести речь о непредвидении виновным возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти двух или более лиц.

При этом необходимо подчеркнуть, что указанная позиция является очевидной лишь в случаях, когда последствия в виде смерти двух или более лиц наступают в результате преступных действий виновного, совершенных именно в отношении двух или более лиц (п. «в» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ) как с единым умыслом, так и при его отсутствии. Об этом свидетельствует правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве», изложенная в п. 5: «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден» [6].

Вместе с тем буквальное толкование диспозиции ч. 6 ст. 110¹ УК РФ дает основание полагать, что склонение к совершению самоубийства, повлекшее указанные в норме последствия, необязательно должно быть совершено в отношении двух или более лиц. Оно может быть также совершено лишь в отношении: одного лица (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ), несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ), а также женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «б» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ), и повлечь последствия в виде самоубийства не только указанных лиц, но и других (одного или более).

В качестве примера можно обозначить ситуацию, когда виновный в ходе переписки в общедоступной социальной сети «ВКонтакте» последовательно склоняет несовершеннолетнюю к совершению самоубийства – сначала вовлекает ее в беседу с целью разжигания интереса к вопросам самоубийства, затем на протяжении длительного времени ведет с ней переписку в ночные и ранние часы, что является дополнительной психотравмирующей нагрузкой, уговаривая ее играть в игру «Синий кит», основная идея которой заключается в прохождении 50 уровней, включающих в себя членовредительство, совершение действий, представляющих реальную опасность для жизни и здоровья. Вышеуказанные преступные действия виновного усугубляют психическое состояние несовершеннолетней, которая находится в глубокой депрессии из-за расставания со своим молодым человеком, и она совершает самоубийство. Мать несовершеннолетней, для которой смысл жизни заключается

в своем ребенке, не справившись с полученной психологической травмой, тоже совершает самоубийство.

В данном примере умысел виновного прямо направлен на склонение к самоубийству несовершеннолетней – он осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в виде ее самоубийства и желает их наступления. Каково же психическое отношение виновного к самоубийству матери несовершеннолетней?

В научной среде существует позиция, согласно которой лицо может быть признано виновным в склонении к самоубийству, повлекшем самоубийство двух или более лиц, совершившим указанное деяние не только с прямым умыслом. Так, по утверждению Н.А. Егоровой, по отношению к самоубийству одного потерпевшего у виновного может иметь место прямой умысел, а по отношению к самоубийству другого (других) – косвенный умысел и неосторожность в виде легкомыслия или небрежности [2, с. 16].

Данная точка зрения представляется нам крайне спорной, в целях ее опровержения необходимо обратиться к правилам квалификации по признакам субъективной стороны, выработанным в доктрине уголовного права.

Итак, в ст. 27 УК РФ закреплено, что «если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно». Приведенное положение, бесспорно, является верным, поскольку в данном случае имеет место вина в форме умысла к самому деянию, влекущему наступление более тяжких последствий, отношение к которым выражено в форме неосторожности.

Анализ законодательного положения позволяет выделить основные признаки сложной (двойной) формы вины:

1. Она имеет место лишь в случае совершения умышленного преступления.
2. Преступные последствия предусматриваются в качестве квалифицирующих признаков преступления.
3. Условием ответственности за причинение при совершении умышленного преступления более тяжких последствий является то, что их наступление не

охватывается умыслом виновного, но имеет место неосторожное к ним отношение.

4. Имеется сочетание умысла и неосторожности по отношению к совершаемому деянию и наступившим последствиям.

Кроме того, в преступлениях с формальным составом, как известно, последствия не являются обязательными признаками состава. Однако особый характер психического отношения возможен к последствию, наличие которого образует квалифицированный состав, причем **неосторожное психическое отношение к данному последствию должно быть прямо указано в диспозиции Особенной части УК РФ** (выделено авт. – М.М.).

Получается, что инкриминировать виновному склонение к самоубийству, предусмотренное ч. 6 ст. 110¹ УК РФ, возможно лишь в случае, когда он склонял к самоубийству два или более лица и в результате его действий они совершили самоубийство.

В случаях, когда виновный склонял к самоубийству одно лицо (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ), в т.ч. при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «а», «б», «г», «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, а в результате его преступных действий последовало самоубийство двух или более лиц, он не понесет ответственности по ч. 6 ст. 110¹ УК РФ, поскольку психическое отношение к последствию в виде самоубийства двух или более лиц прямо не указано в диспозиции данной нормы.

На основании изложенного представляется, что существующая редакция диспозиции ч. 6 ст. 110¹ УК РФ не способствует эффективному применению рассматриваемой нормы на практике и может создать дополнительные проблемы для правоприменителя. В целях решения обозначенных и других проблем необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые позволили бы минимизировать ошибки при квалификации суицидальных преступлений.

Литература

1. Бавсун М.В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Криминалист. 2019. № 1 (26). С. 11-15.
2. Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11-17.
3. Ким В.М. Социальное обоснование криминализации способствования суициду и современная система преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 и 110.2 УК РФ // Юридический факт. 2019. № 76. С. 47-50.
4. Кобзева Е.В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 66-72.
5. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75-83.
6. О судебной практике по делам об убийстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Рарог А.И. Квалификация преступления по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 279 с.
8. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. 208 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 576 с.
10. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78-84.

УДК 316.624

А.В. Поливанов

аспирант Тюменского государственного университета

E-mail: advokat.polivanov@mail.ru

ПРАНК КАК НОВАЯ ФОРМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье представляется на обозрение новая форма девиантного поведения под названием «пранк», которая не так давно пришла в наше общество. Данная тема ранее не исследовалась, в связи с чем отсутствуют ссылки на научные труды. При изучении материала используется эмпирический метод исследования – анализ документов, являющийся одним из основных методов получения девиантологической информации на основе изучения материалов уголовных и административных дел. Проведенное исследование является резонансным и безотлагательным, промедление его научного исследования и неприменение своевременных мер могут пагубно отразиться на социальных и правовых нормах нашего общества. Автор предлагает признать пранк новой формой девиантного поведения, а также включить его в предмет криминологического исследования, который позволит выработать методы государственного контроля за поведением пранкера.

Ключевые слова: пранк, пранкер, практика пранка, девиантное поведение, девиантология, признаки девиантного поведения.

A. V. Polivanov

postgraduate student of Tyumen State University

E-mail: advokat.polivanov@mail.ru

PRUNK AS A NEW FORM OF DEVIANT BEHAVIOR

The article presents for review a new form of deviant behavior called «prank», which has recently come to our society. This topic has not been previously studied, which is why there are no links to scientific works. When studying the material, an empirical research method is used – document analysis, which is one of the main methods of obtaining deviantological information based on the study of materials from criminal and administrative cases. The conducted research is resonant and urgent, the delay in its scientific research and the failure to take timely measures can adversely affect the social and legal norms of our society. The author proposes to recognize prank as a form of deviant behavior, and also to include it in the subject of criminological research, which will allow developing methods of state control over the behavior of prank.

Key words: prank, pranker, prank practice, deviant behavior, deviantology, signs of deviant behavior.

Пранк как девиантное поведение рассматривается применительно к российскому обществу и только в рамках нашей правовой системы. Каждое социальное поведение является формально определенным и оценивается исходя из устоев культуры, традиций и нравственных начал, поэтому пранк как поведение в другом государстве, при иной правовой системе может рассматриваться совсем в ином социальном облике и обладать иной социальной оценкой со стороны общества и государства.

С начала XXI в. общество характеризуется социальными прогрессами, в т.ч. активным использованием в повседневной жизни всемирной информационной компьютерной сети Интернет для получения и распространения информации, что позволило обществу по всему миру объединяться в медийном пространстве, в рамках определенных интересов и, как следствие, явилось причиной и благоприятным условием порождения пранка как социального поведения.

В сети Интернет существует множество видеохостингов, таких как: YouTube, Rutube, Instagram, Facebook, «ВКонтакте» и т.д., благодаря которым люди самовыражаются и самопрезентуются в информационном пространстве сети Интернет. С момента появления видеохостингов в сети Интернет в мире появилась новая профессия – видеоблогер.

На видеохостингах имеется множество различных социальных контентов, и для получения славы и популярности, а также финансового заработка видеоблогеры выбирают тематику (контент), которая под видом шутки, розыгрыша содержит в себе неуважительные, а зачастую аморальные и в какой-то степени общественно опасные и противоправные действия, которые они демонстрируют в обществе при создании видеоролика. Такой контент в Интернете называется пранком.

Пранк (prank) – с английского языка означает «шалость», «шутка», «выходка», «проказа». Лица, практикующие пранк, в обществе именуется пранкерами. Руководствуясь социальной действительностью, принято считать, что пранк – это телефонное хулиганство, телефонный розыгрыш, и что пранкеры совершают только телефонные звонки своим жертвам, путем провокаций и подшучиваний вынуждая жертву к яркой ответной реакции, но на самом деле это далеко не так. Пранк как поведение многообразно и посредством интернета и видеохостингов давно себя преобразовало.

Обоснованием научной проблемы являются примеры правоприменительной практики.

Так, в Москве 2 февраля 2020 г. произошел случай – в вагоне электропоезда молодой человек упал, имитируя внезапный приступ. При этом его сообщники выкрикивали фразы о наличии у него опасной вирусной инфекции коронавируса, провоцируя

панику среди пассажиров, которые незамедлительно покинули вагон электропоезда. Данный розыгрыш был заснят на видеокамеру и опубликован на видеохостинге YouTube. Возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктом «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Постановлением судьи Черемушкинского районного суда г. Москвы Журавлевой Н.В. в отношении пранкера, он же гражданин Джаборов К.С., была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу¹.

Как видно, данным поведением пранкер Джаборов К.С. хотел привлечь к себе внимание через проблему коронавируса, которая в обществе является крайне насущной, исходя из постановления суда действия Джаборова К.С. были умышленными, направленными именно на побуждение у общества состояния страха, паники. Джаборов К.С. своими действиями продемонстрировал именно то самое нехарактерное для общества отклоняющееся поведение. Реакция общества на действия Джаборова К.С. и есть цель пранка (испуганные люди в панике убежали из поезда). В судебном заседании пранкер попросил прощения у пассажиров метро, которые ехали в поезде в тот момент, сказав, что это была глупая шутка. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что Джаборов К.С. хотел и желал наступления отрицательной реакции со стороны общества на продемонстрированное девиантное поведение. Реакция людей в виде испуга, растерянности является примером результата отрицательного поведения пранкера.

Отдельное научно-правовое внимание заслуживают события, произошедшие в Челябинске. Так, постановлениями по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, Центральным районным судом были оштрафованы двое мужчин – Садов О.С.² и Бирюков А.В.³ – за постановочное видео, инициировавшее перемещение якобы зараженного коронавирусом человека. При этом указанные лица одели белые костюмы химической защиты, медицинские маски, организовали стрельбу в убегающего мужчину из пистолета-хлопушки, добиваясь ответной реакции граждан – испуга. Видеозапись авторы выложили в интернете, которая в ходе мониторинга заинтересовала правоохранительные органы.

¹ Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы. Постановление от 10.02.2020 об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Джаборова Каромата.

² Архив Центрального районного суда г. Челябинска. Д. № 5-50/2020 (дела об административных правонарушениях).

³ Архив Центрального районного суда г. Челябинска. Д. № 5-51/2020 (дела об административных правонарушениях).

Исходя из постановлений дел об административных правонарушениях видно, что цель виновных заключалась в побуждении реакции граждан в виде испуга, что является неотделимым признаком пранка как девиантного поведения. На данном примере необходимо дать отдельную оценку тому, что для реализации пранка лица, его практикующие, готовы провести широкий комплекс подготовительных действий, которые заключаются в выборе тематики пранка, который будет существенно порождать в людях тревожность за свою жизнь и здоровье. В настоящее время это тема коронавируса. Немаловажно обратить внимание на организационную составляющую, где между участниками пранка точно распределены роли. Данный пример судебной практики разрушает социальный стереотип о том, что пранк совершается только одним лицом. Распределение ролей в практике пранка показывает, что лицо действует не в одиночку, а сообща, объединяя свои усилия для практики пранка, что облегчает в целом его осуществление, в связи с чем поведение пранка образует признак соучастия. Соучастие в пранке обладает схожими признаками с соучастием, предусмотренным ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации:

1. Действия двух и более лиц. Заключается в том, что пранк совершается двумя и более лицами. Соучастником пранкера может быть только физическое лицо, являющееся вменяемым. Если один из двоих участников практики пранка был в состоянии невменяемости, а именно не осознавал фактический характер своих действий, то отсутствует количественный признак соучастия – практика пранка не менее двух лиц.

2. Совместность действий. Совместность означает, что действия каждого из соучастников создают необходимые условия для выполнения своей роли другим соучастником с целью реализации пранка. Совместность действий при соучастии очень важна. В случае если один из соучастников пранка, выполняющий определенную роль, откажется от выполнения возложенных на него функций, то реализации пранка в соучастии может не быть. Действия соучастников должны быть взаимообусловленными и взаимосвязанными, что является одним из главных организационных элементов. Единство места и времени при осуществлении какого-либо деяния без взаимосвязанности в поведении лиц не образует соучастия, в данном случае каждое лицо действует независимо и самостоятельно в рамках своего сугубо личного желаемого результата.

3. Целенаправленный характер соучастия. Является единым желанием каждого из соучастников на осуществление пранка. Целенаправленный характер соучастника осуществления пранка отличается от лица, действовавшего в одиночку. Психологическая

составляющая целенаправленности соучастника, помимо желания осуществления пранка, заключается также в осознании совместности действий других лиц, которая устанавливает неотвратимое желание осуществления пранка.

Немаловажным в пранке является использование орудия, оборудования и средства – это все то, при помощи чего совершается пранк.

Орудие – предметы материального мира, приспособления, которые имитируются лицом, практикующим пранк. Примером могут являться ножи, топоры, охолощенное оружие, гранаты, бензопилы и т.д.

Оборудование – приборы, машины, видеорекамеры и иные механизмы, которые являются вспомогательным элементом в практике пранка.

Средства – предметы, при помощи которых совершается пранк.

Использование оборудования и средств в практике пранка демонстрирует следующий пример судебной практики: за участие в пранке в городе Тюмени постановлением по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, Центральным районным судом был арестован на пять суток блогер Асямов Н.А.¹ за участие в инсценировке событий распространения вирусного заболевания, в рамках которых один из участников постановки, притворившись зараженным коронавирусом, убегает от двух молодых людей в «защитных костюмах» и противогазах, а молодые люди, в свою очередь, должны его догнать и оцепить территорию. Асямов Н.А. выступал в качестве оператора, снимал происходящее на видеорекамеру, в дальнейшем смонтировал снятый ролик и выложил его для опубликования на нескольких сайтах в социальных сетях.

Как видно, тематика и сценарий пранка выбираются исходя из актуальности событий, происходящих в обществе, тем самым лицо, практикующее пранк, привлекает к себе внимание со стороны общественности.

Пранк как поведение, указанное в правоприменительной практике, должным образом соответствует девиантному поведению.

Девиантное поведение (от лат. *deviation* – отклонение) – отклоняющееся поведение. Более точное понятие девиантного поведения дает Я.И. Глинский, определяя его как «поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям» [3, с. 23]. Немаловажно обратить внимание на позицию Е. Гуди, который полагает, что девиантное поведение – это «поведение, которое некоторые люди в обществе находят оскорбительным»

¹ Архив Центрального районного суда г. Тюмени. Д. № 5-34/2020 (дела об административных правонарушениях).

(обидным, неприятным) и которое вызывает или может вызывать в случае обнаружения неодобрение, наказание или враждебность по отношению к субъектам такого поведения» [5, с. 17].

Руководствуясь указанной выше судебной практикой, отметим, что лицо, практикующее пранк вне зависимости от правовой квалификации деяния, переступает и нарушает устоявшиеся нормы социальной дозволенности, которая выражается в привлечении к себе внимания со стороны общества путем розыгрыша, шутки с целью вызвать социальную реакцию.

Однако с позиции закона данное поведение направлено против общественного порядка.

Пранк может являться новой формой девиантного поведения, т.к. по своему содержанию наносит урон нормативно одобряемому поведению, характерному для большинства людей и являющемуся социальной нормой.

В вопросе установления социальной нормы важно обратить внимание на позицию В.Н. Кудрявцева: «Объективная социальная норма есть характеристика существующих явлений или процессов (либо актов поведения), поэтому установить ее наличие и содержание можно, лишь проанализировав социальную действительность. В объективной социальной норме воплощается значительное большинство соответствующих явлений (актов поведения). Ею может быть обозначено то, что обычно, естественно, типично, в данной сфере социальной действительности, что характеризует ее основное свойство на данный момент» [7, с. 151].

Кроме того, стоит обратить внимание на позицию С.С. Алексеева: «Закон потому и является ведущим источником права, что призван возводить в ранг всеобщих наиболее устойчивые правила поведения» [1, с. 80].

Я.И. Гишинский считает, что «социальная норма – исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меры, интервал допустимого поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций» [3, с. 29].

Каждый из указанных ученых прав по-своему, однако социальная норма обусловлена в первую очередь основным законом государства – Конституцией Российской Федерации, а также применительно темы нашего исследования Уголовным кодексом Российской Федерации, т.к. именно закон (нормативно-правовой акт) устанавливает социальный ориентир, правила поведения, а также выдвигает особо ценных социальных норм, подлежащих защите под угрозой уголовного наказания.

На сегодняшний день в нашем обществе социальной нормой является уважение чести и достоинства человека, его доброго имени, репутации, охрана свободы, жизни и здоровья, а также добрые и порядочные взаимоотношения между людьми, их благополучие.

Помимо социальной обусловленности, эти же социальные нормы закреплены в Конституции РФ: право на жизнь (ст. 20), достоинство личности, охраняемое государством (ст. 21), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23) и т.д., а также находятся под защитой государства и закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации: ст. 213 «Хулиганство», ст. 214 «Вандализм», ст. 128.1 «Клевета», ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и т.д.

Каждое девиантное поведение должно полностью соответствовать его признакам, которые позволяют квалифицировать поведение лица как девиантное, а также отличить его от другого недевиантного или околодевиантного поведения.

Более точные признаки девиантного поведения определяет Е.В. Змановская следующим образом:

«1. Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам.

2. Девиантное поведение и личность, его проявляющая, вызывают негативную оценку со стороны других людей.

3. Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям.

4. Девиантное поведение можно охарактеризовать как стойко повторяющееся (многократное или длительное).

5. Для того чтобы поведение можно было квалифицировать как отклоняющееся, оно должно согласовываться с общей направленностью личности.

6. Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно рассматривается в пределах медицинской нормы» [6, с. 12-13].

Признаки девиантного поведения, предлагаемые Е.В. Змановской, можно положить в основу нашего научного исследования, которые будут определены следующим образом.

Признаки пранка как формы девиантного поведения:

1. Признак неодобряемого поведения. Поведение пранка, исходя из судебной практики, социально неодобряемо, т.к. оно не соответствует общепринятым социальным нормам, в связи с чем преследуется законом под угрозой наказания.

2. Признак социальной дестабилизации. Пранк наносит ущерб обществу, дестабилизируя

общественную безопасность и общественный порядок. Наносит урон личности, причиняет моральный вред, который выражается в оскорблении, унижении, выставлении лица в ситуации, умаляющей его честь и достоинство, а также наносит вред имуществу путем его повреждения или уничтожения.

3. Признак многократности. Под данным признаком понимается количественный показатель поведения пранка, который находит свое отражение в судебной практике, методах криминологического исследования (опрос, наблюдение, эксперимент), а также в статистике и аналитике МВД России. Многократность показывает, что пранк является не случайным, единоразовым поведением, а устойчивым, проявляющим многообразные формы своего поведения.

4. Признак прямого умысла субъекта пранка. Действия субъекта пранка являются осознанными и направленными на желание наступления последствий в рамках заранее придуманного сюжета и выбранного жанра. Данный признак очень важен, т.к. дает возможность исключить и отличить любое другое поведение лица, которое по своему содержанию будет являться схожим с поведением пранка, но в то же время отличаться целью, мотивом и желанием наступавших последствий.

5. Признак вменяемости субъекта пранка. Не менее важный признак пранка. Субъектом пранка (пранкером) может быть только вменяемое лицо, которое осознает фактический характер своих действий, а также руководит ими. Невменяемый субъект пранка не может осознавать значение своих действий и потому не способен осознавать и руководить ими, в связи с чем пранк как поведение себя не образует.

Девиантология является молодой научной отраслью, однако каждая отрасль имеет свои теории. Применительно к теме исследования пранк как форму девиантного поведения можно отнести к теории стигматизации, как сказал Г. Беккер в книге «Аутсайдер» (1963), «девиант – тот, кому был прикреплен соответствующий ярлык; девиантное поведение – это поведение, которое люди так обозначили» [2, с. 9].

Теория стигматизации представляет собой социальное клеймение на личность соответствующих ярлыков путем соотнесения действий конкретного лица с девиантным поведением. Это репутация, которая вынуждает индивида придерживаться своей девиантной роли. Если лицо практикует пранк, то вне зависимости от его убеждений и морально-нравственного развития он должен соответствовать поведению пранка, что в соответствии с теорией является первичной девиацией. Также предусмотрена вторичная девиация – когда формируется репутация, которая вынуждает индивида придерживаться девиантной роли. Это случай, когда лицо стигматизируется

в поведении пранка не с самого начала его практики, а лишь по истечении определенного периода времени путем «раскачки» после того, как общество даст ему социальную оценку и примет лицо как приверженца пранка.

Как всякое девиантное поведение, пранк может быть объяснен с позиции социального целого – общества, которое образует совокупность общественных отношений, включающую в себя экономические, социально-демографические, культурологические факторы, которые в совокупности определяют отдельную значимость в поведении пранка.

К общему объяснению пранка как девиантного поведения относится действие лица, совершаемое им ради удовлетворения потребностей. К основным побудителям практики пранка относятся социальные, материальные и духовные потребности.

К социальным потребностям относится такая практика пранка, которая позволяет лицу повысить свою самооценку или поддержать определенный общественный статус. В большинстве своем лица к моменту начала практики пранка являлись социально неполноценными, это заключалось прежде всего в отсутствии высшего профессионального образования, являющегося стартовой возможностью, без которого лицо не может реализовать себя в обществе, что приводит к отсутствию места работы с достойным заработком, т.к. в силу отсутствия образования приходится занимать малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие места, что не позволяет удовлетворить свои насущные материальные потребности. В совокупности данные факты приводят к социально-психологической дезадаптации, которая на внутриспсихологическом уровне вынуждает лицо самоутвердиться в обществе. Социальная потребность обусловлена также социальной неустроенностью, когда лицо, практикующее пранк, занимает социальную позицию ниже своих объективных возможностей, которая преодолевается путем вступления на активную нежелательную деятельность для общества. Дополнительным элементом социальной потребности лица, практикующего пранк, является популярность. Популярность позволяет лицу, практикующему пранк, иметь высокий интерес и высокую востребованность к своей персоне со стороны общества, что приводит к финансовому достатку и финансовой стабильности. Без популярности лицо, практикующее пранк, никогда не добьется желаемого результата.

К материальным потребностям лица, практикующего пранк, относятся потребность в еде, одежде, жилище и в иных социальных благах, которые позволят комфортно жить. Классовое социальное неравенство, подразделяющее общество на богатых, средний класс и бедных, породило сравнение качества жизни.

Неодинаковое положение социальных классов в социальной структуре общества породило в обществе неудовлетворенность, зависть. Основным эквивалентом материального достатка лица, практикующего пранк, являются деньги, которые он зарабатывает от просмотра пранка зрителями на видеохостинге. Желание хорошо жить и хорошо зарабатывать является главным мотивом, в рамках которого лицо выбирает поведение пранка.

Духовная потребность выражается в потребности самореализации через творческую активность, а также в желании испытать себя и новые межсоциальные познания. Пранк как поведение в рамках духовной потребности выступает как метод поиска новых эмоций, испытания себя в нестандартных ситуациях, проявление чувства азарта.

Пранк как девиантное поведение, порожаемое противоречием между потребностями массы людей и неравенством возможностей их удовлетворения, может проявиться в негативной форме – в форме преступности.

В заключение исследования необходимо сделать следующие выводы:

1. Наше общество столкнулось с новым социальным поведением под названием пранк, методы которого выходят за рамки нравственной и правовой дозволенности, что подтверждается судебной практикой.

2. Пранк своими признаками может соответствовать девиантному поведению, относится к отрицательной девиации, т.к. причиняет определенный вред, нанося ущерб, а потому негативно воспринимается и оценивается другими людьми, обществом и государством. При этом пранк как поведение по его признакам можно отличить от любого другого недевиантного поведения. Немаловажным значением является и то, что пранк как поведение является отрицательной девиацией, которая дезорганизует социально одобряемые нормы поведения и повышает ее энтропию.

3. Пранк может являться новой формой девиантного поведения еще и потому, что он ранее не был объектом психологического, социального, криминологического и правового исследования, что представляет собой научно-практическую новизну.

4. Своевременное изучение пранка как формы девиантного поведения, а также его исследование позволят выработать методику по недопущению и предотвращению раскола нравственной и социальной стабильности в нашем обществе, вызванного поведением пранка. Позволит установить возможную связь пранка с фоновыми явлениями преступности.

5. Исследование и выработка методики в рамках государственного контроля за поведением пранка должны основываться первым делом на базе криминологических познаний действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Литература

1. Алексеев А.А. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург, 1992.
2. Беккер Г. Аутсайдеры. Нью-Йорк, 1963.
3. Гишинский Я.И. Девиантология социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2007.
4. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного поведения. СПб., 1993.
5. Гуди Е. Девиантное поведение. Второе издание. Нью Джерси: Энглвуд Клиффс, 1984.
6. Змановская Е.В. Девиантология – психология отклоняющегося поведения. 3-е изд. СПб., 2006.
7. Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета. М.: Изд-во «НАУКА», 1982.

УДК 343.9

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОСКОРБЛЕНИЕ ИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В представленной статье дан анализ таких преступлений, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, применение насилия в отношении представителя власти, оскорбление представителя власти. При этом необходимо учитывать, что чаще всего такие насильственные посягательства совершаются в отношении сотрудников органов внутренних дел в процессе осуществления ими своих служебных обязанностей. Поэтому нами были исследованы факты насилия и оскорбления именно в отношении сотрудников органов внутренних дел. В работе раскрывается состояние, удельный вес и динамика данного вида преступлений, а также лиц, их совершивших. Общественная опасность таких посягательств заключается в существенном нарушении деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, подрыве авторитета правоохранительных органов, потере людьми веры в обеспечение сотрудниками органов внутренних дел их личной безопасности. Настоящее исследование позволило сделать вывод о том, что удельный вес рассматриваемых нами преступлений в общей совокупности лиц, их совершающих, продолжает снижаться. Однако возрастают факты применения насилия в отношении представителя власти. Виктимными причинами и условиями, способствующими совершению данных преступлений, являются недостатки в физической и боевой подготовке, недисциплинированность, сам факт принадлежности лица к правоохранительным органам, пренебрежительное отношение к своей личной безопасности, неумение прогнозировать опасность, притупление бдительности у сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, насилие, оскорбление, сотрудник органов внутренних дел, представитель власти.

R.A. Semeniuk, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

VIOLENCE AGAINST EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AND THEIR INSULT: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

This article analyzes such crimes as encroachment on the life of a law enforcement officer, the use of violence against a government official, insulting a government official. It should be borne in mind that most often such violent attacks are committed against employees of internal affairs bodies in the process of carrying out their official duties. Therefore, we investigated the facts of violence and insults specifically against the employees of the internal affairs bodies. The work reveals the state, proportion and dynamics of this type of crime, as well as the persons who committed them. The public danger of such encroachments lies in a significant violation of activities to protect public order and ensure public safety, undermine the authority of law enforcement agencies, and people lose faith in ensuring employees of the internal affairs bodies for their personal safety. The present study allowed us to conclude that the proportion of the crimes we are considering in the total population and the persons committing them continues to decline. However, the facts of the use of violence against a government official are increasing. Victim reasons and conditions conducive to the commission of these crimes are shortcomings in physical and combat training, indiscipline, the very fact of a person's belonging to law enforcement agencies, a disdain for their personal safety, inability to predict danger, dulling the vigilance of police officers.

Key words: encroachment on life, violence, insult, an employee of the internal affairs bodies, a representative of the authorities.

Насильственные посягательства в отношении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), как показывает практика, были и остаются актуальной проблемой. По нашему мнению, в современной России вопросы обеспечения безопасности и защиты сотрудников ОВД от насильственных посягательств и оскорблений следует рассматривать не как их личную проблему, а как основную задачу Министерства внутренних дел Российской Федерации. Общественная опасность таких посягательств заключается в существенном нарушении деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Подобные насильственные действия нарушают нормальную работу не только органов внутренних дел, но и органов государственной власти в целом, подрывают ее авторитет среди российских граждан и иных лиц, проживающих на территории России. Любое насильственное преступное посягательство в отношении сотрудников ОВД приводит к тому, что люди теряют веру в возможность государства обеспечить их личную безопасность.

Оценка общественной опасности насилия в отношении представителя власти явно занижается, поскольку суды чаще всего за рассматриваемые преступления применяют наказания, не связанные с лишением свободы. В результате у лиц, совершающих такие преступления, в силу мягкости приговоров формируется чувство вседозволенности и безнаказанности, они теряют страх перед наказанием. Это говорит о том, что исполненное наказание не привело к исправлению данных личностей и от них можно ожидать повторных аналогичных преступлений.

Как отмечает Т.А. Плаксина, суды не расценивают применение в отношении представителя власти насилия, опасного для жизни и здоровья, как преступление, обладающее высокой общественной опас-

ностью. Степень жестокости уголовной репрессии по ст. 318 УК РФ в целом не является чрезмерной [3, с. 89, 91]. Анализ материалов уголовных дел показал, что при применении насилия, неопасного для жизни или здоровья, судами назначаются уголовные наказания в виде штрафа, принудительных работ либо лишения свободы условно. Тогда как по ч. 2. ст. 318 УК РФ чаще всего судами применяется уже «реальное» лишение свободы.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью разработки уголовно-правовых и криминологических аспектов защиты сотрудников ОВД от насильственных преступных посягательств. Именно сотрудники ОВД по-прежнему стоят на переднем крае противодействия преступности, они выявляют более 90% от всех зарегистрированных преступлений.

Однако вопросы их безопасности недостаточно регламентированы в действующем законодательстве. Так, на практике часто встречаются ситуации, когда угрозы в отношении сотрудников правоохранительных органов не конкретизированы: «Продолжишь расследование в ином мире», «Встретимся позже», «Увидимся ...» и др. Они могут быть связаны со здоровьем детей и иных близких родственников, происходить в завуалированной форме (слежка, пустые сообщения и «молчаливые» звонки по телефону, подбрасывание рисунков, символизирующих смерть и т.п.) [5, с. 50-51].

В настоящей статье мы провели анализ некоторых статистических данных ГИАЦ МВД России о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, и о лицах, их совершающих. Поскольку исследуемые нами составы преступлений посягают на порядок управления, то рассмотрим и их соотношение к данной категории преступлений. Их состояние и динамику мы отобразили в таблицах.

Таблица 1

Состояние, динамика и удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, на территории России (2010, 2016-2020 гг.)

Преступление	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ)	629	165	121	99	76	75
Их динамика по соотношению к 2010 году, в %	-	-73,7	-80,7	-84,2	-87,9	-88
Применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ)	8304	9015	8443	8182	8312	8703
Их динамика по соотношению к 2010 году, в %	-	+8,5	+1,6	-1,4	+0,1	+4,8
Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ)	14 122	13 707	13 932	13 539	13 358	12 600

Преступление	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Их динамика по соотношению к 2010 году, в %	-	-2,9	-1,3	-4,1	-5,4	-10,7
Всего преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ	23 365	22 887	22 496	21 820	21 746	21 378
Динамика данных преступлений по соотношению к 2010 году, в %	-	-2	-3,7	-6,6	-6,9	-8,5
Преступления против порядка управления (глава 32 УК РФ)	144 098	117 429	134 263	138 384	139 511	124 015
Удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, по соотношению к преступлениям против порядка управления, в %	19,6	19,5	16,7	15,7	15,6	17,2

В таблице 1 мы показали состояние, динамику и удельный вес зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, за последние пять лет. Кроме того, применяя базовый метод определения динамики преступности, мы сравнили эти показатели с 2010 г., который был взят за сравнительный базовый период (т.е. данные о количестве преступлений с 2016 по 2020 гг. мы сравнивали с 2010 г.).

Согласно полученным результатам при сравнении статистических показателей 2010 г. с 2020 г. посяательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа значительно снизились (на 88%). Факты оскорблений представителя власти также имеют тенденцию к снижению (за одиннадцать лет они снизились на 10,7%). Однако применение насилия в отношении представителя власти имело скачкообразный характер, и в итоге эти преступления возросли на 4,8%. В общей массе преступления, предусмотренные ст. 317, 318, 319 УК РФ, снизились на 8,5%. Их удельный вес по соотношению к общей массе преступлений против порядка управления также снизился с 19,6% в 2010 г. до 17,2% в 2020 г.

Таким образом, динамика преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, начиная с 2010 г. по настоящее время снижалась. Наиболее распространенными среди исследуемых нами преступлений были и остаются оскорбления представителя власти. В среднем за последние пять лет ежегодно регистрируется 13,5 тысяч таких преступлений. При этом следует учитывать, что количество преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ (Применение насилия в отношении представителя власти), возросло, и их динамика имеет тенденцию к росту.

В федеральных округах и регионах наблюдается следующая картина по количеству исследуемых

нами преступлений. По данным 2020 г. наибольшее количество посятельств на жизнь сотрудника правоохранительного органа отмечалось в Северо-Кавказском (35), Центральном (12) федеральных округах и в Московской области вместе с Москвой (9). Наибольшее количество фактов применения насилия в отношении представителя власти – в Приволжском (1720), Центральном (1659) и Сибирском (1112) федеральных округах. Наибольшее количество оскорблений представителя власти – в Приволжском (4037), Центральном (1999) и Южном (1744) федеральных округах.

Наименьшее количество посятельств на жизнь сотрудника правоохранительного органа по результатам 2020 г. отмечалось в Крымском (0), Северо-Западном (3) и Сибирском (4) федеральных округах. Наименьшее количество фактов применения насилия в отношении представителя власти – в Крымском (139), Северо-Кавказском (427) федеральных округах и в Московской области вместе с Москвой (485). Наименьшее количество оскорблений представителя власти – в Московской области вместе с Москвой (278), в Крымском (317) и Северо-Кавказском федеральных округах (393).

Самый высокий уровень преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ (в расчете на 100 тысяч человек), наблюдается в Северо-Кавказском, Сибирском, Приволжском и Южном федеральных округах.

Интересным представляется рассмотреть соотношение количества находящихся в производстве материалов уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, и количества направленных по ним обвинительных заключений, обвинительных актов и постановлений в суд (см. таблицу 2).

Таблица 2

Количество уголовных дел и материалов, находящихся в производстве по преступлениям, предусмотренным ст. 317, 318, 319 УК РФ, на территории России (2016-2020 гг.)

Уголовное дело	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество уголовных дел и материалов, находящихся в производстве по преступлениям, предусмотренным ст. 317 УК РФ	308	284	216	169	153
Из них направлено в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, постановлением	32	35	37	26	40
Их удельный вес, в %	10,4	12,3	17,1	15,4	26,1
Количество уголовных дел и материалов, находящихся в производстве по преступлениям, предусмотренным ст. 318 УК РФ	10 487	9775	9492	9647	10 016
Из них направлено в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, постановлением	8451	7635	7075	7022	7366
Их удельный вес, в %	80,5	78,1	74,5	72,8	73,5
Количество уголовных дел и материалов, находящихся в производстве по преступлениям, предусмотренным ст. 319 УК РФ	14 975	15 353	15 029	14 706	13 996
Из них направлено в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, постановлением	12 704	12 794	12 242	11 421	10 931
Их удельный вес, в %	84,8	83,3	81,4	77,6	78,1

Анализ статистических данных из таблицы 2 позволяет сделать вывод о низком удельном весе направляемых уголовных дел с обвинительным заключением по фактам посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Лишь от 10,4% до 26% (в разные годы) из всех имеющихся в производстве уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 317 УК РФ, направлялись с обвинительным заключением, обвинительным актом, постановлением в суд. Возможно, это объясняется особой тяжестью данных преступлений либо их перекали-

фикацией в менее тяжкие составы. Уголовных дел с обвинительным заключением по фактам применения насилия в отношении представителя власти в суд направлялось 73-80% от общего их числа. По фактам оскорблений представителя власти – 78-85%.

Далее рассмотрим некоторые криминологические особенности лиц, совершающих насильственные посягательства в отношении сотрудников ОВД. В таблице 3 показано количество выявленных лиц, применивших насилие в отношении представителя власти, в т.ч. в состоянии опьянения.

Таблица 3

Состояние, динамика и удельный вес выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 318 УК РФ, на территории России (2016-2020 гг.)

Выявлено лиц, совершивших	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Преступления против порядка управления	59 172	54 378	69 798	67 952	61 862
Из них в состоянии опьянения	18 802	18 744	18 296	17 771	17 479
Удельный вес лиц, совершивших данные преступления в состоянии опьянения, в %	31,7	34,4	26,2	26,1	28,2
Применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ)	8713	7431	7765	7900	8311
Из них в состоянии опьянения	7189	6595	6400	6477	6736
Удельный вес лиц, совершивших данное преступление в состоянии опьянения, в %	82,5	88,7	82,4	82	81

Статистические данные показывают, что каждое третье преступление против порядка управления совершается в состоянии алкогольного, реже наркотического либо иного токсического опьянения. Насилие в отношении представителя власти, в т.ч. в отношении сотрудника ОВД, в состоянии опьянения применяется еще чаще – в 81-88% случаях.

Анализ результатов проведенного нами исследования за период 2016-2020 гг. показал, что среди всех лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ, лица мужского пола составили 83,6%; соответственно женщины – 16,4%.

Наиболее криминогенный возраст данных личностей примерно 30-49 лет (51%). В основном они имеют среднее (полное) общее (37,6%) либо среднее профессиональное образование (37%); более половины из них (53,4%) ранее уже совершали преступления, являются либо безработными, либо низкоквалифицированными рабочими.

В большинстве случаев насилие в отношении сотрудников ОВД (более 80%) применяется в состоянии алкогольного опьянения. При этом многие виновные имеют на иждивении малолетних детей, которых они обязаны воспитывать, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

Чаще всего насилие в отношении сотрудников ОВД применяется с целью воспрепятствования их законной деятельности, направленной на охрану общественного порядка и общественной безопасности, либо с целью избежания составления протокола об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности. Как правило, такое насилие совершается при исполнении представителем власти своих служебных обязанностей; задержании виновного при производстве профилактических мероприятий либо следственных действий; при личном досмотре; попытке скрыться с места происшествия; из хулиганских побуждений [4, с. 58].

При этом насилие в отношении сотрудников ОВД, находящихся при исполнении своих должностных обязанностей, часто сопровождается оскорбительными высказываниями с грубой нецензурной бранью в присутствии гражданских лиц, тем самым унижая их честь и достоинство. Наиболее распространенным мотивом совершения такого насилия является месть за то, что сотрудник полиции законно исполняет свои служебные обязанности. Порой сама по себе принадлежность к правоохранительным органам является причиной применения насилия в отношении сотрудника.

Отдельной проблемой учеными-правоведами отмечается низкий уровень престижа службы в полиции, отсутствие либо подрыв авторитета сотрудников ОВД, отсутствие уважения со стороны насе-

ления, негативное отношение, возникшее на почве культивируемого СМИ отрицательного облика представителя власти, а также потеря квалифицированных кадров [2, с. 49].

Проведенный нами опрос сотрудников ОВД (опрошено 125 человек) выявил ряд проблем, способствующих их уходу или даже «бегству» со службы: бюрократизация служебной деятельности; растущий документооборот; высокие психические и физические перегрузки (недосыпы, переработки, проверки, несуразные указания руководства); недостаток денежного довольствия (указали в основном многолетние сотрудники или выплачивающие алименты на детей); потеря льгот и преимуществ, ранее имевшихся в советской милиции (например, право бесплатного проезда в общественном транспорте, выдача беспроцентных ссуд на приобретение имущества, скидка на оплату коммунальных услуг); служебное удостоверение сотрудника ОВД перестало быть документом, удостоверяющим личность. Исходя из этого, мы приходим к выводу о том, что в советское время не только население, но и органы государственной власти к милиционеру относились лучше, чем они относятся сейчас к российскому полицейскому. От этого в первую очередь и зависит авторитет службы в ОВД.

Говоря о причинах преступного насилия в отношении сотрудников ОВД, необходимо учитывать их виктимность, которая в основном связана с особенностями их профессии. Практика показывает, что наиболее часто неправомерные действия совершаются в отношении сотрудников тех подразделений органов внутренних дел, которые несут службу по охране общественного порядка и общественной безопасности, осуществляют уличное патрулирование, профилактическое воздействие на граждан, составляют протокол об административном правонарушении. Это прежде всего сотрудники патрульно-постовой службы, дорожно-патрульной службы ГИБДД, участковые уполномоченные полиции, оперуполномоченные различных оперативных подразделений, осуществляющие задержание и доставление лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Важное виктимогенное значение имеют недостатки в физической и боевой подготовке, недисциплинированность ряда сотрудников, пренебрежительное отношение к своей личной безопасности, неумение прогнозировать опасность, притупление бдительности, что впоследствии способствует потере личного состава ОВД (особенно в регионах проведения контртеррористических операций и выполнения заданий в особых условиях).

Отмечаются факты, когда сотрудники полиции подвергаются насилию в силу того, что вовремя не произвели личный досмотр задержанных лиц, либо

даже в процессе его производства. Например, полицейскому (водителю) М., проводившему наружный досмотр с целью обнаружения запрещенных в гражданском обороте предметов, правонарушитель Х. умышленно нанес удар рукой в область левой кисти М. [1].

Как правило, позже в судебном заседании подсудимые виновными себя признают в полном объеме, в содеянном раскаиваются, подтверждают факт совершения преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ.

По нашему мнению, в целях предотвращения такого насилия представителям власти при общении и работе с гражданами следует вести себя тактично, внимательно и предупредительно, учитывать факт нахождения их в состоянии опьянения. Грубое отношение может спровоцировать конфликт, оскорбление или даже насилие. В целях личной безопасности при задержании правонарушителей сотрудникам ОВД следует обязательно производить их личный досмотр, по возможности использовать средства видеофиксации.

При проведении воспитательной работы с подчиненными сотрудниками ОВД их руководителям предлагается обращать внимание на недопустимость деяний, провоцирующих граждан на насилие.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. На территории Российской Федерации динамика преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, идет на снижение. Имеют рост только факты применения насилия в отношении представителя власти за исследуемый нами период (2010-2020 гг. на

4,8%). Удельный вес рассматриваемых нами преступлений и лиц, их совершающих, также продолжает снижаться.

2. Усредненный криминологический портрет личности, совершающей насильственные посяательства в отношении сотрудников ОВД, – лицо мужского пола в возрасте 30-49 лет, имеющий постоянное место жительства, со средним общим либо средним профессиональным образованием, официально не трудоустроенный, низкоквалифицированный рабочий, ранее совершавший преступление либо административное правонарушение, склонный к асоциальному образу жизни. В большинстве случаев при применении насилия находится в состоянии алкогольного опьянения.

3. В судебном заседании подсудимые данной категории, как правило, признают свою вину в полном объеме. В содеянном преступлении они раскаиваются, подтверждают факт его совершения.

4. Виктимными причинами и условиями, способствующими совершению преступлений, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ, являются недостатки в физической и боевой подготовке, недисциплинированность, сам факт принадлежности лица к правоохранительным органам, пренебрежительное отношение к своей личной безопасности, неумение прогнозировать опасность, притупление бдительности у сотрудников ОВД.

5. В советское время не только население, но и органы государственной власти к милиционеру относились лучше, чем они относятся сейчас к российскому полицейскому. От этого в первую очередь и зависит авторитет службы в органах внутренних дел.

Литература

1. Архив Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края. Уголовное дело № 1-780/2019.
2. Бычков В.В. Причины применения насилия в отношении сотрудников органов внутренних дел // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.
3. Плаксина Т.А. Применение насилия в отношении представителя власти: законодательная и практическая пенализация // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 85-91.
4. Семенюк Р.А. Криминологический анализ преступлений, связанных с применением насилия в отношении представителя власти // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 57-60.
5. Скобелин С.Ю. Обеспечение безопасности сотрудников правоохранительных органов // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.

УДК 343.9

Е.З. Сидорова, канд. юрид. наук

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: ketrik6@mail.ru

ФЕДЕРАЛЬНАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ)

Автор обращается к исследованию современной уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде, реализуемой на федеральном уровне. Для анализа взяты актуальные правовые акты Президента России. Автор отмечает, что под уголовной политикой в сфере предупреждения преступности в образовательной среде следует понимать целенаправленную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, ориентированную на борьбу с преступностью, проявляющейся в сфере образования, а также иными негативными социальными явлениями криминального и криминогенного характера в данной области общественных отношений (коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и т.д.). Кроме указов Президента России, автор анализирует Послание Президента России Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. В статье также отмечается, что свое видение современной уголовной политики Президент России также представил на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ 26 февраля 2020 г., что обосновывает обращение исследователя к данным документам.

Ключевые слова: уголовная политика, безопасность образования, нормативно-правовые акты, указы Президента России, предупреждение преступности, профилактика криминального поведения.

E.Z. Sidorova, Candidate of Juridical Sciences

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ketrik6@mail.ru

FEDERAL CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF LEGAL ACTS OF THE PRESIDENT OF RUSSIA)

The author turns to the study of modern criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment, implemented at the federal level. Current legal acts of the President of Russia are taken for analysis. The author notes that the criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment should be understood as a purposeful activity of state and local self-government bodies aimed at combating crime manifested in the field of education, as well as other negative social phenomena of a criminal and criminogenic nature in this area of public relations (corruption, extremism, school-shooting, student's inclination to suicidal behavior, etc.). In addition to the decrees of the President of Russia, the author analyzes the message of the President of Russia to the Federal Assembly of January 15, 2020. The article also notes that the Russian President also presented his vision of modern criminal policy at an expanded meeting of the Board of the Ministry of internal Affairs on February 26, 2020, which justifies the researcher's appeal to these documents.

Key words: criminal policy, security of education, regulations, decrees of the President of Russia, crime prevention, prevention of criminal behavior.

Современная политика любого государства представляет собой деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающую общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных групп, определяемую их интересами и целями [11, с. 553].

В целом существование преступности на территории того или иного государства является предпосылкой разработки и реализации действенной, отвечающей современным реалиям уголовной политики. К сожалению, в настоящее время криминальная ситуация в России не радует. Согласно официальным статистическим данным, представленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, в 2010 г. было зарегистрировано 2 628 799 преступлений (из них раскрыто 1 430 977, или 54%), в 2015 г. – 2 388 476 преступлений (из них раскрыто 1 254 706, или 52,5%), а в 2019 г. – 2 024 337 преступлений (из них раскрыто 1 052 441, или 52,0%) [10]. Представленные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на снижение абсолютных показателей зарегистрированной преступности, доля раскрытых преступлений на протяжении многих лет остается небольшой. Практически каждое второе совершенное преступление остается нераскрытым. Кроме этого, как отмечают специалисты-правоведы, в нашей стране, как и во многих государствах в мире, очень высоким является уровень латентных преступлений, т.е. не зарегистрированных, не выявленных правоохранительными органами. В этой связи такая неблагоприятная криминологическая обстановка в нашей стране должна стать аргументированным основанием для разработки новых подходов к совершенствованию существующей уголовной политики в России.

Обосновывая выбор темы настоящего исследования, следует обозначить, что в настоящий период сфера образования находится в зоне криминогенного риска. Обеспечение криминологической безопасности российского образования невозможно представить без разработки и реализации положений уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде [1, с. 280]. В этой связи настоящее исследование направлено на теоретическое обоснование целесообразности и необходимости борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере образования, путем реализации положений российской уголовной политики.

Государственная политика в сфере образования, в т.ч. политика уголовная, направленная на предупреждение преступности в образовательной среде, проявляется в первую очередь в нормативно-правовых актах, действующих на территории данного государства, а также в судебных решениях.

Проблема преступности в сфере образования вынуждает государство реагировать на нее, создавать механизмы противодействия ей.

Под уголовной политикой в сфере предупреждения преступности в образовательной среде следует понимать целенаправленную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, ориентированную на борьбу с преступностью, проявляющейся в сфере образования, а также иными негативными социальными явлениями криминального и криминогенного характера в данной области общественных отношений (коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и т.д.).

Основная цель такой деятельности – снизить количество случаев совершения противоправных действий среди участников образовательных отношений. Для этого государственные (федерального и регионального уровней) и муниципальные органы власти используют различные механизмы и способы правового, организационного, экономического, финансового, медицинского, административного и иного характера, используя имеющиеся ресурсы и возможности.

Говоря об уголовной политике в сфере предупреждения преступности в образовательной среде, можно выделить четыре уровня такой политики:

- 1) уголовная политика, реализуемая на международном уровне посредством международного сотрудничества;
- 2) уголовная политика, реализуемая на федеральном уровне;
- 3) уголовная политика, реализуемая на региональном уровне;
- 4) уголовная политика, реализуемая органами местного самоуправления.

Несмотря на существование нескольких уровней реализации уголовной политики, важно, чтобы их положения и предписания не противостояли друг другу, иначе на практике возникнут неразрешимые противоречия, которые могут негативно сказаться на борьбе с криминальными проявлениями в сфере образования. Важно, чтобы субъекты уголовной политики умели сотрудничать и стремились к единой для всех цели – противодействовать совершаемым правонарушениям.

Следует также отметить, что уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде является составной частью уголовной политики государства в целом. В настоящий период в нашей стране законодателем прямо не выделяется такое направление, как борьба с преступностью именно в сфере образования, в этой связи следует заключить, что такая политика реализуется через ис-

полнение общих правовых предписаний и норм, направленных на превенцию преступности в целом.

Итак, рассмотрим более подробно федеральный уровень реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде (на примере правовых актов Президента России).

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2], закрепивший понятие национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, общее видение и направления обеспечения национальной безопасности, организационные, нормативно-правовые и информационные основы реализации национальной стратегии безопасности и основные показатели состояния защищенности страны. Согласно п. 31 данной Стратегии обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации стратегических национальных приоритетов, одним из которых выступают наука, технологии и образование. Исходя из этого, можно заключить, что государство стремится к защите института образования от пагубного воздействия различных факторов, в т.ч. криминального плана, поскольку наука, технологии и образование, как признает Президент России, являются одним из оплотов национальной безопасности. Криминологическая защита образовательной среды может быть обеспечена именно путем реализации действенной и эффективной уголовной политики в данной сфере.

2. Указы Президента Российской Федерации от 21 июня 2019 г. № 287 [3] и от 8 ноября 2015 г. № 553 [4] (с изменениями и дополнениями) «Об отдельных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий», предусмотревшие запреты и ограничения на посещение гражданами России некоторых зарубежных государств. Несмотря на то что прямого отношения к сфере образования данные нормативно-правовые акты не имеют, они выступают важнейшей составляющей правовой базы, на которой строится обеспечение национальной безопасности России в целом. Они отражают действующую уголовную политику в стране, а значит должны учитываться при реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде.

3. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [6], обозначивший основные источники угроз экстремизма в современной России, основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, инструменты

и механизмы реализации данной стратегии, а также ее основные этапы, целевые показатели и ожидаемые результаты. В пункте 32 данной стратегии подчеркивается, что государственная политика в сфере противодействия экстремизму должна реализовываться, кроме прочего, в области образования и государственной молодежной политики. В целях борьбы с экстремизмом в образовательной среде, выступающим одной из криминальных угроз национальной безопасности, в Стратегии предложены некоторые направления и инструменты борьбы с данным негативным явлением. Например, указано на необходимость включения в региональные и муниципальные программы по развитию образования и воспитанию несовершеннолетних мероприятий по формированию у подрастающего поколения уважительного отношения ко всем национальностям; проведения в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения; повышения профессионального уровня педагогических работников, разработки и внедрения новых педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму; совершенствования мер, направленных на профилактику экстремистских проявлений в образовательных организациях.

4. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [5], раскрывающий понятие национальных интересов в информационной среде и дающий представление об основных информационных угрозах и способах обеспечения информационной безопасности. Президент России признает, что в настоящее время состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью проводимых научных исследований. В этой связи основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области науки, технологий и образования являются проведение научных исследований в целях обеспечения информационной безопасности, развитие кадрового потенциала, обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в т.ч. за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

Следует также обратить внимание на участие Президента России в мероприятиях общегосударственного уровня, отражающих реализуемую уголовную политику.

Так, исходя из Послания Президента России Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. [8] и разработанного на его основе Перечня поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию, утвержденного 24 января 2020 г. № Пр-113 [7], следует, что глава нашей страны ориентирован на

поддержание и развитие отечественной системы образования. В частности, взят ориентир на поднятие престижа педагогической профессии, строительство новых образовательных организаций, государственное финансирование капитального ремонта, реконструкции и оснащения образовательных организаций дополнительного образования, материальную поддержку семей с детьми и др. Подобные мероприятия являются основой осуществления профилактики преступности на общесоциальном уровне, а значит, являются отражением и уголовной политики в сфере предупреждения преступности.

Свое видение современной уголовной политики Президент России также представил на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 26 февраля 2020 г. [9]. Глава государства обращает внимание представителей правоохранительных органов на значимость профилактики правонарушений, особенно среди несовершеннолетних, и необходимость обеспечения комплексной безопасности детских и образова-

тельных учреждений: детсадов, школ, училищ и др. Президент обеспокоен тем, что в настоящее время продолжают действовать различные радикальные группы, пропагандирующие уголовную субкультуру, склоняющие подростков к самоубийствам, совершению правонарушений. Глава государства ориентирует правоохранительные органы на обеспечение безопасности детей в интернет-пространстве и проведение мероприятий профилактического характера, в т.ч. в образовательных организациях, направленных на предупреждение сбыта среди несовершеннолетних и молодежи наркосодержащей продукции. В некотором роде Президент затронул также проблему скулшутинга (насилия подростков по отношению к сверстникам, одноклассникам и педагогам) и необходимости противодействия ему. Все это свидетельствует о тех направлениях, по которым будет развиваться государственная уголовная политика в области предупреждения преступности среди детей школьного и студенческого возраста.

Литература

1. Босхолов С.С., Гиниятуллина Е.З. Предупреждение преступности обучающихся как стратегия криминологической безопасности системы общего и среднего профессионального образования: теоретические основы // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 11 (106). С. 280-285.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
3. Об отдельных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий: Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2019 г. № 287 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3245.
4. Об отдельных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий: Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2015 г. № 553 (в ред. от 2 января 2018 г. № 7) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6241.
5. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
6. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.
7. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию: утв. Президентом Российской Федерации 24 января 2020 г. № Пр-113 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. № 7.
9. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 19.11.2020).
10. Состояние преступности за 2010-2019 гг. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 04.12.2020).
11. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 940 с.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.1

А.Ю. Афанасьев, канд. юрид. наук

Нижегородская академия МВД России

E-mail: afanasev_alexey@bk.ru

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ

Сегодня наука уголовного процесса справедливо занимает одно из основных мест в системе юридических наук. Однако базовые атрибуты уголовно-процессуальной науки остаются не до конца разработанными, а теоретико-методологическая основа – не сформированной. Автор исследует позиции ученых-процессуалистов относительно науки уголовного процесса и ее понимания начиная с середины XIX в. и заканчивая современностью. В качестве ключевых недостатков указываются неполноценность и отсутствие единства в представлении предмета, на изучение которого должна быть направлена уголовно-процессуальная наука и который составляет основу соответствующего понятия, а также неопределенность цели уголовного процесса – и практики, и науки. Предлагается признаками понятия уголовно-процессуальной науки считать: систему знаний; наличие предмета – закономерностей объекта изучения; наличие цели уголовного процесса; предметом уголовно-процессуальной науки определяются закономерности разрешения уголовно-правового спора.

Ключевые слова: наука, уголовно-процессуальная наука, понятие, предмет науки, закономерности, система знаний, цель уголовного процесса, уголовно-правовой спор.

A. Yu. Afanasyev, Candidate of Juridical Sciences

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior

of the Russian Federation

E-mail: afanasev_alexey@bk.ru

ABOUT THE CONCEPT OF CRIMINAL PROCEDURAL SCIENCE

Today the science of criminal procedure justly occupies one of the main places in the system of legal sciences. This can probably be confirmed by the level of process scientists and the importance of their fundamental and applied developments. With all this, the basic attributes of criminal procedural science – the object, subject, methodology – remain not fully developed, and the theoretical and methodological basis is not formed. Until now, the concept of criminal procedural science remains undefined. The article attempts to formulate a definition of the indicated concept. To this end, the author examines the positions of procedural scientists regarding the science of criminal procedure and its understanding, starting from the middle of the 19th century and ending with the present. The author focuses not only on the heterogeneity, but also on the contradictory opinions regarding the concept under study. Inadequacy and lack of unity in the presentation of the subject, the study of which criminal procedural science should be directed to and which forms the basis of the corresponding concept, as well as the ambiguity of the purpose of the criminal process – both practice and science – are indicated as key shortcomings. It is proposed to consider as the signs of the concept of criminal procedural science: the system of knowledge; the presence of the subject – the laws of the object of study; the presence of the purpose of the criminal procedure. The author substantiates the resolution of a criminal legal dispute as the goal of the criminal process and, on this basis, the subject of criminal procedural science determines the patterns of resolving a criminal legal dispute.

Key words: science, criminal procedural science, concept, subject of science, laws, system of knowledge, purpose of criminal procedure, criminal law dispute.

Что такое наука? Вероятно, этим вопросом чаще всего задаются исследователи, которые впервые соприкасаются с такой одновременно сложной и интересной сферой, как наука. Однако и такое знакомство длится недолго. «Современный ученый, – как отмечал Г.П. Щедровицкий, – знает все, что ему нужно знать, а всем остальным он просто не интересуется» [40, с. 24]. Для исследователя по мере его становления как ученого необходимость обращения к происхождению и пониманию науки значительно утрачивается, а иногда и вовсе сходит на нет.

Лишь отдельные специалисты в области науковедения позволяют сохранить в динамике соответствующие разработки. Представители отраслевых наук не рискуют погружаться в научный поиск по указанному направлению, поскольку опасаются отклонений от собственной науки, от предмета научной специальности. Разумеется, такое ограничение науки заставляет сориентировать исследование на более приземленные проблемы, которые должны носить более прикладной характер и не позволят выйти за очерченные рамки. Полагаем, что подобная тенденция указывает на снижение степени фундаментальности научных исследований, а отсутствие обращения науки к самой себе делает ее слепой.

Наука уголовного процесса в этом плане не стала каким-либо исключением. Несмотря на то что проводятся и публикуются многочисленные исследования, защищаются диссертации, ее базовые атрибуты (объект, предмет, методология) остаются не до конца разработанными, а теоретико-методологическая основа – не сформированной. Только с 2018 г. по 2020 г. было защищено 129 кандидатских и докторских диссертаций по научной специальности 12.00.09 – Уголовный процесс [20]. Разумеется, количество исследований не может убедительно указывать на степень научности соответствующей области знаний и на какой-либо уровень сформированности ее как науки. Для этого необходимо обратить внимание как минимум на историю становления и развития, понятие, систему, задачи, цель, объект, предмет, методологию науки уголовного процесса. Именно эти и другие элементы образуют теоретико-методологическую основу уголовно-процессуальной науки, которую затрагивают лишь в отдельных учебниках и учебных пособиях по уголовному процессу. Полагаем, что этого явно недостаточно. Вряд ли в пределах нескольких страниц можно полноценно охватить все эти вопросы. Для этого требуется отдельное исследование монографического характера. А их практически не имеется, если только не считать работы, лишь отчасти раскрывающие эту проблематику, или отдельные научные статьи [1, 2, 5, 8, 9, 16, 17, 37]. В рамках настоящей статьи направим исследовательские усилия на раскрытие по-

нятия уголовно-процессуальной науки. Мы считаем, что нельзя недооценивать значимость понятий в науке, поскольку именно они составляют ее основу. По сути, «наука постигает мир в понятиях, средствами логического мышления» [35, с. 296].

На первый взгляд занятие по разъяснению и определению смысла понятий может показаться простым занятием. В действительности это не так. Вряд ли можно заявить, что какое-либо определение лучше, чем другое. Вероятно, будет правильнее сказать, что то или иное определение раскрывает больше признаков и характеристик понятия, нежели другое. Большая сложность состоит в том, что не удастся «...выделить форму понятий, ибо фактически... – понятие по-прежнему понималось... как некое *понятое содержание*, и ...могли фиксировать, в лучшем случае, совокупность тех признаков-характеристик, которые относились к этим понятиям и которые были очевидно признаваемы, но которые характеризовали отнюдь не его формальную структуру, а то, что понималось и схватывалось человеком – исследователем или кем-то другим» [40, с. 14]. Следовательно, требуется представить такие признаки, которые в совокупности будут, безусловно, говорить о данном понятии – науки уголовного процесса.

Традиционно под наукой принято понимать либо форму общественного сознания, представляющую исторически сложившуюся систему упорядоченных знаний, истинность которых проверяется и постоянно уточняется в ходе общественной практики [35, с. 296], либо систему знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления, а также отдельную отрасль таких знаний [18, с. 317]. Разумеется, существуют и иные интерпретации. При этом они все так или иначе сходятся в том, что при разъяснении понятия «наука» следует говорить о некой системе знаний. Однако любая ли система знаний является наукой? Очевидно, что нет. Хотя «сегодня мы, по сути дела, всякую мыслительную работу "красим" в цвета науки» [40, с. 17], для того чтобы систему знаний признать наукой, она как минимум должна отвечать определенным критериям. К ним обычно относят: собственный предмет изучения, не совпадающий с предметом других наук; наличие специфических методов; особую форму практической реализации знания; специфический категориальный аппарат и язык [6]. А само научное знание должно быть сформированным на основе фактов, развивающимся, логически доказываемым, эмпирически проверяемым, системным, непротиворечивым, общезначимым знанием в форме восприятий, представлений, понятий, суждений, гипотез, теорий, приближающихся к адекватному (истинному) отражению сущности познаваемых объектов [6]. Тем самым знания должны не только представлять систему, но и отвечать опреде-

ленным требованиям, а в совокупности – указанным критериям.

Все это справедливо должно относиться и к науке уголовного процесса. Разумеется, будет ошибочным, если возникновение уголовно-процессуальной науки связывать с именем лишь одного какого-либо ученого и его научного труда. Однако есть авторы, которых следует обозначить в числе первых как в зависимости от исторической эпохи их научной деятельности, так и по значимости их работ для соответствующей отрасли науки. Одним из таких, очевидно, является Я.И. Баршев, перу которого принадлежат «Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству» (1841 г.). В обозначенной работе Яков Иванович относительно понятия «наука уголовного судопроизводства» писал следующее: «под именем теории, или науки уголовного судопроизводства разумеется систематическое и на правилах и требованиях науки основанное изложение начал и правил уголовного суда и образа приложения их к производству дел уголовных» [3, с. 51]. Пожалуй, это одна из первых попыток представить уголовное судопроизводство с научной точки зрения. Кроме этого, Я.И. Баршев впервые выделил предмет теории уголовного судопроизводства как науки, куда включил: «...1) раскрытие и вывод высшего коренного начала, которым должны руководствоваться законодатель и судья, и 2) изложение главных и существенных частей уголовного судопроизводства относительно их начал и содержания, порядка и различных форм и условий», а также ее составные, главные части [3, с. 51].

Не менее значимыми для становления и развития науки уголовного процесса оказались работы А.С. Жиряева, Н.И. Стояновского, В.Д. Спасовича, А.П. Чебышева-Дмитриева, И.Я. Фойницкого, Д.Г. Тальберга, В.К. Случевского, М.В. Духовского, Л.Е. Владимировича, С.И. Викторского, П.И. Люблинского, Н.Н. Полянского, Н.Н. Розина. Однако указанные процессуалисты в своих основных трудах главным образом рассуждали об уголовном процессе как о практической деятельности и как об отрасли права. Не все из них приводили разъяснения понятия «наука уголовного процесса», хотя отдельные и рассуждали об объекте, предмете, содержании науки уголовного судопроизводства, что является весьма ценным.

В частности, М.В. Духовской предложил выделить «...чистую науку – уголовно-судебное право, т.е. раскрытие законов, управляющих развитием уголовно-судебных институтов в связи с культурой, и прикладную, цель которой – построить систему, соответствующую требованию данного времени» [7, с. 10]. Н.Н. Полянский отмечал, что «...в области науки уголовного процесса различаются: догма уголовного процесса, его история и критика» [21,

с. 11]. И.Я. Фойницкий указывал, что «теория или наука уголовного процесса имеет своим содержанием раскрытие понятий уголовного судопроизводства, т.е. изучение природы образующихся его институтов в условиях, обстановке и преследуемых ими целях» [36, с. 1]. Н.Н. Розин, помимо представления авторского варианта объекта и предмета науки уголовного процесса, определил, что «теория процесса есть самостоятельная дисциплина со специальным объектом исследования, специальными задачами и теми особенностями, которые вызываются характером изучаемого ею правового явления» [22, с. 18].

В советский период понятие уголовно-процессуальной науки рассматривали более детально. Большинство авторов сходились на том, что ее определение следует формулировать исходя из того, что она изучает, т.е. предмета науки уголовного процесса. Например, М.А. Чельцов отмечал, что «наука уголовного процесса... раскрывает теоретический смысл правовых норм и обучает лучшему практическому применению их» [38, с. 29]. М.С. Строгович подошел к этому более комплексно: по его мнению, «...наука советского уголовного процесса изучает принципы и задачи деятельности суда, прокуратуры и органов следствия по уголовным делам, порядок этой деятельности, правовые нормы, в которые облекаются действия суда, прокуратуры и органов следствия, их отношения со всеми участниками процесса, права и обязанности граждан, на которых распространяется деятельность суда, прокуратуры и органов следствия при производстве по уголовным делам... развитие советского уголовного процесса в неразрывной связи с развитием Советского социалистического государства и советского социалистического права... уголовный процесс других социалистических государств... все прогрессивные, культурные, демократические достижения в области правосудия и процессуального права» [27, с. 75-77]. Пожалуй, определение получилось слишком нагруженным и сложным для восприятия. Однако в нем отчетливо отобразились сама уголовно-процессуальная деятельность, нормы уголовно-процессуального закона, становление и развитие уголовного процесса, зарубежные уголовные процессы – как то, что она изучает. Вероятно, от этого и отталкивались более поздние авторы, которые указывали именно на подобный предмет уголовно-процессуальной науки и использовали его при разъяснении анализируемого понятия. Например, в учебнике под редакцией Б.Б. Булатова и А.М. Баранова говорится, что наука уголовного процесса «...исследует понятия уголовно-процессуальных институтов, изучает эффективность правовых норм и институтов на разных стадиях уголовного судопроизводства. В ее содержание входит также изучение исторического и зарубежного

опыта в соответствующей сфере общественных отношений» [34, с. 25]. Пересечения наглядные.

Процессуалисты современного периода в плане формулирования авторского определения науки уголовного процесса оказались более плодовитыми – что не текст, то определение. Разумеется, это не показатель качества, но здесь как минимум есть повод, чтобы задуматься. Практически в каждом учебнике по уголовному процессу содержится соответствующее разъяснение. Имеются предложения об этом и в научных статьях.

Уголовно-процессуальная наука понимается как:

- «...совокупность теоретических и методологических положений об уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальном праве (содержание науки)» [31, с. 18];

- «...юридическая наука, т.е. направление деятельности человека по выявлению и изучению закономерностей общественных отношений, возникающих в связи с их урегулированностью нормами права» [31, с. 33];

- «...отрасль правовых знаний о соответствующей отрасли права, ее истории, наиболее важных понятиях, а также о практической правоприменительной деятельности и возникающих при этом правоотношениях» [32, с. 16];

- система «...специальных взглядов, принципов, идей, представлений, научных знаний, в пределах и посредством которых осуществляется теоретико-прикладное освоение практической деятельности участников уголовного судопроизводства» [33, с. 4];

- «...определенным образом систематизированная совокупность знаний, выраженных через конкретные научные понятия и категории, об уголовно-процессуальных нормах и регулируемых ими общественных отношениях, складывающихся в ходе возбуждения, расследования и судебного разбирательства уголовных дел» [33, с. 7];

- «...совокупность выработанных научным обществом на основе закона и практики его применения представлений, понятий, постулатов и концепций, раскрывающих цели, назначение и принципы процессуальной деятельности, методы ее осуществления, роль субъектов в ее реализации, их функции и гарантии прав, а также систему и структурную организацию этой деятельности, условия, обеспечивающие ее эффективность» [30, с. 16];

- «...вид познавательной (научной) деятельности, направленной на выработку (формирование) целостных знаний о явлениях (свойствах) и процессах уголовно-процессуальной деятельности» [1, с. 46].

Этот список можно было смело продолжить, поскольку указанными подходами современная наука уголовного процесса явно не исчерпывается. Однако в этом нет особой необходимости. Кардинально

нового и качественно другого там не увидишь. Судя по тем вариантам, которые представлены, в стане современной отечественной уголовно-процессуальной науки творится полная неразбериха. Не принижая ценность каждой из обозначенных позиций, нельзя оставить без внимания и тот факт, что единства нет не только в подходах различных процессуалистов, но и в подходах отдельно взятого автора (как можно заметить, некоторые авторы предлагали в одной и той же работе разные интерпретации понятия уголовно-процессуальной науки).

Как только не называют науку уголовного процесса: и совокупностью теоретических и методологических положений, и юридической наукой, и направлением деятельности, и отраслью правовых знаний, и системой специальных взглядов..., и совокупностью знаний, и совокупностью представлений..., и видом познавательной (научной) деятельности. Такая разнородность, вероятно, объясняется тем, что в самом понятии «уголовно-процессуальная наука», в отличие, например, от математики, социологии, криминологии, криминалистики, содержится слово «наука», что исключает возможность в определении использовать универсальную формулировку «это наука, изучающая...». Это будет выглядеть как минимум тавтологично. Проблему эту обойти несложно: лишь следует использовать верную и общепринятую трактовку понятия «наука» и дополнить уголовно-процессуальным содержанием. Вот здесь-то и кроется основное затруднение – решая вопрос о том, что есть уголовно-процессуальная наука – или совокупность знаний, или система положений, или вид деятельности, растеряли всю суть – предмет, который она должна изучать. Под раздутой формой не оказалось единого строго определенного содержания.

К предмету относят и вопросы, связанные с выявлением закономерностей правового регулирования производства по уголовным делам и определением возможных путей его совершенствования [9, с. 162-163], и уголовно-процессуальную деятельность [31, с. 18; 2, с. 176], и свойства уголовного судопроизводства, его связи, закономерности возникновения, функционирования и развития как социально-правового явления [24, с. 20-21; 25, с. 12-13], и нормы уголовно-процессуального права; саму деятельность суда, прокуратуры и органов следствия; уголовно-процессуальные отношения [27, с. 75], само уголовное процессуальное право (в нормативном выражении) и практику его применения, выраженную в уголовно-процессуальной деятельности, а также исторический опыт ее развития [33, с. 6]. В таком разнообразии вряд ли можно отыскать истину. Проще начать все с начала.

Итак, нам известно, что наука есть система знаний о закономерностях в развитии природы, обще-

ства и мышления, а также отдельная отрасль таких знаний [18, с. 327]. Также нам знаком и предмет науки: стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах; коренные и более общие закономерности объекта [35, с. 359]. Однако нет достаточных сведений о предмете науки уголовного процесса. Разумеется, мы могли принять одну из любых сторон, предлагающих представить предмет в том или ином виде, например, как в одной из обозначенных выше. Но, на наш взгляд, подобное разнообразие предметов, как в принципе и их отсутствие, также справедливо может указывать на беспредметность науки. Как известно, к такой же беспредметности может привести и неопределенность цели – в данном случае и науки, и практики уголовного процесса. Если она недостаточно четко определена, то оказывается невозможным вычлнить главные элементы предмета науки, т.е. закономерности, предопределяющие цель и результативность оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности соответствующих субъектов.

Тем самым, по нашему мнению, признаками понятия уголовно-процессуальной науки должны выступить: система (отрасль) знаний; наличие предмета – закономерностей объекта изучения; наличие цели уголовного процесса.

Уголовно-процессуальная наука, уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальный закон указывают на отсутствие единства в определении цели уголовного процесса, следовательно, и на неопределенность. Здесь мы также могли принять одну из сторон, определяющих в качестве цели

либо установление истины [28, с. 15; 29, с. 244; 19, с. 50-56; 8, с. 67-74], либо борьбу с преступностью [39, с. 6; 4, с. 7], либо определение справедливого наказания [26, с. 12]. Но ни эти, ни другие цели, которые активно поддерживаются большинством процессуалистов, нами не разделяются. И на это есть причины: одни из них недостижимы (например, установление истины), другие не полностью охватывают уголовное судопроизводство (например, определение справедливого наказания) и т.д. На наш взгляд, достижимой, универсальной и всеохватной целью уголовного процесса должно выступить разрешение уголовно-правового спора. Такая цель исходит из «немецкой теории процесса как юридического отношения» [41], которая была поддержана и развита в отечественном уголовном процессе [23, с. 13; 13, с. 4-5; 14; 11, с. 56-61; 12; 15]. В свою очередь, разрешение уголовно-правового спора реализует и функцию доказывания, и функцию принятия решений в уголовном процессе. Отсюда можем предположить, что ключевыми закономерностями, которые должна изучать уголовно-процессуальная наука, выступают закономерности разрешения уголовно-правового спора. Они же и будут образовывать ее предмет.

Таким образом, исходя из проведенного исследования, можем представить следующее определение: уголовно-процессуальная наука – это система знаний о закономерностях разрешения уголовно-правового спора. Разумеется, на такое определение могут отыскаться критики. И это будет заслуженно. Мы им можем лишь пожелать удачи в поиске идеального определения понятия уголовно-процессуальной науки.

Литература

1. Агутин А.В. К вопросу о мировоззрении и системно-деятельностном подходе в науке уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 46-50.
2. Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 175-178.
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 4, II, XVIII, 297 с.
4. Голунский С.А., Калашникова Н.Я., Карев Д.С., Савгирова Н.М. и др. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1953. 451 с.
5. Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 57-66.
6. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Критерии в системе научного знания // Гуманитарный вестник. 2016. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-v-sisteme-nauchnogo-znaniya> (дата обращения: 15.12.2020).
7. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Типография А.П. Поплавского, 1908. 448 с.
8. Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67-74.
9. Зинатуллин З.З. Российская уголовно-процессуальная наука: генезис развития и современные проблемы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. № 28 (1). С. 162-165.
10. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы. Общетеоретические доминанты. М.: Юрлитинформ, 2021. 144 с.
11. Колоколов Н.А. Российская наука в поисках оптимального формата учебника уголовного процесса // Юридический мир. 2009. № 6. С. 56-61.

12. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 272 с.
13. Мизулина Е.В. Технология власти: уголовный процесс. Ярославль, 1992. 123 с.
14. Мизулина Е.В. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1991. 147 с.
15. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 111-118.
16. Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства: в 2 т. / под ред. П.И. Бородюко. Кемерово: Кн. изд-во, 1962. Т. 1. 296 с.
17. Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства: в 2 т. / под ред. П.И. Бородюко. Кемерово: Кн. изд-во, 1964. Т. 2. 152 с.
18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Оникс»; «Мир и Образование», 2010. 736 с.
19. Орлов Ю.К. Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50-56.
20. Официальный сайт ВАК при Минобрнауки России. URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~ (дата обращения: 15.12.2020).
21. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 203 с.
22. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. Санкт-Петербург: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1914. 546 с.
23. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. 603 с.
24. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
25. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005. 272 с.
26. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М.: Высшая школа, 1968. 551 с.
27. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т.; т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Изд-во «Наука», 1968. 470 с.
28. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 703 с.
29. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник для юридических курсов / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Советское зак-во, 1934. 100 с.
30. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 4-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2018. 390 с.
31. Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. 816 с.
32. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2009. 496 с.
33. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошляков, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М.: ВолтерсКлувер, 2011. 1056 с.
34. Уголовный процесс: учебник для СПО / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2016. 555 с.
35. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Изд-во Политической литературы, 1963. 544 с.
36. Фойницкий И.Я. Курсь уголовного судопроизводства: в 2 т. 4-е изд. Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. 400 с.
37. Фролов Ю.А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 370 с.
38. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 624 с.
39. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс: в 2 т. Харьков: Юрид. изд-во, 1928. Т. 1. 230 с.
40. Щедровицкий Г.П. Мышление-Понимание-Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.
41. Roxin C. Strafverfharensrecht. 24 Aufl. München: C.H. Beck, 1995. 522 p.

УДК 343.13

М.В. Белов

Отдел МВД России по району Северное Бутово города Москвы

E-mail: maxbelov888@gmail.com

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОБВИНЯЕМОГО НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ДОЗНАНИЯ: ФОРМАЛЬНОСТЬ ИЛИ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ?

В статье анализируется проблема реализации обвиняемым на этапе окончания дознания представленных прав и защиты законных интересов. Делается вывод, что лицо, наделенное статусом обвиняемого, должно иметь равные возможности его реализации вне зависимости от формы предварительного расследования и способа приобретения статуса. Доказывается, что в настоящее время процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов обвиняемого на этапе окончания дознания в должном объеме не обеспечиваются. Формулируются предложения по решению проблемы.

Ключевые слова: предъявление обвинения, дознание, обвинительный акт, обвинительное постановление, процессуальные гарантии, обвиняемый.

M.V. Belov

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Severnoye

Butovo district of Moscow

E-mail: maxbelov888@gmail.com

PROCEDURAL STATUS OF THE ACCUSED AT THE END OF THE INQUIRY: A FORMALITY OR A GUARANTEE OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS?

The article analyzes the problem of realization by the accused at the stage of the end of the inquiry of the presented rights and protection of legitimate interests. It is concluded that a person endowed with the status of an accused should have equal opportunities to implement it, regardless of the form of the preliminary investigation and the method of acquiring the status. It is proved that at present the procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of the accused at the stage of the end of the inquiry are not provided to the proper extent. Proposals for solving the problem are formulated.

Key words: indictment, inquiry, procedural guarantees, the accused.

Выработка оптимальной процессуальной формы досудебного производства, сочетающей, с одной стороны, процессуальную экономию, а с другой – достаточные гарантии прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, правильного установления значимых для уголовного дела обстоятельств, – важнейшая задача, оптимальное решение которой найти пока не удается.

Остро стоит эта проблема для упрощенных форм досудебного производства – дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме. Первая является упрощенным порядком производства лишь формально, вторая – вызывает серьезные споры относительно достаточности процессуальных гарантий.

На основании изученных статистических данных ЗИЦ ГУ МВД России по городу Москве за 9 месяцев 2020 г. подразделениями дознания ГУ МВД России по г. Москве окончено с обвинительным актом 9879 уголовных дел. Из них для производства дополнительного дознания возвращено 614 уголовных дел, или 6,2% (2019 г. – 7,7%), для пересоставления обвинительного акта (постановления) возвращено 190 уголовных дел, или 2,1% (2019 г. – 3,2%). В порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) судами г. Москвы для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом возвращено прокурорам 156 (2019 г. – 142) уголовных дел, расследованных подразделениями дознания ГУ МВД России по г. Москве, что составило 1,8% от общего числа.

Наиболее распространенными нарушениями, ставшими причинами возвращения уголовных дел для дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта, выступают: неполное установление предмета доказывания (ст. 73 УПК), игнорирование обязанности допроса или неполнота допроса лиц, чьи показания имеют существенное значение для расследования преступления; нарушение прав подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших, предусмотренных ст. 46, 47, 54, 100, 198, 216 и 217 УПК РФ. Нередко до участников уголовного процесса доводятся устаревшие редакции перечня их прав; обвинительный акт не утверждается начальником органа дознания или утверждается ненадлежащим лицом, не вручается участникам процесса в установленном порядке; с нарушениями оформляется протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Задача обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, окончательной оценки полноты произведенного расследования в целях направления в суд уголовных дел, расследованных всесторонне, полно и объективно, возлагается на этап окончания предварительного расследования [1, с. 13-17].

Однако на сегодня при направлении в суд уголовных дел, расследованных в форме дознания, этап его окончания является эффективной процессуальной гарантией не в полной мере. Остро стоят проблемы обеспечения прав и законных интересов участников процесса, в т.ч. и лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Не все возникающие на данном этапе проблемы правоприменительного свойства, некоторые обусловлены недостатками нормативной регламентации процессуальной деятельности на этапе окончания дознания.

Направленный на ускорение производства прием «суммирования», состоящий в слиянии действий по приданию лицу процессуального статуса обвиняемого и предъявлению ему для ознакомления итогового процессуального акта предварительного расследования, вряд ли существенно упрощает судопроизводство, однако отрицательно сказывается на реализации обвиняемым процессуального статуса. В самом деле, процессуальный статус обвиняемого вне зависимости от варианта его приобретения (ч. 1 ст. 47 УПК) един (ч. 2-6 ст. 47 УПК), между тем возможности его реализовать в ходе предварительного следствия и дознания принципиально различны.

В частности, согласно ч. 3 ст. 47 УПК обвиняемый должен иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Обвиняемый вправе возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника или законного представителя и др. (ч. 2 ст. 47 УПК). Обратим внимание, что ряд прав обвиняемого, предусмотренных ст. 47 УПК, связаны именно с возможностью их реализации на стадии предварительного расследования. При производстве дознания целый спектр этих прав не может быть реализован по объективным причинам, порожденным законодателем. Нет у обвиняемого, приобретшего такой статус при окончании дознания, и достаточно времени для подготовки к защите в ходе досудебного производства. Конечно, обвиняемый остается таковым, даже став подсудимым (ч. 2 ст. 47 УПК), между тем комплекс прав для последнего иной, и на деле возможность реализовать свой процессуальный статус именно в ходе дознания у обвиняемого отсутствует (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 224 УПК). Остается открытым вопрос, почему в действующей редакции УПК законодатель предусмотрел основание для предъявления обвинения подозреваемому лишь в случае избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, однако такие меры пресечения, как запрет определенных действий, залог и домашний арест, избираемые по судебному решению, не требуют

предъявления обвинения подозреваемому в порядке, предусмотренном главой 23 УПК. В случае же особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением возможности реализовать значительную часть своего процессуального статуса обвиняемый лишен в ходе всего уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной литературе существует мнение, что процессуальный статус обвиняемого в ходе предварительного расследования для лица, привлекаемого к ответственности, не является действенной гарантией, и от него целесообразно и вовсе отказаться [2, с. 157-170].

В условиях действующего уголовно-процессуального регулирования это достаточно спорная позиция. Способы постановки лица в процессуальное положение подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК) принципиально различны, и некоторые из них, например п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК, не предполагают доведения полноценной информации о сущности подозрения в объемах, свойственных постановке в положение обвиняемого в порядке п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК [4, с. 59-65].

Следовательно, статус подозреваемого не может быть по сущностным характеристикам приравнен сегодня к статусу обвиняемого. Нельзя при этом не отметить одно исключение. Уведомление о подозрении в совершении преступления – способ процессуальной постановки лица в положение подозреваемого, по сути, аналогичный приобретению статуса обвиняемого путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого [3, с. 133-141]. В данном случае, действительно, следовало бы подумать или о вынесении иного документа, ставящего лицо в положение подозреваемого (более упрощенного по сравнению с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого), или о придании процессуального статуса подозреваемого в ходе дознания путем вынесения уведомления, предусмотренного ст. 223 УПК, во всех случаях.

При реализации последнего предложения придание процессуального статуса обвиняемого вынесением обвинительного акта не вызвало бы сущностных возражений, поскольку подозреваемый де-факто был надлежащим образом уведомлен о сущности подозрения (фактически – о сущности обвинения) и все права обвиняемого мог реализовать, хотя и находился в статусе подозреваемого. Не исключено, что в случае достаточности данных, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления в ходе дознания, целесообразно выносить полноценное постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Действительно, чем уведомление о подозрении в совершении преступления упрощено по отношению к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого? Таким образом, законодатель для некоторых

вариантов придания статуса подозреваемого в ходе дознания фактически от упрощения отказывается, лишая тем самым единства и процессуальный статус подозреваемого (подозреваемые, приобретшие статус разными процессуальными способами, обладают разным объемом информации о подозрении). Логика законодателя не вполне понятна. Не в том же принципиальное отличие дознания от предварительного следствия, что при производстве дознания лицо, привлекаемое к ответственности, именуется не обвиняемым, а подозреваемым? В этой связи при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения логично предположить, что не должно быть нормативных препятствий для вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и при производстве дознания.

Если сегодня придание процессуального статуса обвиняемого посредством вынесения обвинительного акта в отношении лица, которому было вручено уведомление о совершении преступления, в целом позволяет обеспечить лицу возможность полноценно защищаться в ходе дознания, то в иных случаях приобретения статуса подозреваемого – нет.

Дело, конечно, не в том, что в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством участник уголовного судопроизводства в статусе подозреваемого не вправе знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, что ставит в обязанность правоприменителя наделять его статусом обвиняемого. Важно, чтобы лицо, полноценно ознакомленное с содержанием инкриминируемого деяния на уровне, соответствующем предъявлению обвинения, имело возможность активно реализовывать свой статус, в т.ч. участвовать в доказывании. Допрос, например, является важным следственным действием не только для следователя, но и для обвиняемого, поскольку он представляет собой мощное средство реализации права на защиту [8, с. 11].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) неоднократно отмечал, что обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права [5, с. 89].

С одной стороны, обвиняемый, приобретший такой статус в результате вынесения обвинительного акта, находится в более выигрышном положении относительно обвиняемого, которому обвинение предъявлено в порядке гл. 23 УПК, поскольку по ре-

зультатам ознакомления с материалами уголовного дела получает информацию о всех имеющихся доказательствах. Однако возможности воспользоваться этой информацией в ходе дознания у обвиняемого весьма ограничены и не связаны с участием в дознании. Единственным реальным средством реакции на полученную в ходе ознакомления с материалами уголовного дела информацию является заявление ходатайства, которое, конечно, не заменяет права дать показания по существу обвинения. В конечном итоге обвиняемый не может быть лишен права дать показания даже в случае заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке при согласии с предъявленным обвинением. Право дать показания прямо, недвусмысленно и безусловно предусмотрено в ст. 46 УПК. При желании обвиняемого дать показания на стадии предварительного расследования и последующих стадиях процесса ему должна быть предоставлена возможность такое право реализовать. При этом право дать показания должно быть предоставлено до момента ознакомления с материалами уголовного дела, в противном случае реальный процессуальный статус обвиняемого, который стал обвиняемым в порядке гл. 23 УПК, существенно отличался бы от реального статуса обвиняемого, допрашиваемого после ознакомления с материалами уголовного дела.

Существует мнение, согласно которому ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела должно иметь место только после возбуждения прокурором публичного уголовного иска, т.е. после утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта) [7, с. 77-78]. Возможно. Однако процессуальный статус и реальные предоставленные законом условия его реализации должны быть едиными для всех обвиняемых, вне зависимости от порядка привлечения в качестве обвиняемого.

Вызывает сомнение и то обстоятельство, что законодатель не ограничивает период, в течение которого обвиняемому должен быть предъявлен вынесенный обвинительный акт (обвинительное постановление), находящийся в материалах уголовного дела, с которыми знакомится обвиняемый. Обвиняемый знакомится с такими материалами, уже имея этот статус, при этом, вполне вероятно, не зная конкретного обвинения, ибо не обязан начинать ознакомление с материалами уголовного дела с последнего документа.

Обратим внимание и на то, что знакомиться с материалами уголовного дела обвиняемый не обязан, следовательно, у дознавателя нет и обязанности разъяснять сущность предъявленного обвинения.

В этой связи логично предположить, что при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения, лицу должен придаваться статус обвиняемого. Конечно, в целях формализовать отличие предварительного следствия от дознания обвиняемого, фактически таковым являющегося, можно именовать и подозреваемым, однако такие отличия формальны, нелогичны и противоречат изложенной выше правовой позиции Конституционного Суда.

В то же время дознание задумано как ускоренная форма предварительного расследования. Конечно, ускорение вполне можно обеспечить и без упрощения процессуальной формы привлечения в качестве обвиняемого. Однако и здесь можно предложить несколько упрощенные механизмы, не снижающие тем не менее уровень процессуальных гарантий реализации обвиняемым процессуального статуса.

Стержневая идея – обвиняемый должен иметь право ознакомиться с формулировкой обвинения, после чего вправе дать показания в ходе допроса его в качестве обвиняемого.

Возможен следующий процессуальный порядок придания статуса обвиняемого в ходе дознания. Дознаватель обязан заранее уведомить подозреваемого о дате и месте предъявления ему для ознакомления обвинительного акта (обвинительного постановления), в уведомлении правоприменителем должны быть прописаны обязанности и права обвиняемого, сущность предъявляемого обвинения без перечня доказательств, подтверждающих обвинение (фабула обвинительного акта (обвинительного постановления)), право обвиняемого возражать против обвинения, давать показания либо отказаться от предоставляемого ему права.

Ознакомившись с указанным процессуальным документом, подозреваемый и его защитник ставят свою подпись в конце уведомления. Факт предъявления обвинения заверяется в уведомлении также подписью дознавателя.

После предъявления ему письменного уведомления о существовании обвинения происходит допрос обвиняемого [6, с. 477]. Обвиняемый вправе заявить ходатайства. После проведения всех необходимых следственных и процессуальных действий обвиняемый и его защитник знакомятся с материалами уголовного дела и обвинительным актом (обвинительным постановлением).

Таким образом, при производстве предварительного расследования в любых его формах необходимо обеспечить равные процессуальные гарантии реализации единого процессуального статуса обвиняемого.

Литература

1. Артамонов А.Н., Седельников П.В. Окончание предварительного расследования: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ДГСК МВД России, 2018.
2. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: генезис, современное состояние, перспективы развития // Публичное и частное право. 2019. № 3 (43). С. 157-170.
3. Иванов Е.Е. Уведомление о подозрении в совершении преступления и вопросы расширения сферы его применения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 133-141.
4. Иванов Е.Е. Уведомление как процессуальная гарантия реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Юристъ-правоведь. 2019. № 3 (90). С. 59-65.
5. По делу о проверке конституционности пункта 9 части 1, части 2, части 13 статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 г. № 392-О по запросу Верховного суда Республики Карелия // Собрание законодательства РФ. 2005. № 10.
6. Степанова И.А. Допрос обвиняемого как процессуальное средство защиты // Студенческая наука и XXI век. 2017. № 14. С. 477-478.
7. Сумин А.А. Проблемы раскрытия доказательств // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 77-78.
8. Яковлева С.А. Вопросы институционализации уголовно-процессуальных отношений между должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, и обвиняемым // Российский следователь. 2015. № 1. С. 10-14.

УДК: 343.132

А.С. Князьков, доктор юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: ask011050@yandex.ru;

А.В. Шебалин, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: shebalinav@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматриваются проблемные положения криминалистической классификации следственных действий, предлагается методологический подход классифицирования с учетом сущности поисково-познавательной деятельности субъектов расследования преступлений. Рассматриваются подходы к пониманию природы информационной деятельности в уголовном процессе, криминалистике и в теории оперативно-розыскной деятельности. Акцентируется внимание на неразрывности чувственного познания и логического мышления в ходе работы по уголовному делу. Рассматривается соотношение понятий «коммуникативные следственные действия» и «вербальные следственные действия». Дается критика новых подходов к классифицированию следственных действий. В качестве основания группизации следственных действий предлагается такое обстоятельство, как специфика тактико-криминалистического воздействия на источники информации. Рассматривается значение вербального и невербального тактического воздействия применительно к производству вербальных, невербальных, а также смешанных следственных действий.

Ключевые слова: поисково-познавательная деятельность, вербальные следственные действия, невербальные следственные действия, тактико-криминалистическое воздействие, криминалистическая систематика и классификация.

A.S. Knyazkov, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia

E-mail: ask011050@yandex.ru;

A.V. Shebalin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia

E-mail: shebalinav@mail.ru

PROBLEMS OF CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The article examines the problematic provisions of the criminalistic classification of investigative actions, proposes a methodological approach to classification, taking into account the essence of the search and cognitive activity of the subjects of crime investigation. Approaches to understanding the nature of information activity in criminal proceedings, criminalistics and in the theory of operational-search activity are considered. Attention is focused on the inseparability of sensory knowledge and logical thinking in the course of work on a criminal case. The relationship between the concepts of «communicative investigative actions» and «verbal investigative actions» is considered. The criticism of new approaches to the classification of investigative actions is given. As a basis for the grouping of investigative actions, such a circumstance as the specifics of tactical and forensic influence on sources of information is proposed. It is noted that taking into account the forensic essence of investigative actions acts as a methodological basis for classifying investigative actions and excludes the possibility of their arbitrary division. The significance of verbal and non-verbal tactical influence in relation to the production of verbal, non-verbal and mixed investigative actions is considered.

Key words: search and cognitive activity, verbal investigative actions, non-verbal investigative actions, tactical and forensic impact, forensic taxonomy and classification.

Обращение к проблемам криминалистической классификации следственных действий предопределено тем, что следственное действие выступает формой тактической деятельности, основой реализации тактико-криминалистических средств [19, с. 23-47]. Их решение позволяет уточнить те или иные аспекты поисково-познавательной деятельности следователя и иных субъектов уголовного судопроизводства.

О том, что криминалистическая деятельность, осуществляемая путем производства следственных и иных процессуальных действий, названных в ст. 144 УПК РФ, носит поисково-познавательный характер, указывают многочисленные авторы. Так, отмечается, что «...предметом криминалистического изучения применительно к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений являются поисково-познавательные и организационно-управленческие процессы в ходе такой деятельности» [32, с. 25]. Рассматривая методические вопросы криминалистики, В.А. Образцов подчеркивает, что «...объектом криминалистического изучения и обеспечения является поисково-познавательная деятельность (практическое следование) должностных лиц органов, профессионально ведущих борьбу с преступностью уголовно-правовыми средствами, а также специалистов экспертно-криминалистических подразделений и судебных работников, осуществляющих правосудие по уголовным делам» [23, с. 26].

Характеризуя сущность криминалистического познания, О.В. Полстовалов указывает на важное методологическое положение, состоящее в том, что «...нельзя рассматривать распознавание как самоцель или новую универсальную парадигму научной и практической деятельности. Должна работать система "распознавание – интерпретация (осмысление) – выводы – принятие решения – действие"» [24, с. 20].

В том или ином контексте ведут речь именно о поисково-познавательной криминалистической деятельности и другие известные авторы [21, с. 75; 22, с. 7]. Фактически о поисково-познавательной деятельности и следователя, и судьи говорил А.В. Дулов, замечая, что опосредованное восприятие судом деяния приводит к «более сложному процессу образования мысленной модели» [14, с. 365]; как известно, построение такого системного образования, как модель, и оперирование ею невозможно без поиска взаимосвязей между составляющими её элементами.

Идею поиска и познания необходимых сведений как неразрывных аспектов деятельности следователя отстаивал в своих работах С.А. Шейфер. «Производя следственные действия, – отмечал он, – следователь обнаруживает следы, извлекает содержащуюся в них и относящуюся к делу информацию (оставляя без внимания то, что к делу не относится), преобра-

зуя ее в своем сознании и фиксируя в процессуальных актах» [29, с. 16]. Еще более четко выражает данную идею Л.А. Воскобитова, подчеркивая, что «...познающий субъект не получает событие объективной реальности в готовом виде со всеми его юридическими характеристиками и проявлениями его преступного характера. Он сам собирает то, что, по его субъективному мнению, имеет юридическое значение» [11, с. 60], т.е. осуществляет поиск-познание. Неслучайно чаще всего следственные действия в содержательном плане рассматриваются как совокупность поисковых, познавательных и удостоверительных операций [9, с. 8]. Очевидно, что эти операции не представляют собой нечто изолированное друг от друга, предполагающее их отдельное выполнение в обособленном пространственно-временном континууме, и лишь затем отыскание возможностей их «объединения» в контексте криминалистических целей и задач следственного действия. Нельзя в этой связи не согласиться с тем, что «всякая попытка отделить чувственное познание от логического мышления ведет к идеализму» [7, с. 8].

В работах представителей теории оперативно-розыскной деятельности также отмечается неразрывная связь чувственного и рационального, указывающая на природу поисково-познавательной деятельности, в силу чего «практические методы ОРД имеют ... явно выраженную разведывательно-поисковую направленность познания фактических обстоятельств совершения преступления» [16, с. 36].

Акцентирование нашего внимания на поисково-познавательном характере деятельности следователя предопределено необходимостью отыскания сущностных начал криминалистической классификации следственных действий, позволяющих во многом точно оценить проявляющиеся в настоящий момент неординарные подходы к их классифицированию, ведущему к называнию значительного числа групп следственных действий. Так, предлагается выделять такие классификационные образования, как: коммуникативные следственные действия, к которым отнесены допрос и очная ставка; поисковые следственные действия, включающие различные виды следственного осмотра, освидетельствование, обыск и выемку; экспериментальные следственные действия, представленные следственным экспериментом, предъявлением для опознания, проверкой показаний на месте; блокирующие следственные действия, куда вошли наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; наконец, исследовательские следственные действия, охватываемые одним следственным действием, а именно судебной экспертизой [3, с. 5-6].

Небезынтересно, что ранее автор этой разветвленной классификации подчеркивал особую значимость деления следственных действий на вербальные и невербальные, отображающего криминалистическую (а не уголовно-процессуальную) сущность следственного действия, дающую возможность понять «дух» следственного действия [2, с. 180]. Соответственно, назначение и производство судебной экспертизы, освидетельствование и осмотр места происшествия были отнесены им к группе невербальных следственных действий [2, с. 181].

Объяснение кардинальной смены подхода состояло в том, что непосредственный или опосредованный процесс получения доказательственной информации является «малосущественным для криминалистики основанием классификации следственных действий» [5, с. 6], поскольку «теоретическая направленность данной классификации предопределяет затруднительность ее использования и, как следствие, незначительную ее тактико-криминалистическую ценность» [5, с. 6], не учитывающую «деятельностную природу криминалистической тактики как раздела», «исходя из содержательного аспекта приоритетной деятельности при их совершении» [5, с. 7].

Оценивая такой «методологический разворот», следует заметить, что в основе традиционной классификации следственных действий однозначно лежит учет деятельностной природы криминалистической тактики (поскольку речь идет о процессе получения информации), а любая классификация, как и предлагаемая, имеет определенную теоретическую направленность. Более того, неясен «посыл» о том, что «с точки зрения целесообразности затруднительно обосновать акцент в криминалистических исследованиях на такие теоретические положения следственного действия, как его природа, сущность, задачи» [5, с. 206], поскольку в науке познать явление иным образом, не прибегая к отмеченным теоретическим положениям, нельзя [20, с. 15], если только не сводить целесообразность научного познания к его эмпирическому упрощению.

Будучи научным методом, классифицирование, как и любой другой научный метод, призвано отыскивать с позиции криминалистики структурированные определенным образом свойства объемлемого тем или иным понятием явления, его сущностные проявления, не подменяя их построениями, основывающимися на некотором внешнем совпадении отдельных признаков составляющих его элементов [13, с. 3-4]. С позиции данного подхода позволим вкратце оценить научную значимость уже упомянутой расширенной классификации следственных действий. Отличительным признаком поисковых следственных действий прежде всего называется то обстоятельство, что «познавательная деятельность в процессе

поисковых следственных действий характеризуется ретроспективной направленностью» [4, с. 16]: очевидно, что таким образом может быть охарактеризовано любое следственное действие, отнесенное к любой группе, поскольку познать можно то, что уже проявило себя.

Дальнейший анализ криминалистической природы поисковых следственных действий приводит названного автора к мысли о том, что «...под целью поискового следственного действия целесообразно понимать получение в процессе поиска криминалистически значимой информации о событии преступления и личности преступника» [4, с. 17]. Нельзя не заметить, что с позиции понимания цели этой группы следственных действий они ничем не отличаются от следственных действий, отнесенных к иным, например к коммуникативным, следственным действиям. При характеристике сущности так называемых поисковых следственных действий отмечается, что они «...носят ярко выраженный **поисково-познавательный характер**» [4, с. 16], из чего можно заключить, что иные следственные действия, независимо от того, в какие иные группы они будут включены, такой степенью выраженности поисково-познавательных качеств, по мысли данного автора, не обладают, что, разумеется, неправильно.

Что касается тезиса о приоритетной деятельности следователя как основании классификации следственных действий, то на примере так называемых поисковых следственных действий, характеристика которых заключена в отыскании объектов, виден результат отхода от задачи выяснения сущности следственного действия в пользу неких внешних параметров. Рассматривая вопрос о тактике производства осмотра места происшествия, Д.А. Турчин еще полвека назад правильно отмечал, что сущностью данного следственного действия является исследование, и следователь на месте происшествия выступает не как регистратор того, что он отыскал, а как субъект, осуществляющий познание, представляющее собой активную форму деятельности: иное понимание осмотра места происшествия чревато ошибками [27, с. 10].

Ни о каком поиске как приоритетном направлении тактической деятельности следователя не идет речи при производстве выемки, которая, как уже отмечалось, отнесена указанным автором к так называемым поисковым следственным действиям. При выемке не отыскивают, а изымают то, что отыскивать не надо – на это указывает правило ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в соответствии с которым речь идет об изъятии определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у **кого** они находятся.

Нельзя не заметить при этом, что сущность криминалистики заключена не в работе с материальными объектами, а в работе со следами, в т.ч. идеальными, поскольку именно след является «неделимым элементом, тем "кирпичиком", который лежит в фундаменте здания» [8, с. 63]. Кроме того, неясно, о каком поиске объектов можно будет вести речь, когда следственный осмотр касается предметов, предоставленных следователю теми или иными субъектами.

Поисково-познавательный характер присущ и следственным действиям, отнесенным по общепризнанной классификации к вербальным следственным действиям, в т.ч. проводимым с помощью метода моделирования [10, с. 50-52], что делает спорным мнение о том, что моделирование есть сущностная характеристика лишь так называемых экспериментальных следственных действий [5, с. 8]. Дело в том, что идеальные следы не предстают перед следователем непосредственно: они должны объективироваться в словесную формулу. Соответственно, можно сказать, что «явление» следователю «идеального предмета» – высказываний допрашиваемого – также порождает у следователя соответствующую мысль о реферируемых обстоятельствах, и в этом случае справедливым будет утверждение о том, что следователь «отыскал» необходимые ему сведения, указывающие на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Применительно к производству опознания верны слова А.А. Эйсмана о том, что предъявление предмета порождает у того, кому он предъявлен, соответствующую мысль о свойствах этого предмета (т.е. происходит отыскание в сознании воспринимающего лица сведений, касающихся свойств демонстрируемого предмета) [31, с. 14]. Данное методологическое положение не учитывается автором расширенной классификации следственных действий: после включения в число так называемых экспериментальных следственных действий предъявления для опознания им делается примечательная оговорка о том, что в отличие от следственного эксперимента для опознания характерно «отсутствие экспериментальных (опытных) действий, характеризующихся даже простейшей природой» [5, с. 233]. Соответственно, отнесение к числу так называемых экспериментальных следственных действий опознания является далеко небесспорным, не учитывающим важнейшего положения о том, что главным в содержании следственного эксперимента, построенного на задействовании экспериментального метода, является специальный опыт [6, с. 12], которого нет и не может быть при опознании.

Не может присутствовать эксперимент и в ходе производства проверки показаний на месте, отнесенной указанным автором также к числу экспериментальных следственных действий. Несложно пред-

ставить ситуацию, когда в ходе допроса обвиняемый утверждал, что при совершении убийства он, стоя, широко замахнулся и нанес удар, например, топором. При проверке его показаний на месте оказалось, что даже небольшой по амплитуде замах невозможен в силу низкого потолка в помещении, в котором произошло убийство, а поэтому следователь решил проверить, может ли сделать проверяемый сильный замах топором и нанести им удар, стоя на коленях. В этом случае мы имеем дело с опытом (изменением параметров действия), т.е. следственным экспериментом, и показания, данные этим лицом при допросе, очевидно, являются ложными.

Таким образом, если при исследовании материальной обстановки путем анализа соответствующих следов отыскивается и познается материально выраженная связь между предстоящими перед следователем материальными объектами, то при допросе взаимосвязь между материальными объектами (например, между преступником и потерпевшим, между орудием взлома и преградой) опосредуется семантической взаимосвязью между речевыми объектами – высказываниями.

Представляется верным характеризовать направленность поисково-познавательной деятельности любого следственного действия посредством оперирования понятием «криминалистические цели следственного действия». Содержанием данного понятия выступает осуществляемый в ходе производства следственных действий (а кроме того, и в ходе производства иных уголовно-процессуальных действий) анализ причинно-следственных и основанных на них иных связей между элементами криминалистической характеристики преступления [17, с. 478-481]. О правильности этого суждения свидетельствует развернутое исследование М.Е. Игнатьева проблем причинно-следственных связей между элементами механизма преступления, включающего способы преступления и иные обстоятельства [15].

Попытка отнести следственные действия в отдельную группу лишь на основании внешне нейтральных действий, не отображающих сущностную характеристику поисково-познавательной деятельности следователя, приводит указанного автора к выделению так называемых блокирующих следственных действий. Они представлены наложением ареста на почтово-телеграфные отправления, контролем и записью переговоров, получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Закономерно возникает вопрос о том, что блокируется в этих случаях, если, разумеется, под именем блокирования, как это следует из содержания использованного термина, понимается создание ситуации невозможности выполнения определенных действий. Очевидно, например, что за-

прос информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не препятствует ни деятельности оператора сотовой связи, ни использованию определенным лицом сотового телефона, в отношении которого запрашивается соответствующая информация [30, с. 117-132]. Ни о каком блокировании не идет речи и в ходе производства контроля и записи переговоров, о чем свидетельствуют правила, закрепленные в ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров». Такого рода классифицирование не учитывает положения о том, что сущность следственного действия не может быть определена ни из его названия, ни из смысла закона [26, с. 8].

Трудности тактико-криминалистической классификации следственных действий предопределены тем, что каждое из них в тактико-криминалистическом плане включает большее или меньшее число специфических тактико-криминалистических приемов, позволяющих в конечном счете отличать в криминалистическом плане одно следственное действие от другого. По этой причине относить в одну классификационную группу следственные действия, имеющие разную сущностную характеристику, будет неточным. Очевидно, требуется название такого обстоятельства, которое будет одинаковым по отношению к сущностным криминалистическим характеристикам ряда следственных действий, иметь опосредованный вид. Таким обстоятельством с учетом особенностей тактико-криминалистической деятельности, строящейся на феномене тактико-криминалистического воздействия, может выступать только характеристика объекта тактического воздействия: материального, идеального и смешанного, а само тактическое воздействие представляет воздействие, оказываемое применением разработанных в науке способов действий и их систем, направленное на преобразование материальных и идеальных объектов, выступающих в качестве информационных систем и проявляющих себя в виде сведений об их элементах, структуре, свойствах и состояниях, имеющих значение для оптимизации следственных ситуаций и в конечном счете для реализации назначения уголовного судопроизводства [18, с. 18].

В этом случае учет криминалистической сущности следственных действий будет играть важную методологическую роль, ограничивая «снизу» возможности объективной криминалистической классификации следственных действий. При таком подходе исключается ошибка произвольного объединения в одну группу следственных действий, имеющих лишь некоторое внешнее сходство, обусловленное тем, что при производстве тех или иных следственных действий применяется незначительное число одинаковых тактических приемов, не определяющих при этом суть этих следственных действий.

Существующая криминалистическая классификация следственных действий, принятая в настоящий момент криминалистическим сообществом, основана на характеристике объекта тактического воздействия. Результатом классифицирования следственных действий с учетом характера тактического воздействия, обусловленного преобладанием тех или иных тактических приемов, является название группы вербальных и невербальных следственных действий, а кроме того, и группы, в которую отнесены смешанные следственные действия [28, с. 33-34; 12, с. 190].

Такое деление носит в определенной мере условный характер, поскольку за редким исключением тактическому воздействию подвергаются при производстве того или иного следственного действия исключительно материальные или идеальные объекты. Весьма точно данное положение отображено С.Б. Россинским: в названии его исследования слово «невербальных» взято в кавычки [25], поскольку, как верно отмечает автор, «с учетом многообразия толкования термина "невербальный" в уголовно-процессуальной литературе... он используется с определенной долей условности и преднамеренно берется в кавычки» [25, с. 14]. Заметим, что эта условность во многом меньше той условности, которая возникла в результате предложения критикуемой нами классификации, поскольку не влияет на выяснение криминалистической сущности следственных действий.

Следует согласиться с тем, что понимание невербальных следственных действий обусловлено «...непосредственным, наглядно-образным восприятием дознавателем, следователем, судом значимых для уголовного дела материальных фрагментов объективной реальности и лежащего в основе следственного (судебного) осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и тому подобных следственных и судебных действий» [25, с. 14].

Суть вербальных следственных действий определяется тем, что при их производстве происходит восприятие сведений, выраженных «в условно-знаковой (вербальной) форме, которые трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством рационального мышления дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. При этом в протоколе вербального следственного действия фиксируются не мысленные образы, а только сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками» [25, с. 17].

В отличие от понятия «коммуникативные следственные действия», понятие «вербальные следственные действия» является более точным, поскольку в полной мере отображает, во-первых, характер тактико-криминалистического воздействия, во-вторых, смысловое содержание такого воздействия,

и в-третьих, то обстоятельство, что лишь речевая реакция субъекта, которому было адресовано названное воздействие, может быть отображена в протоколе следственного действия как основной форме фиксации его хода и результатов. Более того, и мимика, и жесты, и вазомоторные проявления есть реакции именно на слово. Однако в силу их неконкретного смыслового содержания они остаются за рамками протокола названного следственного действия. Лишь в некоторых случаях такие реакции могут вызывать не сопровождаемые словами действия следователя, например внезапное предъявление допрашиваемому вещественных доказательств, однако эти действия имеют точное смысловое содержание, отличающее их по данному признаку от проявлений мимики. Соответственно, коммуникативность как классификационный признак группизации следственных действий получает с точки зрения уголовно-процессуального доказывания неполный, урезанный вид.

Очевидно, что вербальность как основа коммуникации имеет место при организации и производстве любого следственного действия. По этой причине с точки зрения задачи криминалистического классифицирования следственных действий требуется сформулировать подход, позволяющий оценить разное значение вербальных и невербальных действий в рамках конкретного следственного действия для получения именно доказательственной информации. Представляется, что следственное действие будет невербальным тогда, когда производимое в ходе его производства вербальное воздействие уточняет направление исследования материальной обстановки. Применительно к производству обыска вербальное воздействие, осуществляемое посредством тактического приема, получившего название «словесная разведка», лишь позволяет более или менее точно обнаружить место возможного скрывания отыскиваемого объекта. Получение же доказательственной информации возможно только путем непосредственного, наглядно-образного восприятия участниками следственного действия такого места и обнаруженного там объекта. В отношении производства проверки показаний на месте, являющейся невербальным, смешанным следственным действием, вербальное воздействие позволяет достичь цели получения доказательственной информации как результата непосредственного, наглядно-образного восприятия участниками следственного действия демонстрируемых проверяемым лицом действий, участков, на которые

проверяемое лицо укажет как на места нахождения не отысканных в ходе осмотра места происшествия объектов. Такую же роль выполняет вербальное воздействие в ходе производства следственного эксперимента: доказательственной будет информация, полученная в результате непосредственного, наглядно-образного восприятия участниками следственного действия демонстрируемых проверяемым (иным) лицом тех или иных действий. Невербальным нужно считать и производство опознания, поскольку вербальное тактическое воздействие следователя на опознающее лицо преследует цель подготовить его к эффективному восприятию объекта, представленного непосредственно для его наглядно-образного восприятия, а высказывание опознающего о результатах идентификации этого объекта есть доказательственная информация, полученная в результате отмеченного восприятия.

Иным будет поисково-познавательное значение вербального воздействия в собственно вербальных следственных действиях: здесь оно выступает тактическим средством получения доказательственной информации, выраженной в условно-знаковой форме. Соответственно, вербальным следственным действием, помимо допроса, будет очная ставка.

Таким образом, поисково-познавательная деятельность осуществляется с помощью любого из следственных действий, и содержательно она состоит в отыскании взаимосвязей между криминалистически значимыми обстоятельствами, проявившими себя в ходе подготовки (по умышленным деяниям), совершения и сокрытия преступления, а кроме того, как справедливо отмечают некоторые авторы, и в ходе преодоления противодействия расследованию, совершаемого в форме преступной деятельности [1, с. 12]. Предлагаемый в настоящей статье подход к классифицированию следственных действий позволяет видеть в каждом из следственных действий его поисково-познавательное начало, в т.ч. путем определения соотношения возможностей вербального и невербального тактико-криминалистического воздействия на источники доказательственной информации. Именно на основе определения такого соотношения может быть уточнена различная тактико-криминалистическая сущность каждого из следственных действий, оценена ситуационная ценность того или иного тактического приема, разработанного криминалистикой и применяемого в практике расследования уголовных дел.

Литература

1. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 53 с.
2. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

3. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
4. Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 344 с.
5. Ахмедшин Р.Л. Тактика экспериментальных следственных действий: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 320 с.
6. Белкин Р.С. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961. 40 с.
7. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид. лит-ра, 1969. 216 с.
8. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
9. Бочинин С.А. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 27 с.
10. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учебное пособие. Калининград: Калининград. ун-т, 1997. 95 с.
11. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истинности // Библиотека криминалистики. 2012. № 4 (5). С. 56-64.
12. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография. М.: ЛексЭст, 2002. 308 с.
13. Головин А.Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 3-4.
14. Дулов А.В. Судебная психология. Изд. 2-е, испр. и доп. Минск: Вышэйшая школа, 1975. 464 с.
15. Игнатъев М.Е. Криминалистическая теория и практика установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 53 с.
16. Климов И.А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 47 с.
17. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
18. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. 506 с.
19. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
20. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 269 с.
21. Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 442 с.
22. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 404 с.
23. Образцов В.А. Криминалистика как наука и учебная дисциплина // Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 2002. С. 21-45.
24. Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. 642 с.
25. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 525 с.
26. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. 240 с.
27. Турчин Д.А. Исследование места происшествия (технические, тактические и психологические вопросы осмотра): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1968. 22 с.
28. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
29. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2004. 191 с.
30. Шебалин А.В. Расследование хищений средств сотовой связи: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2010. 224 с.
31. Эйсман А.А. Логика доказывания. М.: Юридическая литература, 1971. 112 с.
32. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М.: Юристъ, 2005. 174 с.

УДК 343.13

В.В. Колесник, канд. юрид. наук

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

E-mail: nikkipohta@mail.ru

ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНЦЕПЦИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДОМ

Настоящая статья является продолжением серии публикаций автора, посвященных проблеме стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом. Автор анализирует уголовно-процессуальную деятельность и последовательно обосновывает разрешение уголовно-правового конфликта в виде цели уголовного процесса. Приводятся соответствующие аргументы, подтверждающие необходимость стимулирования участников уголовного процесса для достижения данной цели. Также делается вывод о единстве цели стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом и цели всего уголовного процесса.

Ключевые слова: цель уголовного процесса, стимулирование участников уголовного процесса, сотрудничество, уголовно-правовой конфликт, органы предварительного расследования, суд.

V.V. Kolesnik, Candidate of Juridical Sciences

Rostov branch of the Russian State University of Justice

E-mail: nikkipohta@mail.ru

PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONCEPT OF ENCOURAGING PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS TO COOPERATE WITH PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES AND THE COURT

This article is a continuation of the author's series of publications on the problem of encouraging participants in criminal proceedings to cooperate with the preliminary investigation bodies and the court. Here, criminal procedure is analyzed and consistently substantiated in the form of the goal of the criminal process - the resolution of the criminal law conflict. There are relevant arguments confirming the need to stimulate participants in the criminal process to achieve this goal. The author concludes that the purpose of encouraging the participants in the criminal proceedings to cooperate with the preliminary investigation bodies and the court and the purpose of the entire criminal proceedings is the same.

Key words: purpose of criminal process, stimulation of participants in criminal process, cooperation, criminal-legal conflict, bodies of preliminary investigation, court.

Как известно, основу и направление любой деятельности определяет ее цель, которая, в свою очередь, и формирует функции участников данной деятельности. Уголовно-процессуальная деятельность в этом смысле не является каким-либо исключением. Напротив, цель уголовного процесса указывает всей системе уголовного правосудия, какой ей быть, на каких принципах выстраивать уголовно-процессуальные правоотношения. Несмотря на то что в самом уголовно-процессуальном законе не приводятся положения о цели уголовного процесса, и правоприменительная практика, и уголовно-процессуальная наука всем своим содержанием убеждают нас в том, что цель уголовного процесса все-таки имеется и она достигается. Причем мы не берем в учет назначение уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), которое, очевидно, с целью уголовного процесса находится в крайне тесной взаимосвязи, но не является одним и тем же. Хотя и некоторыми авторами проводится отождествление цели и назначения уголовного процесса, ссылаясь при этом на толковый словарь С.И. Ожегова [9], мы не разделяем подобной позиции. Нельзя согласиться с тем, что раз в толковом словаре цель и назначение в одних из смыслов могут считаться синонимами, то они всегда будут таковыми (указанный словарь также содержит иные смыслы: цель понимается как предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить, а назначение как область, сфера применения кого-чего-нибудь [1]). Каждый случай применения того или иного термина или понятия индивидуален, шаблонность при интерпретации не уместна, даже если она крайне удобна для анализа. Так и в нашем исследовании. Полагаем, что под целью уголовного процесса необходимо понимать результат, на достижение которого он (уголовный процесс) направлен, а назначение уголовного процесса отвечает на вопрос «для чего он (уголовный процесс) нужен». И это имеет подтверждение.

Как можно заметить, в словаре С.И. Ожегова цель указывает на определенный итог, к которому приходит субъект в ходе деятельности, т.е. что-то конечное, достижимое. Больше всего подходит по смыслу «результат». Объясним почему: в Большой советской энциклопедии цель понимается как один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении именно результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств [2]. Результат, а не процесс и не деятельность. Статья 6 УПК РФ говорит о защите, т.е. как о дящемся процессе, деятельности, но не как о результате. Даже это обстоятельство подтверждает расхождение смыслов между понятиями «цель» и «назначение». Разумеется, следует признать, что использование законодателем формулировки «назначение уголовного судопро-

изводства» не является удачным, поскольку достижение цели можно оценить, а вот назначение не получится. Назначение уголовного процесса существует как нечто светлое, доброе... Нереальное. Не будем углубляться в эту нишу далее, в противном случае есть риск наткнуться на обстоятельства, указывающие на то, что такой ход законодатель сделал намеренно, на всякий случай, для того, чтобы уберечь уголовное судопроизводство и, соответственно, его субъектов от «обвинений» в недостижении цели уголовного процесса. Возможно, на это же нам указывают Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 г., а также УПК РСФСР 1960 г., в которых были обозначены цели уголовного процесса (достижение объективной истины) и которые в дальнейшем исчезли из юридического поля. Пожалуй, на отказ от такой цели повлияла именно невозможность ее достижения. Споры об этом не утихают до сих пор. Некоторые авторы выступают против института объективной (материальной) истины [17], а другие отстаивают на научном и законотворческом поприще его возвращение [13]. О такой цели уголовного процесса говорили и при исследовании альтернативных, согласительных, восстановительных и иных однородных процедур уголовного процесса.

П.В. Эдилова, анализируя проблемы правового регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве, акцентирует внимание на объективной истине как цели уголовного процесса [16, с. 50-58]. При этом данный автор приводит позиции иных авторов, которые писали о юридической истине, объективной истине, а также материальной истине при исследовании цели уголовного судопроизводства (например, М.С. Строгович, М.А. Чельцов, В.Т. Томин, А.Р. Белкин, Г.П. Корнев, А.П. Рыжаков и др.). Однако П.В. Эдиловой не только не раскрывается собственное отношение к объективной либо иной истине (следует ли считать установление объективной истины целью уголовного процесса или нет, непонятно), но и не затрагиваются другие возможные цели уголовного процесса (имеется лишь оговорка, что таковые бывают).

Полагаем, затруднение вызвано не тем, что автор недостаточно разобрался в сущности данного института, а в том, что применительно к согласительным процедурам установка цели – достижение объективной или какой-либо иной истины – не допустима. Все просто. Истина не достижима. Как бы отчаянно не выступали сторонники данного института, истина существовала только непосредственно в момент совершения преступного деяния, а после ее уже нет, есть только субъективное восприятие события преступления, следовой картины, материалов уголовного дела и т.д. В нашей концепции не может быть цели уголовного процесса, которая не имеет ни

четких границ, ни одинакового восприятия. Верное определение цели уголовного процесса также влияет на цель уголовно-процессуального сотрудничества, а также его стимулирование.

Имеются и иные позиции. Логика изложения параграфа «Назначение досудебного соглашения о сотрудничестве» в монографии Т.В. Топчиевой доказывает верность ее названия. Прежде чем перейти непосредственно к назначению досудебного соглашения о сотрудничестве, ею изучается цель и назначение уголовного процесса. При всем этом автор принимает за основу уже существующие концепции целей: расследование преступлений; изобличение виновных и привлечение их к ответственности, справедливое наказание виновных лиц, достижение истины, борьба с преступностью [14, с. 22]. Не прикладывая особых усилий к анализу приведенных вариаций целей уголовного процесса, ею заключается, что «под целью современного уголовного судопроизводства мы будем понимать защиту прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений, а также традиционные для отечественного процесса положения: «...изобличение виновного в совершении преступления, привлечение его к уголовной ответственности и назначение справедливого наказания» [14, с. 28]. Помещая чужой вывод в свое положение (в кавычках приводится позиция И.А. Чердынцевой [15, с. 175]), Т.В. Топчиева не учитывает специфику согласительно-восстановительных процедур, одной из разновидностей которых является досудебное соглашение о сотрудничестве. Хотя уже относительно цели досудебного соглашения о сотрудничестве пишет, что досудебное соглашение о сотрудничестве преследует такую цель, как содействие подозреваемого (обвиняемого) следствию в расследовании групповых преступлений и выявление ранее неизвестных преступлений [14, с. 120]. Из этого видно, что «содействие» практически не укладывается в предложенную ею цель уголовного процесса. На наш взгляд, шаблонное понимание целей уголовного процесса в данном случае недопустимо.

Подобные позиции приводятся и другими авторами. Е.И. Попова указывает, что следователь при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен идти на компромисс с подозреваемым (обвиняемым), при этом преследуя единственную цель – обеспечение всесторонности, объективности и быстроты расследования [11, с. 275-278]. Разумеется, установление такой цели уголовного процесса укладывается в систему координат действующего уголовного судопроизводства, однако не учитывает особенности согласительного производства.

Неверная интерпретация понятия «цель» присуща не только в целом уголовному процессу, но и отдельным его институтам, в частности досудеб-

ному соглашению о сотрудничестве. М.Е. Кубрикова в своей кандидатской диссертации цель заключения досудебного соглашения о сотрудничестве определила как активное содействие лица, согласившегося сотрудничать со следствием, раскрытию преступления, выявлению соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления [5, с. 87]. На наш взгляд, такая цель не совсем корректно сформулирована, поскольку цель предполагает результат, нежели действие. Кроме того, подобное понимание существенно сужает истинный смысл данной согласительно-восстановительной процедуры.

Некоторые ученые приводят более глобальную цель досудебного соглашения о сотрудничестве. Например, А.С. Александров и И.А. Александрова ее видят в борьбе с преступностью [1, с. 10]. Другие авторы цели данного института разграничивают. Так, Я.В. Лошкбанова указывает, что целью досудебного соглашения о сотрудничестве выступает получение достоверной информации от подозреваемого, обвиняемого по обстоятельствам (всем или их части), перечисленным в уголовно-процессуальном законе [8, с. 44]. Однако уже позже приходит к выводу, заключающемуся в необходимости разграничения цели досудебного соглашения о сотрудничестве: для должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, цель – достоверная информация, для подозреваемого, обвиняемого – смягчение наказания [8, с. 45].

Ни один из предложенных вариантов не охватывает истинный смысл уголовно-процессуального сотрудничества. В этой связи установление истины, борьба с преступностью признаются нами дефектными в рамках нашей концепции стимулирования уголовно-процессуального сотрудничества, а также в целом в рамках уголовного процесса. Нами ранее отмечалось, что цель и функции уголовного процесса следует рассмотреть в двух ипостасях: с одной стороны, цель как формирование системы доказательств, с другой – разрешение уголовно-правового конфликта. Причем, последний вариант цели предполагает несколько иную форму и тип уголовного процесса, связанный с установлением полноценной состязательности и компромиссной (восстановительной, согласительной) формы уголовного процесса.

Кроме этого, было установлено, что сотрудничество участников уголовного процесса есть совместная деятельность лиц, участвующих в уголовном процессе, в целях разрешения уголовно-правового конфликта (спора). Это связано с тем, что разрешение уголовно-правового конфликта (спора) имеет определенную универсальность и реалистичность и может быть единым для всех участников уголовного процесса. Однако возникает сомнение относи-

тельно должной цели и реальной цели совместной деятельности. Если должная цель – это разрешение уголовно-правового конфликта, то реальная – формирование системы обвинительных доказательств при сотрудничестве с органами предварительного расследования, разрешение уголовного дела по существу при сотрудничестве с судом.

Имеется некая цель, например, органа предварительного расследования или суда, а лицо, сотрудничающее с ним, принимает участие в деятельности именно этих субъектов в их целях: цель стороны обвинения – например, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; формирование системы обвинительных доказательств, а цель стороны защиты – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; формирование оправдательных доказательств и т.д. Полагаем, истинная совместная деятельность должна предполагать в целом уголовно-процессуальную деятельность в общих целях, а не конкретной стороны уголовного процесса или суда.

Наши умозаключения находят подтверждение в позициях других авторов. Так, по мнению Э. Эшурта, существует две парадигмы при определении целей уголовного процесса: «парадигма наказания» – ключевой целью уголовного процесса выступает применение наказания (репрессии), которое восстанавливает «мир» между государством и преступником; «парадигма восстановления» – ключевая цель уголовной юстиции – должна быть не в том, чтобы наказать (покарать), а в том, чтобы восстановить права лица, пострадавшего от преступления, и эвентуально права государства [19, с. 34-35]. Обе парадигмы находятся в тесной взаимосвязи и подтверждают мысль о том, что цель уголовного процесса не следует искать в объективной истине, борьбе с преступностью. Напротив, подобное понимание позволяет усилить аргументы в пользу разрешения уголовно-правового конфликта как цели уголовного процесса.

Идея установления разрешения уголовно-правового конфликта в качестве цели уголовного процесса не нова. Об этом свидетельствуют как диссертационные исследования, монографии, так и отдельные публикации, в которых не только в содержании, но и в наименовании содержится соответствующая формулировка. Здесь можно назвать работы Л.В. Головки [4], А.А. Брыжинского [3], Е.В. Попаденко [10], Ю.В. Кувалдиной [6], М.А. Лавнова [7] и др. При всем этом о концепции стимулирования уголовно-процессуального сотрудничества с целью разрешения уголовно-правового конфликта не упоминалось. Более того, никем такая цель не ставилась как основная в уголовно-процессуальном сотрудничестве. С одной стороны, это подтверждает научную новиз-

ну и придает значимость авторским идеям, с другой – усложняет научный поиск, заставляя пробираться к истине через руины смежных проблем.

Под конфликтом принято понимать столкновение, серьезное разногласие, спор [9, с. 246]. Если иметь в виду уголовно-правовой конфликт, то спор, разногласие или столкновение должны происходить в уголовно-правовой плоскости. Учитывая то, на что направлено уголовное право, уголовный закон, можно предположить, что данный спор возникает и существует на почве совершенного преступного деяния или деяния, содержащего признаки преступления. Следовательно, имеется личность с охраняемыми уголовным законом правами, свободами и законными интересами либо общество или государство также с охраняемыми уголовным законом интересами, и есть лицо, которое нарушило указанные права, свободы и законные интересы. По поводу этого нарушения и возникает конфликт. Нарушение охраняемых уголовным законом прав, свобод и законных интересов и есть предмет конфликта. Сторона защиты и сторона обвинения выступают сторонами конфликта, субъектами конфликта.

При этом лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, и лицо, общество и государство, в отношении которых это совершено, будут непосредственными или прямыми субъектами конфликта. А иные участники уголовного процесса как со стороны защиты, так и со стороны обвинения являются косвенными субъектами конфликта. Кроме этого, специфика уголовно-правового конфликта состоит в том, что здесь обязательное правило конфликтов (противоборствующие стороны должны непосредственно совершать активные действия друг против друга) действует иначе: зачастую активно лишь лицо, совершающее преступное деяние, а другая сторона пассивна, если говорить об обществе и государстве, то тем более. Но здесь нужно учитывать, что противоборство происходит не только во время совершения преступного деяния. Напротив, после его совершения и наступает основное противостояние стороны обвинения и стороны защиты. Начинается борьба за доказательства, за свою версию события преступления. Причем сторона обвинения, а именно обвинительная власть, выступая от имени государства, выполняет действия по восстановлению и защите прав, свобод и законных интересов личности, интересов общества и государства, а сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник и т.д.) направляет свои действия не только на защиту от необоснованного подозрения, обвинения и привлечения к уголовной ответственности, но и оказывает всяческое (законное и незаконное) противодействие в отношении следователей, дознавателей, органа дознания и т.д. С этой точки зрения уголовно-правовой конфликт характеризуется не только

общими признаками конфликта, но также содержит ряд специальных черт.

Во-первых, присутствует два этапа конфликта: первый длится от возникновения умысла и совершения преступного деяния, второй – от момента обнаружения (выявления) факта преступного деяния и до разрешения конфликта в суде.

Во-вторых, противоборство заключается в том, что лицо, в отношении которого совершили преступное деяние, желает восстановления нарушенных прав и свобод, привлечения нарушителя к уголовной ответственности, субъект расследования стремится к выяснению обстоятельств произошедшего события, установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, а подозреваемый (обвиняемый), защитник нацелены на уход от уголовной ответственности, по крайней мере к ее минимизации, используя разнообразные способы противодействия.

В этой связи конфликт может происходить в самых различных формах. Наряду с основным конфликтом (между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) – назовем их так условно) может возникать и проистекать конфликт между субъектом расследования и обвинения (судом) и стороной защиты (подозреваемым (обвиняемым), защитником), а также между субъектом расследования и обвинения (судом) и потерпевшим (его представителем и т.д.). Конфликт, как и сотрудничество, может быть со всеми участниками уголовного процесса. Но это не означает, что уголовно-процессуальное сотрудничество всех со всеми предполагает конфликт всех со всеми. Такая постановка цели уголовного процесса не просто допускает сотрудничество, но и делает его реальным средством разрешения уголовно-правового конфликта. В частности, становятся возможными механизмы согласительного-восстановительного характера. Действует схема: конфликт – сотрудничество – разрешение. При этом в основе сотрудничества лежит согласие (компромисс, примирение), которое приводит к выполнению совместной деятельности для достижения единой цели. Подобная консолидация позволяет оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность, исключив из нее лишние процедуры и действия. Правоприменителям будет достаточно разрешить конфликт между противоборствующими сторонами для того, чтобы прекратить производство по уголовному делу. В таком случае сфера уголовно-процессуальных правоотношений может избавиться от дефектной системы показателей (например, по количеству возбужденных уголовных дел, по количеству направленных в суд уголовных дел с обвинительным заключением, по количеству обвинительных приговоров и т.д.).

Тем самым установление разрешения уголовно-правового конфликта целью уголовного процесса по-

зволяет разрешить вечные проблемы уголовного процесса, связанные с обвинительным уклоном и мнимой состязательностью. Как отмечает Д.А. Якупов, последствия, вызываемые обвинительным уклоном, крайне существенны: невиновный человек подвергается незаслуженному, незаконному наказанию [18]. Однако при этом, осуждая институт сделки с правосудием, им указывается, что последствия оправдательного уклона не менее чудовищны: преступник – насильник, убийца, маньяк – оказывается на свободе и продолжает совершать злодеяния; потерпевший, не веря в справедливость, в закон, в государственную защиту своих прав, сам начинает вершить правосудие; общество получает удвоение преступности и наличие такой агрессивной среды, в которой жить уже невозможно, остается только выживать [18]. Разумеется, оба уклона в уголовном процессе не могут быть представлены в какой-либо крайности. Все же данный автор, вероятно, сам является сторонником обвинительного типа уголовного процесса и в принципе не может рассуждать в отрыве от собственных взглядов. Это относится не только к данному автору. У большинства процессуалистов (как у практиков, так и у теоретиков) аналогичные установки – «вор должен сидеть в тюрьме», «кто не карает зла, тот способствует его свершению», «если дело возбуждено, то должен быть обвинительный приговор», «если возбудил уголовное дело – нельзя прекращать» и т.д. Полагаем, именно такая риторика приводит к негативным последствиям и явно демонстрирует отрицательные стороны обвинительного уклона.

Поэтому считаем, что отрицательное влияние оправдательного подхода необоснованно завышено. Известная цитата не менее известного юриста Уильяма Блэкстоуна – «Пусть лучше десять виновных останутся ненаказанными, чем пострадает один невиновный» – уже стала золотым правилом в развитых правовых системах. Данная мысль отчетливо показывает, насколько вреден обвинительный подход в уголовном процессе. Действительно, последствия незаконного наказания гораздо существеннее освобождения от уголовной ответственности. Причем не стоит это воспринимать категорично: разрешение уголовно-правового конфликта не есть оправдание виновного или освобождение от уголовной ответственности, напротив, такая цель уголовного процесса предполагает назначение наиболее адекватной и справедливой меры ответственности за совершенное противоправное деяние, которое будет устраивать конфликтующие стороны. Такая форма уголовного процесса позволяет исключить споры о соразмерности наказания, об обоснованности или необоснованности той или иной меры уголовно-процессуального реагирования. Сотрудничество позволяет разрешать неразрешимое. В этой связи стимули-

рование участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом становится инструментом достижения цели уголовного процесса – разрешения уголовно-правового конфликта. Призывая к уголовно-процессуальному сотрудничеству, стимулируется достижение цели уголовного процесса. Таким образом, формам и видам стимулирования отводится роль средств достижения цели уголовного процесса.

Как известно, ключевыми средствами достижения цели уголовного процесса, если иметь в виду разрешение уголовно-правового конфликта в качестве таковой, являются способы разрешения конфликтов – согласительные, восстановительные, компромиссные и примирительные процедуры. Однако ни одна процедура уголовного процесса не может быть проведена без учета реальной картины преступления и ее обстоятельств. Учет обстоятельств возможен лишь с помощью процедуры доказывания. Установление обстоятельств, подле-

жащих доказыванию, в данном случае будет носить двойственный характер: с одной стороны, результат такой деятельности должен достаточно, достоверно указывать на то, что и как было на самом деле; с другой – процесс доказывания стремится к нахождению не объективной истины, а к взаимовыгодной версии произошедшего события, позволяющей прийти к консенсусу две противоборствующие стороны конфликта. В этой связи средства стимулирования уголовно-процессуального сотрудничества и средства уголовно-процессуального доказывания выступают средствами разрешения уголовно-правового конфликта – достижения цели уголовного процесса. Вероятно, нельзя признать, что обе группы средств являются явлениями одного порядка. Но указать на то, что стимулирование уголовно-процессуального сотрудничества, действуя через призму уголовно-процессуального доказывания, приводит к разрешению уголовно-правового конфликта, имеем все основания.

Литература

1. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3-11.
2. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A6%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 20.12.2020).
3. Брыжинский А.А. Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2005. 28 с.
4. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 463 с.
5. Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 262 с.
6. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СамГУ, 2011. 272 с.
7. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 200 с.
8. Лошкобанова Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 228 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Оникс»; «Мир и Образование», 2010.
10. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 28 с.
11. Попова Е.И. Процессуальные и тактические особенности оптимизации досудебного производства с использованием особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 275-278.
12. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/krat_kurs/1-2.htm (дата обращения: 20.12.2020).
13. Суть Суда. Александр Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины // Российская газета. 2012. 16 марта.
14. Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 130 с.
15. Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 229 с.

16. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 245 с.
17. Якимович Ю.К. Установление объективной истины как средство достижения цели и решения задач уголовного судопроизводства // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2013. № 4 (37). С. 136-143.
18. Якупов Д.А. Достоинства и недостатки действующего уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник АГТУ. 2007. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstva-i-nedostatki-deystvuyuschego-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.12.2020).
19. Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. Oxford, 1994.

УДК 343.132

П.Н. Коновалов

адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: viknekviknek@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ БАНКОВСКУЮ ТАЙНУ, ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье автор проводит краткий сравнительный анализ норм российского законодательства, регулирующих получение сведений, составляющих банковскую тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства. Также дана характеристика уголовно-процессуальным способам собирания доказательств в форме сведений, составляющих банковскую тайну. Понятие банковской тайны рассматривается как элемент структуры правоотношений. В статье также обозначены правовые предпосылки, указывающие на необходимость формирования дефиниции охраняемой федеральным законом тайны в целом и банковской тайны в частности. Предлагается внесение изменений в действующее законодательство, направленных на закрепление статуса носителей сведений, составляющих охраняемую законом тайну, как новой формы доказательства. При этом в целях повышения эффективности предварительного расследования, а также защиты прав и законных интересов граждан при наступлении случаев государственного вмешательства в сферу банковской тайны в ходе осуществления уголовного судопроизводства предлагаются варианты совершенствования действующего законодательства в части правового регулирования способов получения сведений, составляющих банковскую тайну.

Ключевые слова: уголовный процесс, охраняемая федеральным законом тайна, банковская тайна, способы собирания доказательств, доказательства, выемка, судебный контроль.

P.N. Konovalov

postgraduate student of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia

E-mail: viknekviknek@yandex.ru

SPECIFICS OF LEGAL REGULATION OF WAYS TO OBTAIN INFORMATION CONSTITUTING A BANK SECRET DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The author conducts a brief comparative analysis of the norms of Russian legislation regulating the receipt of information constituting bank secrecy at the pre-trial stage of criminal proceedings. The article also describes the criminal procedure methods of collecting evidence in the form of information constituting a bank secret. The concept of bank secrecy is considered as an element of the structure of legal relations. The article also considers the legal prerequisites that indicate the need to form a definition of a secret protected by federal law in general and bank secrecy in particular. It is proposed to introduce amendments to the current legislation aimed at consolidating the status of carriers of information that constitute a legally protected secret as a new form of evidence. In order to improve the efficiency of the preliminary investigation and the protection of rights and legal interests of citizens upon the occurrence of cases of state intervention in the sphere of banking secrecy in the implementation of criminal proceedings, options for improving the current legislation in the legal regulation of methods of obtaining information constituting banking secrecy.

Key words: criminal procedure, secret protected by federal law, banking secrecy, methods of collecting evidence, evidence, seizure, judicial control.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что банки и банковская деятельность, являясь элементами экономической системы государства, обеспечивают реализацию его денежно-кредитной политики. Банковская система, выступая основным финансовым посредником при движении денежных потоков и осуществляя управление системой платежей и расчетов, является благоприятной средой для осуществления преступной деятельности.

При совершении большинства преступлений в сфере экономической деятельности, незаконного оборота наркотических средств, финансирования терроризма, легализации денежных средств, добытых преступным путем, преступлений, совершенных организованными преступными группами и преступными сообществами, используются банковские платежи и электронные платежные системы. Успешное раскрытие и расследование уголовных дел по рассматриваемым преступлениям представляется невозможным без вмешательства правоохранительных органов в сферу банковской тайны.

Вместе с тем ряд ключевых вопросов правового регулирования в сфере получения сведений, составляющих банковскую тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства остается неразрешенным.

Российское законодательство не содержит определения понятия банковской тайны. Так, ст. 857 ГК РФ закрепляет, что банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте. В свою очередь, в ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» законодатель также не закрепляет дефиниции банковской тайны, а лишь перечисляет виды сведений, распространение которых ограничено. К таким сведениям относятся: 1) сведения о банковском счете клиентов и корреспондентов кредитной организации; 2) сведения о банковском вкладе клиентов и корреспондентов кредитной организации; 3) сведения об операциях по банковским счетам; 4) сведения о клиентах кредитной организации, устанавливаемые данной организацией [6].

Анализ приведенных выше норм позволяет сделать вывод о том, что обе нормы закрепляют перечень объектов правоотношений, при этом норма Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» более подробно перечисляет важные характерные признаки объектов.

Стоит отметить, что, раскрывая объект правоотношений в сфере банковской тайны, указанные нормы устанавливают круг субъектов, вовлеченных в правоотношения, и их права и обязанности. К таким субъектам, помимо клиентов и корреспондентов кредитной организации, относятся в том числе правоохранительные органы, уполномоченные получать данные сведения. Важным обстоятельством является

то, что перечисленные элементы (объект, субъект, субъективные права и обязанности) в своей совокупности формируют структуру правоотношений в сфере банковской тайны в классическом ее понимании.

Представляется, что подобное подробное закрепление в законе элементов правоотношений, в особенности их объекта, является компромиссом правового регулирования в условиях отсутствия дефиниции, раскрывающей сущность банковской тайны.

В этой связи выглядит справедливой позиция И.В. Смольковой, согласно которой, несмотря на то, что количество нормативных актов, регулирующих те или иные аспекты различных видов тайн, перевалило далеко за 200, нельзя сказать, что правовое обеспечение защиты тайны удовлетворяет потребностям современного общества [10, с. 5].

Согласно информации, содержащейся в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», по состоянию на 2021 год в российском законодательстве насчитывается примерно 80 видов охраняемых федеральным законом тайн [7].

Указанное обстоятельство дает предпосылки утверждать, что назрела необходимость законодательного закрепления, если не определения банковской тайны в частности, то дефиниции охраняемой законом тайны в целом.

Нормы уголовно-процессуального права так же, как и рассмотренные выше нормы, не содержат законодательно закрепленного определения банковской тайны, однако закрепляют порядок получения сведений, составляющих банковскую тайну, в целях их использования в доказывании по уголовным делам.

Так, ст. 86 УПК РФ закрепляет две группы способов собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства:

- путем производства следственных действий;
- путем производства иных процессуальных действий.

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых может быть установлено наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. В части 2 ст. 74 УПК РФ законодатель относит к доказательствам, помимо прочих, различные виды информации, а именно: показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, заключения и показания специалиста и эксперта, подразумеваемая при этом придание процессуальной формы указанным сведениям в виде протоколов судебных и следственных действий, оформления заключений в соответствующей форме и т.д.

Для выявления недостатков правового регулирования способов собирания доказательств, являющихся сведениями, составляющими банковскую тайну, а также для поиска путей устранения данных недо-

статков необходимо выделить основные характерные особенности имеющихся способов добывания доказательств.

Единственным следственным действием, предусмотренным УПК РФ для цели получения сведений, составляющих банковскую тайну, при производстве предварительного расследования, является следственное действие, предусмотренное ч. 3 ст. 183 УПК РФ. Данная норма закрепляет порядок производства выемки рассматриваемых сведений и содержит прямое указание, что выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится исключительно на основании судебного решения, принимаемого в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ.

Принятие окончательного решения о допустимости производства рассматриваемого вида выемки судом является гарантией соблюдения конституционных прав граждан на охрану банковской тайны. Данная гарантия также нашла свое отражение в п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, который гласит, что только суд, в т.ч. в ходе досудебного производства, вправе принимать решение о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях.

Из вышеуказанного следует, что первой важнейшей особенностью данного следственного действия является установление судебного контроля при принятии решения о производстве выемки сведений, составляющих банковскую тайну, на стадии предварительного расследования.

Особую важность судебный контроль приобретает ввиду негласного характера рассматриваемого следственного действия в момент его проведения. Так, М.С. Колосович, относя выемку сведений, составляющих охраняемую законом тайну, к негласной деятельности следователя, справедливо отмечает, что ее особенностью является временное сохранение в тайне от участников процесса самого факта ее производства и полученных результатов (рассматриваемых в качестве полноценных доказательств) [4, с. 325]. Таким образом, суд выступает гарантом соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и лиц, чьи интересы могут быть затронуты при производстве следственного действия.

Выемка – следственное действие, сущность которого заключается в изъятии (при необходимости принудительном) компетентным должностным лицом на основаниях и в порядке, предусмотренных законом, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся [9, с. 216].

Анализ приведенного выше определения позволяет выделить вторую характерную черту выемки. Данная особенность касается предмета следственного действия, коим выступают предметы и документы, имеющие отношение к совершенному или совершаемому преступлению. Применительно к банковской тайне, исходя из дословного толкования нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 183 УПК РФ, изъятию подлежат объекты материального мира, которыми в том числе являются и документы, содержащие сведения, составляющие банковскую тайну.

Неоспоримым представляется тот факт, что одним из результатов технического прогресса, развития высоких технологий являются структурные изменения в характере взаимодействия людей между собой, в т.ч. и в экономической сфере. Финансово-денежные отношения в большей степени перешли в виртуальную сферу. Все большее доказательственное значение при расследовании преступлений, связанных с финансово-денежными операциями, имеют именно сведения о банковских счетах, вкладах и об операциях по ним, а не первоначальные носители информации как таковые.

Современное развитие рынка финансовых услуг в Российской Федерации характеризуется бурным внедрением новых электронно-цифровых технологий, в т.ч. основанных на широком использовании безналичного расчета и дистанционного банковского обслуживания. При этом для совершения многих операций используются только реквизиты банковской карты, вводимые в электронный терминал и передаваемые по информационно-телекоммуникационным сетям [3, с. 110].

Так, количество счетов, открытых учреждениями банковской системы РФ, по состоянию на июль 2020 г. возросло примерно на 158,484 млн по сравнению с показателями октября 2015 г. Количество переводов денежных средств, осуществленных через платежную систему Банка России, за год (по состоянию на конец 2019 г.) возросло на 317,144 млн по сравнению с показателями 2015 г., за тот же период объем денежных переводов – на 209 918,2478 млрд рублей [11].

Результатом внедрения электронных технологий в финансово-денежные отношения является упрощение и ускорение множества экономических процессов. В банковской сфере накапливается огромный массив электронной информации, в т.ч. о банковских счетах и вкладах, о банковских операциях, который находит свое отражение лишь на серверах, находящихся в распоряжении кредитных организаций.

Безусловно, в случаях, когда индивидуальные признаки предметов и документов, содержащих сведения, составляющие банковскую тайну, являются юридически значимыми, невозможно обойтись без

непосредственного изъятия данных объектов материального мира. К подобным случаям представляется возможным отнести наличие необходимости исследования изъятых объектов при производстве экспертизы, например, на предмет подделки реквизитов. В случае если доказательственное значение по уголовному делу имеют исключительно сведения (информация) как таковые, опосредовано от свойств их носителей, изъятие носителей выглядит излишней мерой, нивелирующей принцип процессуальной экономии.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ напрямую закрепляет единственно возможный способ получения сведений, составляющих банковскую тайну, при производстве следственных действий – это их изъятие посредством выемки.

При применении порядка, предусмотренного п. 7 ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 183 УПК РФ, изъятие сведений без их физического носителя, например путем копирования сведений на иной носитель, в рамках следственного действия представляется невозможным. Учитывая то обстоятельство, что носитель может не иметь значения для доказывания по уголовному делу, представляется, что более целесообразным является способ получения сведений, при котором они могут быть скопированы или дублированы на иной носитель с соблюдением условий достоверности копирования и сохранности сведений от свободного распространения.

Налицо противоречие между природой предмета следственного действия и формой его получения. Указанное обстоятельство в совокупности с ограниченностью уголовно-процессуальных средств вынуждает лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу, прибегать к применению норм УПК РФ по аналогии.

Третьей важнейшей особенностью производства выемки сведений, составляющих банковскую тайну, является характер производимых действий должностными лицами при получении необходимых сведений. Закрепленный в УПК РФ механизм предполагает визит в финансово-кредитную организацию и непосредственное производство следственного действия следователем, дознавателем или сотрудником органа дознания, действующего по поручению. Данное обстоятельство создает организационные проблемы в добывании доказательств, особенно в тех случаях, когда необходимые сведения хранятся в подразделениях финансово-кредитных организаций, находящихся на значительном расстоянии от места производства предварительного расследования, в т.ч. в других регионах. Данное обстоятельство идет вразрез с принципом уголовно-процессуальной экономии ввиду привлечения большого объема средств, затрачиваемых на обеспечение интересов предвари-

тельного расследования, и необходимости соблюдения неоправданных формальностей и процедур.

На данный момент УПК РФ не содержит нормы, напрямую закрепляющей порядок производства следственных действий, направленных на получение сведений, составляющих банковскую тайну, как таковых, опосредованно от их первоисточника – носителя, в котором данные сведения нашли свое первоначальное отображение. Вместе с тем ч. 2 и 4 ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» закрепляют возможность получения следователем с согласия руководителя следственного органа справок, содержанием которых являются сведения, составляющие банковскую тайну. При этом допускается как получение сведений, обладателем которых являются юридические и физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, так и сведений, обладателем которых являются вкладчики. Данный способ получения доказательств при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, по нашему мнению, надлежит отнести к категории иных процессуальных действий ввиду того, что рассматриваемые нормы Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 корреспондируются с ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Данная норма устанавливает обязательность исполнения требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Рассматриваемый способ получения сведений, составляющих банковскую тайну, по форме его осуществления соответствует юридической природе доказательства в виде представляющей интерес информации, однако напрямую не урегулирован ни одной нормой УПК РФ, что, по нашему мнению, является существенным упущением правового регулирования по ряду аспектов.

Первым существенным недостатком является ограничение круга субъектов, уполномоченных получать справки по операциям и счетам юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан. В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» к таким субъектам относятся следователи по уголовным делам, находящимся в их производстве. Данное обстоятельство существенно сужает процессуальные возможности лица, осуществляющего предварительное расследование в форме дознания. Трудности возникают, например, при расследовании уголовных дел о хищениях, при отсутствии значительности ущерба как квалифицирующего признака. В данном случае лицу, производящему предварительное расследование в форме дознания, остается

единственный способ получения необходимых доказательств – проведение выемки сведений, составляющих банковскую тайну, в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 183 УПК РФ, с последующим производством дополнительных следственных действий (экспертиз и осмотров).

Похожей точки зрения придерживается В.Ю. Белицкий, справедливо утверждая, что согласно нормам ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» сотрудники органов предварительного следствия обладают большей полнотой средств по реализации возложенных на них задач, а органы дознания необоснованно их лишены [1, с. 36].

Представляется, что круг субъектов, уполномоченных получать справки по банковским операциям и счетам, должен быть шире.

Вторым существенным недостатком рассматриваемого способа получения сведений, составляющих банковскую тайну, является сужение судебного контроля при получении данных сведений, нивелирующее конституционную гарантию на неприкосновенность частной жизни, предусмотренную ст. 23 Конституции РФ. Также возникает существенное противоречие между ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», не предусматривающей судебный порядок принятия решения о получении рассматриваемых сведений, и вышеупомянутым п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Рассматривая сведения, составляющие банковскую тайну, как уголовно-процессуальные средства доказывания по уголовному делу, представляется необходимым отметить, что большинство авторов, в т.ч. К. Гавальда, Ж. Стуфле [2, с. 102], М.И. Малейна [5, с. 15], И.В. Смолькова [10, с. 69], В.Е. Евсеенко [3, с. 40], Ю.С. Пилипенко [8, с. 34-40] и др., справедливо относят банковскую тайну к числу профессиональных тайн.

Суть профессиональной тайны отражена в ч. 5 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно данной норме к профессиональной тайне относится информация, полученная гражданами при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации.

Находясь в ведении третьего лица, для которого сохранение сведений в тайне является профессиональной обязанностью, – профессионального субъекта (оператор сети или кредитная организация), необходимые сведения могут быть получены в распоряжение правоохранительных органов непосред-

ственно от данного субъекта, минуя процедуру изъятия носителя, в котором необходимые сведения нашли свое первоначальное отображение. Риск ущерба для достоверности предоставляемых сведений представляется маловероятным в силу незаинтересованности профессионального субъекта в результатах расследования уголовного дела и огромного массива обрабатываемой информации.

Рассмотренные обстоятельства позволяют сделать вывод о возможности и целесообразности получения сведений, составляющих банковскую тайну, при расследовании уголовных дел от финансово-кредитных организаций без производства выемки. Данный способ получения представляется возможным исключительно при наличии законодательно закрепленного уголовно-процессуального механизма в виде отдельного следственного действия.

Наряду с изложенным еще одним важнейшим аспектом является то обстоятельство, что законодатель, предусмотрев правовое закрепление такой категории, как сведения, составляющие охраняемую законом тайну, не в достаточном объеме предусмотрел порядок обращения с носителями данных сведений при необходимости их приобщения к уголовному делу. Порядок обращения с носителями сведений, составляющих охраняемую законом тайну, предусмотрен по отношению к отдельным подвидам тайны связи в статьях 186 и 186.1 УПК РФ.

Особенным требованием, предъявляемым к носителям сведений, составляющих охраняемую законом тайну, исходя из юридической природы данных сведений, выступает исключение возможности ознакомления с ними третьих лиц.

Исходя из логики норм ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», регулирующей способ получения сведений, составляющих банковскую тайну, данные сведения могут быть предоставлены в виде справок на бумажном носителе. Стоит отметить то обстоятельство, что согласно ст. 74 УПК РФ справки относятся к иным документам и на них распространяется общий порядок обращения с иными документами, предусмотренный ст. 82 УПК РФ, что может повлечь нежелательное распространение конфиденциальной информации. Также данный способ получения необходимых сведений не предусматривает их предоставление на электронном носителе, более подходящем при предоставлении большого объема запрашиваемых сведений.

Проведенный анализ норм ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и ч. 3 ст. 183 УПК РФ позволяет отнести их к нормам с низкой степенью процессуальной регламентации порядка обращения с результатами процессуальных действий, направленных на полу-

чение сведений, составляющих банковскую тайну. Данный тезис обосновывается тем обстоятельством, что на результаты рассматриваемых действий распространяется общий порядок обращения с предметами и документами, изъятыми по уголовному делу, без указания о необходимости принять меры, направленные на исключение ознакомления с содержащимися в них сведениями, что является существенным упущением.

Проведенный сравнительный анализ норм российского законодательства, регулирующих банковскую тайну, позволяет сделать ряд выводов:

1. Представляется явной необходимостью научная разработка и законодательное закрепление дефиниции охраняемой законом тайны в целом или банковской тайны в частности через призму рассматриваемых правоотношений.

2. Порядок получения сведений, составляющих банковскую тайну, при производстве предварительного расследования, предусмотренный ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», относится не к следственным действиям, а к иным процессуальным действиям и имеет ряд недостатков. Они заключаются в том, что данный порядок не допускает по-

лучение необходимых сведений при расследовании уголовных дел в форме дознания, не предусматривает получения судебного решения, а также не устанавливает четких требований к срокам, форме и содержанию предоставления необходимой информации.

Названные обстоятельства указывают на необходимость введения в УПК РФ нормы, регулирующей производство следственного действия, направленного на получение сведений, составляющих банковскую тайну, путем их истребования лицом, осуществляющим предварительное расследование, на основании судебного решения. За основу может быть принят порядок получения сведений, предусмотренный ст. 186, 186.1 УПК РФ.

3. Специфика сложившихся социальных отношений позволяет отметить фактическое существование новой формы доказательств, требующей специального порядка обращения, – носителей сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну. Ввиду изложенного предлагается ввести в УПК РФ норму, регламентирующую указанный порядок. Данную норму представляется целесообразным закрепить в ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств».

Литература

1. Белицкий В.Ю. Дознаватель – субъект получения информации, содержащей банковскую тайну? // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1 (28). С. 35-36.
2. Гавальда К., Стуфле Ж. Банковское право. Учреждения. Счета. Операции. Услуги. М.: Финстатинформ, 1996. 566 с.
3. Евсеенко В.Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 183 с.
4. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.
5. Малеина М.И. Банковская тайна // Законодательство и экономика. 1996. № 5/6. С. 15-17.
6. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ст. 7825.
7. Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Пилипенко Ю.С. Особенности профессиональных тайн // Законодательство и экономика. 2008. № 3. С. 34-40.
9. Смирнов А.В. Уголовный процесс. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2008. 704 с.
10. Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 352 с.
11. Статистика национальной платежной системы // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf> (дата обращения: 17.01.2021).

УДК 343.13

А.А. Лукьянова

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: lok_doc@mail.ru

ОБЫСК В ЖИЛИЩЕ: ОТ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ К ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

В статье раскрываются вопросы, возникающие в связи с осуществлением предварительного судебного контроля над производством обыска в жилище. Автором проанализирован порядок рассмотрения судом ходатайства о производстве обыска в жилище, свойства судебного решения, принимаемого по результатам рассмотрения такого ходатайства, а также действующий порядок исполнения постановления суда. Сделан вывод о наличии проблем юридической техники относительно юридической силы решения и незамедлительности его исполнения. Обращение к зарубежному законодательству позволило обнаружить имеющуюся практику контроля (надзора) за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права, не только судом, но и прокурором, а также выявить положительный опыт в регламентации принципа неприкосновенности жилища и процессуального порядка обыска в целом.

Ключевые слова: обыск, судебный контроль, судебное решение, следственные действия, неприкосновенность жилища.

A.A. Lukyanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: lok_doc@mail.ru

SEARCH OF DWELLING: FROM THE PROBLEM OF THE ENFORCEMENT OF JUDICIAL DECISION TO THE LEGAL NATURE OF JUDICIAL CONTROL

The article discusses the issues arising in connection with the implementation of preliminary judicial control over the search in the home. After analyzing the procedure for the court's consideration of a petition to conduct a search of dwelling, the properties of the court decision made based on the results of the consideration of such a petition, as well as the current procedure for the execution of the court order, the author comes to the conclusion that there are problems in legal technology regarding the legal force of the decision and the promptness of its execution. An appeal to foreign legislation made it possible to reveal the existing practice of control over the production of investigative actions that restrict constitutional rights, not only by the court, but also by the prosecutor, as well as to identify positive experience in regulating the principle of the inviolability of the home and the procedural order of the search in general.

Key words: search, judicial control, court decision, investigative actions, inviolability of dwelling.

Роль суда в уголовном процессе невозможно недооценить. Этот особый участник уголовно-процессуальных правоотношений не только реализует функцию по разрешению уголовно-правового конфликта, но и является гарантом защиты лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, от необоснованного и чрезмерного ограничения прав и свобод. Судебный контроль как одно из полномочий суда предполагает возможность проверки законности действий (решений) должностных лиц, например, при проведении следственных действий.

Обыск в жилище является принудительной следственной процедурой, непосредственным образом ограничивающей конституционное право на неприкосновенность жилища. Одной из правовых гарантий защиты обозначенного права и является институт санкционирования следственного действия. Требование наличия судебного решения как основания для производства обыска закреплено в числе уголовно-процессуальных принципов (ст. 12 УПК РФ), а на районные (городские) суды системы судов общей юрисдикции возложено полномочие давать разрешение на производство обыска предварительно или проводить проверку законности уже проведенного следственного действия. Так, в соответствии с требованиями п. 5 ч. 2 ст. 29, ч. 2 ст. 164, ч. 2 и 4 ст. 165 УПК РФ по месту производства предварительного следствия или производства обыска в 24-часовой срок подлежит рассмотрению ходатайство о производстве следственного действия.

Ежегодно федеральными судами общей юрисдикции в рамках работы по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции разрешается более 100 тысяч ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища (ходатайств о производстве обыска или выемки в жилище). При этом абсолютное большинство из них удовлетворяется (например, в 2020 г. – 94,8%, или 124 051 из 130 825 оконченных производством, в 2019 г. – 94,8%, или 121 233 из 127 825, в 2018 г. – 95,1%, или 120 722 из 126 938, в 2017 г. – 95,8%, или 117 644 из 122 830) [2]. Результат рассмотрения материала в обоснование ходатайства отражается в судебном решении в форме постановления, на которое гипотетически должны распространяться общие свойства судебных решений, прежде всего обязательность.

Именно императивный характер постановления суда о разрешении производства обыска в жилище предполагает не только законное полномочие должностного лица, проводящего следственное действие, требовать от граждан, в отношении которых принято решение об ограничении неприкосновенности жилища, подчиниться такому решению, но и при необходимости принудительно (т.е. без согласия лица, од-

нако в его присутствии) проникать в жилище, вскрывать любые помещения и обследовать их, несмотря на сопутствующее тому вторжение в границы неприкосновенности частной жизни.

Независимо от того, что возможность такого вторжения в пределы неприкосновенности личности является конституционно допустимой, законом не исключено право лица оспорить не только правоограничивающие действия, но и само решение. Поэтому особое значение имеет правовая основа обыска в жилище, в т.ч. регламентирующая юридическую силу судебного решения о разрешении производства данного следственного действия.

Полагаем, ожидаемым в свете изложенного видится вопрос о том, в какой мере распространяются по правилам аналогии права требования главы 46 УПК РФ, регулирующие порядок исполнения приговора, на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу. Ведь самостоятельных статей, посвященных правилам исполнения судебного решения о разрешении производства следственного действия, в частности обыска, и его обязательному характеру, в уголовно-процессуальном законе нет. В том числе ст. 21 УПК РФ, в ч. 4, устанавливающей обязательность исполнения требований должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, не содержит требования незамедлительности и обязательности исполнения решения суда, потому как суд сообразно принципу состязательности сторон не является органом уголовного преследования. Однако чем, если не инструментом, используемым в целях изобличения лица в совершении преступления, следует именовать искомое следственное действие?

Возвращаясь к обязательности судебного решения для всех лиц, отметим, что ч. 1 ст. 392 УПК РФ связывает данное свойство, а также требование неукоснительного исполнения с моментом вступления решения в законную силу. При этом терминология, используемая законодателем в ст. 5 УПК РФ, в ее системной взаимосвязи (п. 25, 48, 52, 53.1, 53.3 ст. 5 УПК РФ) позволяет утверждать, что решение суда (постановление о разрешении производства обыска в жилище) относится к числу «промежуточных судебных решений, принимаемых судом первой инстанции в ходе досудебного производства по уголовному делу».

Исходя из буквального толкования содержания ст. 391 УПК РФ, данные судебные решения вступают в законную силу и обращаются к исполнению по общему правилу, т.е. по истечении срока обжалования в апелляционном порядке. На промежуточные судебные решения не распространялось бы правило немедленного вступления в законную силу и обращения к исполнению, если бы они не подлежали обжалованию в апелляционной инстанции.

Обратившись к норме уголовно-процессуального права, регулирующей институт обжалования, следует отметить, что порядок представления и рассмотрения жалоб на постановление суда первой инстанции отличается от общего порядка, установленного ст. 125 УПК РФ, согласно которому принесение жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения. Жалобы на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, как гласит ч. 2 ст. 127 УПК РФ, приносятся в порядке, предусмотренном главами 45.1 и 47.1 УПК РФ, а в случае, если обжалуемое судебное решение вступило в законную силу, – в порядке, предусмотренном главами 48.1 и 49 УПК РФ.

В свою очередь, ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ содержит закрытый перечень промежуточных судебных решений, подлежащих апелляционному обжалованию до вынесения итогового решения, в котором постановления о производстве обыска нет. Такое решение может быть обжаловано при условии, если будет установлено, что оно в конкретной ситуации затрагивает право гражданина на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствует дальнейшему движению уголовного дела.

Фактически уголовно-процессуальный закон содержит двусмысленную позицию относительно того, подлежит ли судебное решение о разрешении производства обыска в жилище обжалованию в апелляционном порядке и, соответственно, о времени вступления такого решения в законную силу и обращения к исполнению. Данный пробел является поводом для небесспорной правоприменительной практики и причиной неоднократных обращений в Конституционный Суд РФ. Так, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы Петрова Р.Н., суд указал, что «распространение на производство обыска положения ч. 1 ст. 391 УПК РФ нарушало бы принцип состязательности и равноправия сторон, делая данное следственное действие бессмысленным, поскольку предоставляло бы в распоряжение стороны защиты срок, достаточный для того, чтобы подозреваемый, обвиняемый мог избавиться от орудий преступления, предметов, документов, ценностей, имеющих значение для уголовного дела» [9].

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, определяющая возможность обжалования решения о производстве обыска до момента его проведения как необоснованное преимущество подозреваемого (обвиняемого), сообразна и по отношению к иным следственным процедурам, по своей природе предполагающим безотлагательный характер [7, 8, 10]. О возможности незамедлительного исполнения постановления суда о разрешении производства обыска в жилище говорит и Верховный Суд РФ. При этом,

по его мнению, промежуточные судебные решения могут быть самостоятельно обжалованы в апелляционном порядке, а исполнению после вступления в законную силу должны подлежать лишь касающиеся принудительного прекращения права, например прекращения права собственности на имущество [6].

Думается, что вышеизложенные доводы позволяют говорить о назревшей проблеме юридической техники, которая заключается в несогласованности нормативных положений, используемых законодателем в урегулировании процедуры получения и исполнения судебного решения о производстве следственного действия, в частности обозначенного автором обыска. Отметим, что в науке уголовного процесса давно обсуждается вопрос об эффективности института предварительного судебного контроля и возможных направлениях его реформирования [5, 12, 14].

Наличие правовых позиций высших судебных органов, с одной стороны, определяющих незамедлительный характер исполнения судебного решения о производстве обыска, а с другой стороны, не исключающих возможности обжалования решения до его вступления в законную силу, предполагает порядок исполнения решения суда в уголовном процессе, отличающийся от общепринятого. Так, исполнению, в т.ч. принудительному, подлежит постановление суда о разрешении производства обыска в жилище, не вступившее в законную силу. Как следствие, апелляционное обжалование в такой ситуации в целом теряет свой смысл.

«Судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, – парирует С.Б. Россинский, – а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом» [13]. Действительно, обратившись к ст. 25 Конституции РФ, мы не обнаружим в ней прямого запрета на проникновение в жилище без судебного решения, как, например, в конституционной норме, допускающей ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ) или лишения имущества, принадлежащего лицу на праве собственности (ст. 35 Конституции РФ).

Несогласованность и непоследовательность толкования наблюдаются и в вопросах судебной практики в процессе ее изучения и обобщения. А.В. Грищенко справедливо подвергает критике разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19, касающееся рассмотрения ходатайства о производстве следственных действий по общему правилу в открытом судебном заседании [1], и обосновывает свое мнение решением Конституционного Суда РФ

по жалобе Власова В.А. Так, требования открытости, гласности и состязательности сторон могут быть реализованы не в полной мере при рассмотрении судом вопросов, связанных с проведением в стадии предварительного расследования следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, т.к. при уведомлении заинтересованных лиц о предстоящем их проведении следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, могут утратить всякий смысл [11].

Рассуждая о предложенных Пленумом Верховного Суда РФ разъяснениях, Н.Н. Ковтун также отмечает, что положение о том, что по закону апелляция обжалование постановления о производстве следственного действия не приостанавливает его исполнение, которое правильно констатирует суд, с другой стороны, вступает в противоречие с легальной фикцией об окончательной юридической силе данных постановлений [3].

Анализируя процедуру рассмотрения судом ходатайства о производстве следственного действия, отдельные авторы, напротив, обращают внимание на наличие по отношению к исполнению судебного решения определенных дискреционных возможностей должностного лица, обратившегося в суд с ходатайством. «В процессе рассмотрения судьей ходатайства о необходимости производства следственного действия суд осуществляет разрешительную функцию, что не подразумевает обязательности исполнения следователем соответствующего постановления. Так, например, при санкционировании судом производства следователем обыска в жилище последний самостоятельно решает, производить его или нет, в зависимости от оперативно-следственной обстановки» [4].

Думается, что обнаруженные погрешности и шероховатости в правовой основе предварительного судебного контроля требуют либо внести изменения в действующее законодательство, либо выработать единообразную практику применения существующих норм права, но чтобы она звучала в унисон с исходными положениями современной модели уголовного процесса. В свою очередь, существующие предубеждения и неприятие процессуального порядка обыска уходят своими корнями в правовую природу поименованного следственного действия и судебного контроля над ним.

Отметим, что требование судебного санкционирования обыска в жилище до судебной реформы конца XX в. в отечественном уголовно-процессуальном праве отсутствовало. Появление института судебного контроля в современном уголовном судопроизводстве объяснимо построением правового государства и необходимостью обеспечения баланса публичного

и частного интереса. Советская модель уголовного процесса характеризовалась публично-обвинительной направленностью, в то время как права и свободы личности находились на втором плане. С принятием Конституции РФ, вступлением в законную силу УПК РФ органы уголовного преследования были ограничены в полномочиях. Если УПК РСФСР 1960 г. в ст. 168 определял порядок производства обыска только с санкции прокурора, то действующая редакция УПК РФ – уже на основании судебного решения.

Несмотря на демократические на первый взгляд изменения законодательства, УПК РСФСР обладал дополнительными гарантиями законности обыска и защиты личности от произвольного вмешательства в пределы ее автономии. Так, санкция прокурора была необходима для всех видов обыска (по объекту)¹, принцип неприкосновенности жилища, закрепленный в ст. 12 УПК РСФСР, содержал в себе объединенный термин «помещение гражданина», а ст. 168 УПК РСФСР объектом обыска определяла «какое-либо помещение или иное место» [20]. Действующий процессуальный порядок производства обыска предполагает судебный контроль только над обыском в жилище, в то время как обыск в ином помещении (месте), не подпадающем под определение «жилище», проводится на основании постановления следователя (ч. 2 ст. 183 УПК РФ). При этом не исключена вероятность, что при проведении обыска в помещении могут быть изъяты предметы, раскрывающие тайну частной жизни или иным образом затрагивающие неприкосновенность личности, гарантом защиты которых и служит регламентированный ст. 12 УПК РФ принцип неприкосновенности лишь (!) жилища.

Анализируя зарубежный опыт (например, законодательство стран, которые входят в Содружество Независимых Государств), следует обратить внимание на то, что в современном уголовном судопроизводстве бывших союзных республик СССР предварительный контроль над обыском отличается. Так, уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, Республики Узбекистан санкционирование обыска возложено на прокурора. Напротив, судебный контроль закреплен в Республике Молдова, Республике Казахстан и Киргизской Республике, где санкционирование обыска находится в полномочиях судей по уголовному преследованию (Республика Молдова), следственных судей (Республика Казахстан, Киргизская Республика). Однако (по нашему мнению, это является положительным опытом) в указанных государствах принцип неприкосновенности

¹ Санкционирование всех видов обыска прокурором было предусмотрено и Основами уголовного судопроизводства 1958 г. (в ст. 35), согласно ст. 31 которых на прокурора был возложен надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

жилища остался первородным и сохранил в себе правовые положения советской модели уголовного процесса, а именно: понимание принципа неприкосновенности жилища в широком смысле и объединение в объекте обыска, подлежащего санкционированию, не только жилища, но и других помещений.

Например, в Республике Беларусь порядок производства обыска основан на принципе неприкосновенности жилища и иных законных владений (ст. 14 УПК Республики Беларусь), устанавливающим запрет на входение в жилище и иное законное владение лица против его воли [16]. Как следствие, независимо от места его проведения обыск подконтролен прокурору. «Жилое, служебное, производственное помещение либо иное место» является объектом обыска, подлежащего санкционированию, в Республике Узбекистан (ст. 158, 161, 382 УПК Республики Узбекистан) [19], «определенное помещение или иное место» – в Республике Казахстан (ст. 55, 254 УПК Республики Казахстан) [17], «любое помещение или место» – в Республике Молдова (ст. 125 УПК Республики Молдова) [18]. В основе процедуры обыска в Киргизской Республике лежит принцип неприкосновенности жилища и иных объектов, которые находятся у лица в собственности или ином праве (ст. 31, 205 УПК Киргизской Республики) [15].

Заканчивая исследование процессуальных проблем обыска, можно сделать следующие выводы:

- действующая редакция УПК РФ категорично не регламентирует процедуру исполнения постановления суда о разрешении производства обыска, что объясняет существующие разночтения относительно юридической силы и иных свойств названного судебного решения;

- незамедлительное исполнение решения суда об обыске (до вступления в законную силу) и его обжалование, в частности, в апелляционном порядке являются взаимоисключающими, с чем не согласуется мнение законодателя, конкретизированное в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. Подобно тому концептуально не согласуется правило рассмотрения ходатайства следователя об обыске в открытом судебном заседании со скрытым, внезапным характером данного следственного действия;

- несовершенство юридической техники, а также смысловое разногласие процедур возбуждения и рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права, исполнения промежуточных судебных решений и их обжалования в апелляционном порядке определяют целесообразность точечной реорганизации института предварительного судебного контроля. По нашему мнению, такое переустройство может развиваться в двух направлениях: в целом путем отказа от предварительного судебного контроля в пользу последующего либо, что не противоречит ст. 25 Конституции РФ, путем передачи контрольных полномочий суда над производством обыска (в пределах настоящей статьи мы не претендуем на выдвижение гипотезы о целесообразности и конституционности ограничения полномочий суда в отношении иных подконтрольных ему следственных действий) прокурору. Независимо от выбранного направления полагаем необходимо через расширение действия принципа неприкосновенности жилища увеличить перечень видов обыска¹ (по объекту), которые бы подлежали санкционированию (предварительному или последующему, со стороны суда или прокурора), путем внесения изменений и дополнений в ст. 12 и 182 УПК РФ. Думается, что такой подход может стать дополнительной гарантией защиты личности от произвольного вмешательства в пределы ее автономии со стороны государства.

Резюмируя, отметим, что правовые институты судебного контроля, следственных действий, в частности обыска, таят в себе множество неразрешенных проблем, многие из которых не были освещены и исследованы в пределах данной статьи². Последующие изменение и совершенствование уголовно-процессуального законодательства и практики его применения прежде всего должны основываться на сохранении баланса положения полярных сторон уголовного процесса, а именно: предоставив одной стороне достаточную возможность защиты от чрезмерного ограничения прав в ходе уголовно-процессуальной деятельности, гарантировать второй стороне своевременный доступ к правосудию и возможность восстановления прав, нарушенных в результате уголовного преступления.

¹ Добавив в него, руководствуясь опытом законодательства зарубежных государств, иные помещения, в которых могут храниться предметы и документы, раскрывающие тайну частной жизни.

² Например, проблемными являются вопросы, касающиеся определения понятий «жилище», «проживающий» и др.

Литература

1. Гриненко А.В. Судебное решение о производстве следственных действий в порядке статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: теоретические и правоприменительные аспекты // *Мировой судья*. 2017. № 12. С. 25-30.
2. Из официальных данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Ковтун Н.Н. Судебное «санкционирование» следственных действий // *Уголовное судопроизводство*. 2017. № 3. С. 15-19.
4. Маркелова О.Н., Фисаков М.Ю. Процедура рассмотрения судьей ходатайства о проведении следственного (процессуального) действия: теоретические и практические подходы к применению // *Юрист-Правоведь*. 2020. № 1 (92). С. 116-119.
5. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М.: Юрлитинформ, 2017. 400 с.
6. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейкина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 108, частями первой и второй статьи 389.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2241-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голофаства Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 203, пунктом 11 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1686-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 165, 182 и 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 967-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова Владислава Филлиратовича на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359 и 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 286-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 № 124-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (часть 2) // *Российский судья*. 2009. № 9. С. 15-22.
13. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 423. С. 225-235.
14. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. 240 с.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (с изм. и доп. по состоянию на 31.12.2020). URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530?cl=ru-ru#st_100 (дата обращения: 10.02.2021).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по состоянию на 06.01.2021). URL: <https://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 10.02.2021).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 02.01.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 10.02.2021).
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по состоянию на 12.02.2021). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833 (дата обращения: 10.02.2021).
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изм. и доп. по состоянию на 15.01.2021). URL: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 10.02.2021).
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: утвержден Верховным Советом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Гражданско-правовые отношения

УДК 343.522

В.Р. Булгакова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: vikaimamova@mail.ru

ПОДДЕЛКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАВЕДОМО ПОДЛОЖНОГО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПОДХОД К КВАЛИФИКАЦИИ

В статье исследуются гражданско-правовые и уголовно-правовые последствия подделки и использования подложных гражданско-правовых договоров. Установлено, что использование поддельного гражданско-правового договора порождает право потерпевшего требовать признания такого договора незаключенным и возврата неосновательно полученного приобретателем имущества по правилам главы 60 Гражданского кодекса РФ. С позиции уголовного законодательства подделка договора не может быть квалифицирована по ч. 5 ст. 327 Уголовного кодекса РФ вследствие отсутствия в составе преступления такого признака объективной стороны. Сравнительный анализ официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, и гражданско-правовых договоров, выступающих предметами преступления, предусмотренного ст. 327 Уголовного кодекса РФ, позволил выявить наличие у них специфических особенностей, исключающих возможность закрепления в одной статье. Выдвинут тезис о необходимости выделения в самостоятельный состав преступления действий, связанных с подделкой или оборотом поддельных гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: гражданское право, договор, гражданско-правовой договор, официальный документ, подделка, уголовная ответственность, предмет преступления.

V.R. Bulgakova

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vikaimamova@mail.ru

FORGERY AND USE OF A FALSE CIVIL AGREEMENT: INTERDISCIPLINARY APPROACH TO QUALIFICATION

The article examines the civil and criminal consequences of forgery and the use of forged civil contracts. It is established that the use of a fake civil contract gives rise to the right of the victim to demand recognition of such a contract as not concluded and the return of the property received by the acquirer unreasonably under the rules of Chapter 60 of the Civil Code of the Russian Federation. From the point of view of criminal law, forgery of a contract cannot be qualified under Part 5 of art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the absence of such a sign of an objective party in the composition of the crime. A comparative analysis of official documents that grant rights or release from duties, and civil law contracts that are the subjects of a crime under Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, allowed us to identify the presence of specific features that exclude the possibility of being fixed in one article. The thesis is put forward about the need to separate actions related to the forgery or turnover of forged civil law contracts into an independent crime.

Key words: civil law, contract, civil law contract, official document, forgery, criminal liability, subject of crime.

Вступая во взаимоотношения друг с другом, граждане заключают как устные, так и письменные соглашения. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] документом, подтверждающим данные факты, выступает договор. Примечательно, что он является одной из древнейших юридических конструкций, с помощью которой происходило регулирование возможного и должного поведения людей [14, с. 11].

В соответствии со ст. 420 ГК РФ договором следует признавать соглашение двух или нескольких лиц, влекущее юридические последствия в виде установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей [4]. Анализ дефиниции позволяет выделить функции договора, к которым относятся:

- порождение гражданских правоотношений;
- установление поведения участников договора;
- фиксирование условий договора и воли сторон участников;
- закрепление мер стимулирования к его исполнению.

Исследование положений ГК РФ позволило установить, что существующие виды договоров систематизированы в соответствии с правовым результатом, на достижение которого они направлены. Исходя из этого, следует выделить следующие группы:

1. Договоры, направленные на передачу имущества как в собственность (договор купли-продажи, ренты, мены), так и в пользование (договор аренды, найма жилого помещения).

2. Договоры, направленные на выполнение работ (договор подряда).

3. Договоры, направленные на оказание услуг (договор возмездного оказания услуг, займа, перевозки, страхования).

4. Договоры, направленные на использование результатов творческой деятельности (лицензионный договор, договор авторского заказа).

5. Договоры, направленные на создание объединений (учредительный договор, договор простого товарищества).

Несмотря на специфику каждой из приведенных групп договоров, необходимо иметь в виду, что они обладают основными признаками:

- а) свобода волеизъявления сторон – стороны осознано стремятся к заключению договора и выбирают контрагентов;
- б) порождение юридических последствий в виде прав и обязанностей;
- в) равенство и равноправие сторон договора;
- г) наличие конкретного перечня элементов и условий – предмет договора, сроки исполнения, ответственность сторон и др.

Граждане, юридические лица становятся участниками договорных правоотношений постоянно, т.к.

договор является основной правовой формой гражданского оборота, средством приобретения, обмена имущества, имущественных прав. Противоправное использование договорных конструкций имеет повышенную степень общественной опасности, поскольку способно нанести существенный имущественный ущерб правам и охраняемым законом интересам участников правоотношений.

Зачастую в целях изменения объема прав и обязанностей, получения необоснованных имущественных выгод граждане прибегают к незаконным способам, в частности к подделке и использованию подложных договоров. Совершение подобных деяний может быть квалифицировано в первую очередь как гражданско-правовой деликт.

В цивилистической литературе высказывается мнение, что к правоотношениям, связанным с использованием подложного договора, «применяются нормы гражданского законодательства, регулирующие общие правила недействительности сделок (гл. 9 ГК РФ) и соответствующие положения о возмещении убытков» [15].

Однако, по нашему мнению, такая позиция не вполне корректна. С точки зрения гражданского законодательства признать недействительной можно сделку, которая фактически была совершена, но с нарушением условий ее действительности (с пороками воли, содержания, оформления). Поддельный договор не может признаваться недействительной сделкой, т.к. соответствующий юридический факт не имел места в реальности. Если лицо в какой-либо форме свою волю на возникновение гражданско-правового договора не выражало, не желало наступления характерных для такого рода договора правовых последствий в виде предусмотренных прав и обязанностей, соответственно, отсутствует интеллектуально-волевой элемент сделки и сама сделка как таковая. Представляется, что надлежащим гражданско-правовым способом защиты прав потерпевшего в такой ситуации будет предъявление требования о признании такого договора незаключенным, а не недействительным. Удовлетворение судом требования о признании договора незаключенным устанавливает факт изначального отсутствия договорных правоотношений, освобождая потерпевшего от каких-либо обязанностей, указанных в таком договоре. В случаях, когда использование подложного гражданско-правового договора привело к получению необоснованных имущественных выгод одним лицом за счет другого, последнее вправе требовать возврата неосновательного обогащения по нормам главы 60 ГК РФ.

Кроме того, представляет несомненный научный интерес и квалификация исследуемого деликта с точки зрения норм уголовного законодательства, особенно в свете последних законодательных изме-

нений ст. 327 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и соответствующих судебных разъяснений.

Если провести ретроспективный анализ, то можно выявить, что регламентации уголовной ответственности за подобные деяния стало уделяться внимание еще в XVIII в. Так, в соответствии с Артикулом воинским (1715 г.) наказание наступало не только за подделку официальных документов и печатей, но и частных документов (например, заемных писем, доверенностей и т.д.) [2].

Подобная ситуация сохранялась вплоть до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., когда частные документы перестали выступать предметом преступления, предусматривающего ответственность за подделку и использование официальных документов. Однако после внесенных в 2019 г. нововведений в ст. 327 УК РФ, предусматривающую ответственность за подделку или оборот поддельных официальных документов, штампов, бланков, печатей или государственных наград, законодателем в пояснительной записке к Федеральному закону от 26.07.2019 № 209-ФЗ, вносящему изменения в рассматриваемую статью [6], было закреплено, что предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, выступают как гражданско-правовые договоры, так и иные документы, не относящиеся к официальным, предоставляющим права или освобождающим от обязанностей.

Кроме того, согласно принятым разъяснениям Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 в соответствии с ч. 5 ст. 327 УК РФ преступление может совершаться с использованием иных видов документов, в т.ч. гражданско-правовых договоров [7]. Такая ситуация возникает и вследствие расширительного толкования названия статьи, где законодатель указал на подделку или оборот поддельных документов без закрепления уточняющих признаков.

Из изложенного следует вывод, что частные документы могут выступать предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, наравне с документами публичного характера. Вопрос о целесообразности закрепления в одной статье разных по правовой природе документов возможно разрешить путем применения междисциплинарного подхода.

Учитывая то, что понятие гражданско-правового договора уже было раскрыто ранее, существует необходимость рассмотреть дефиницию официального документа в рамках национального уголовного законодательства.

Понятие «документ» раскрывается в Федеральном законе от 29.12.1994 № 77-ФЗ, под которым следует понимать материальный носитель с зафиксированной информацией в любой форме – в виде текста, звукозаписи, изображения, с наличием идентифицирующих реквизитов [8].

Принимая во внимание то, что ни в одной статье УК РФ не дано легальное определение официальному документу, а положения других отраслевых правовых актов не позволяют в полной мере изучить его специфику как предмета уголовно наказуемого деяния, существует необходимость исследования научной литературы в рассматриваемой сфере.

Обобщая изученные дефиниции [3, с. 12; 5, с. 12], считаем, что под официальными документами в рамках уголовного законодательства следует понимать документы установленной формы, удостоверяющие факты, имеющие юридическое значение и влекущие изменение объема прав и обязанностей.

Таким образом, общими признаками гражданско-правового договора и официального документа выступают:

а) способность влечь юридически значимые последствия в виде изменения объема прав и обязанностей;

б) наличие обязательных элементов, именуемых реквизитами, при этом серьезно отличающихся друг от друга;

в) требования к форме официального документа или договора. В первом случае они устанавливаются в соответствии с правовыми актами (постановления Правительства РФ, приказы МВД России), во втором – согласно положениям разных статей Гражданского кодекса РФ.

Однако главной отличительной чертой выступает то, что гражданско-правовые договоры заключаются между равноправными субъектами, а официальные документы выдаются субъектом, выполняющим распорядительно-властные полномочия (государство, должностное лицо, нотариус).

Исходя из проведенного сравнительного анализа двух понятий, следует сделать вывод о том, что, несмотря на наличие некоторых общих черт, гражданско-правовые договоры и официальные документы имеют свои специфические особенности и являются разными по своей правовой природе документами, тем самым не могут охраняться в рамках одной статьи Уголовного кодекса РФ.

В частности, исследуя такой вид договора, направленный на передачу имущества в собственность, как договор купли-продажи, отметим, что он может наделять правом собственности на имущество, которое не подлежит государственной регистрации. В большинстве же своем, что касается, в частности, недвижимого имущества, она необходима. В связи с этим право собственности, например, на квартиру переходит только после регистрации в Едином государственном реестре недвижимости, однако договор купли-продажи в данной ситуации будет выступать основанием регистрации права собственности, без которого невозможно оформление его перехода.

Кроме того, учитывая то, что гражданско-правовые договоры в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ могут выступать лишь предметами преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ [13], возникает закономерный вопрос: как необходимо квалифицировать действия лица, совершившего подделку такого рода документов (т.к. в соответствии с ч. 1-4 рассматриваемой статьи предметами могут выступать лишь официальные документы).

Данный вопрос является достаточно актуальным, т.к. анализ правоприменительной практики позволил выявить тот факт, что использованию заведомо подложного документа (гражданско-правового договора) предшествует его подделка этим же субъектом преступления [1, 9, 12].

Помимо этого, в отдельных случаях действия лиц по подделке, например, договора купли-продажи, договора найма жилого помещения квалифицируются по ч. 1-4 ст. 327 УК РФ, несмотря на то, что, как указывалось ранее, предметами данных составов выступают лишь официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей [10, 11].

Принимая во внимание, что подделка гражданско-правового договора и его дальнейшее использование могут причинить существенный материальный

вред вследствие незаконного получения лицом определенных имущественных прав, в частности права собственности на квартиру, автомобиль, тем самым нанося предыдущему собственнику значительные финансовые потери, считаем, что существует необходимость закрепления перечисленных противоправных деяний в качестве самостоятельного состава преступления.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что гражданско-правовые договоры и официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, несмотря на то, что имеют ряд общих черт, образуют разные категории документов. Кроме того, было установлено, что использованию поддельного договора чаще всего предшествует его подделка этим же субъектом, в связи с чем положения исследуемого в рамках статьи состава преступления не позволяют дать уголовно-правовую оценку всем совершенным противоправным деяниям. Закрепление в качестве предмета преступления в ч. 5 ст. 327 УК РФ документов гражданско-правового характера снижает степень общественной опасности преступления, связанного с подделкой или оборотом поддельных официальных документов, в связи с чем данная часть нормы подлежит выделению в самостоятельный состав.

Литература

1. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22-4414/2020 от 04.08.2020 по ч. 5 ст. 327 УК РФ Краснодарского краевого суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rx2Xf4IWPbUa/> (дата обращения: 07.06.2021).
2. Артикул воинский 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER-/Etext/articul.htm> (дата обращения: 07.06.2021).
3. Бойцова Ж.А. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 236 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
5. Лукьянова А.А. Уголовная ответственность за подделку, сбыт и использование поддельных документов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 266 с.
6. О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ // Российская газета. 2019. № 166.
7. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // Российская газета. 2020. № 296.
8. Об обязательном экземпляре документов: федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ // Российская газета. 1995. № 11-12.
9. Постановление по уголовному делу № 1-27/2019 от 25.12.2019 по ч. 3 ст. 327 УК РФ (в действующей редакции ч. 5 ст. 327 УК РФ) Омского гарнизонного военного суда [Электронный ресурс]. Доступ из государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» (дата обращения: 07.06.2021).
10. Приговор по уголовному делу № 1-25/2020 от 20.04.2020 по ч. 1 ст. 327, ч. 4 ст. 159 УК РФ Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Доступ из государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» (дата обращения: 07.06.2021).
11. Приговор по уголовному делу № 1-35/2020 от 29.07.2020 по ч. 2 ст. 327 (в действующей редакции ч. 4 ст. 327), ч. 3 ст. 159 УК РФ Дорогобужского районного суда Смоленской области [Электронный ресурс]. Доступ из государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» (дата обращения: 07.06.2021).

12. Приговор по уголовному делу № 1-570/2020 от 29.09.2020 по ч. 2 ст. 159, ч. 5 ст. 327 УК РФ Подольского городского суда Московской области [Электронный ресурс]. Доступ из государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» (дата обращения: 07.06.2021).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

14. Шаблова Е. Г., Жевняк О.В. Гражданское право. Гражданско-правовые договоры: учебное пособие. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2018. 174 с.

15. Шестало С.С. Подделка подписи документов [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 351.74:365

Ю.С. Кабанова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: jul-555@mail.ru;

К.А. Злотникова

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: krizlot@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЖИЛИЩНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Статья посвящена исследованию права сотрудников органов внутренних дел на жилищное обеспечение. В законодательстве Российской Федерации установлена норма, согласно которой сотрудники полиции имеют право на получение единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья при соблюдении ряда условий. Однако реализация данного права сопряжена с рядом сложностей, в числе которых: необоснованный отказ в предоставлении указанной выплаты, во включении в очередь, продолжительное время нахождения в ней и др. Помимо анализа вышеуказанных проблем и путей их разрешения, в статье приводится сравнительная характеристика законодательства, регулирующего вопросы обеспечения жильем сотрудников ОВД, военнослужащих РФ и молодых семей.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата на приобретение или строительство жилья, права сотрудников органов внутренних дел, обеспечение жильем, жилищные правоотношения.

Yu.S. Kabanova, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: jul-555@mail.ru;

K.A. Zlotnikova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: krizlot@yandex.ru

REVISITING THE RIGHT OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES TO HOUSING PROVISION

The article is devoted to the study of the right of employees of the internal affairs bodies to housing provision. The legislation of the Russian Federation establishes a norm according to which police officers have the right to receive one-time social payment for the purchase or construction of housing, subject to a number of conditions. However, there are known cases of refusal to provide this payment, as well as when included in the queue, a long time spent in it, so it is necessary to highlight some problems in the implementation of this right. In addition to considering the legislation in the field of providing housing for employees of the internal affairs bodies, the article provides a comparative description of housing for police officers, military personnel of the Russian Federation and young families.

Key words: one-time social payment for the purchase or construction of housing, rights of employees of internal affairs bodies, housing legal relations, right of employees of internal affairs bodies to provide housing.

Конституцией Российской Федерации гарантировано право каждого гражданина свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37). Поступая на службу в органы внутренних дел (далее – ОВД), гражданин приобретает статус сотрудника ОВД, в который входят не только обязанности, но и права. Так, в статье 44 ФЗ «О полиции» сотруднику полиции предоставляется право на жилищное обеспечение [3].

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник полиции имеет право на получение единовременной социальной выплаты на покупку или строительство жилья за счет федеральных средств, при этом законодательно закреплен ряд условий, позволяющих при их соблюдении реализовать указанное право. К таким условиям относятся: во-первых, стаж службы не менее 10 лет в календарном исчислении, во-вторых, нуждаемость в улучшении жилищных условий. К числу нуждающихся относятся сотрудники, не являющиеся собственниками, нанимателями по договору социального найма жилых помещений, а также членами семьи такого собственника или нанимателя, обеспеченные общей площадью жилого помещения не более 15 м² из расчета на одного члена семьи, имеющие члена семьи с тяжелой формой хронического заболевания, исключающего совместное проживание, и иные [5].

Для реализации указанного права сотрудник ОВД предоставляет в жилищно-бытовую комиссию (далее – ЖБК) пакет документов, комиссия принимает решение либо о постановке на учет, либо об отказе в этом. При принятии положительного решения сотрудник ОВД включается в очередь на получение единовременной социальной выплаты. Однако даже после постановки на учет могут возникнуть обстоятельства, влекущие снятие с учета и исключение из очереди. Такими причинами в соответствии с п. 19 Постановления Правительства РФ от 30.12.2011 № 1223 являются получение выплаты или иной субсидии на жилье, установление факта несоответствия действительности предоставленных в документах сведений и в случае утраты оснований для получения единовременной выплаты.

В частности, одним из оснований снятия с учета выступает уменьшение количества членов семьи за период нахождения в очереди. Так, Постановлением Президиума Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 26.09.2019 по делу № 44Г-38/2019 иски требования истца о незаконном снятии с учета были удовлетворены частично. Причиной обра-

щения в суд послужило то обстоятельство, что за время нахождения в очереди с 2012 г. по 2019 г. количество членов семьи, учитываемых для выплаты, сократилось до трех из-за достижения совершеннолетия двумя членами семьи, что послужило основанием для снятия семьи с учета. Судом было установлено, что ЖБК сняла с учета семью истца по причине улучшения жилищных условий, чем нарушила законодательство РФ. В связи с этим суд принял решение о признании незаконным решения ЦЖБК МВД по КБР от 1 февраля 2019 г. о снятии семьи истца с учета по предоставлению единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения по мотиву улучшения жилищных условий [14].

Другой причиной снятия сотрудников ОВД с учета выступает улучшение жилищных условий, в частности приобретение жилого помещения (в т.ч. и на кредитные средства), получение жилого помещения либо доли в нем по наследству или в дар. Примечательно, что отказ от доли в наследстве (в жилом помещении) сотрудником либо членами его семьи квалифицируется жилищно-бытовыми комиссиями как намеренное ухудшение условий, что также влечет исключение из числа очередников. Изложенное подтверждается следующим примером. Решением Ленинского районного суда города Уфы Республики Башкортостан от 15.11.2017 № 2-4124/2017 решение ЖБК о снятии семьи Ш. с учета по причине отказа жены заявителя от 1/4 части квартиры после смерти отца в пользу своей сестры было признано незаконным. Судом было установлено, что отказ был произведен до постановки на учет в целях получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилья [9]. В целом анализ судебной практики показывает, что в очень редких случаях суды признают снятие с учета незаконным, намного чаще иски требования остаются без удовлетворения [9, 11, 15].

Еще одним спорным вопросом, за разрешением которого лица обращаются в суд, является определение размера единовременной социальной выплаты. Размер выплаты рассчитывается по определенной формуле, в которой учитывается общая площадь жилого помещения по нормативу, различные коэффициенты и средняя стоимость одного квадратного метра, утвержденного Минстроем России для данного субъекта РФ на квартал, во время которого происходит выплата. Так, гражданин Ч. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о признании недействующим п. 27 Правил в части формулы для расчета общей площади жилого помещения. Судом установлено, что истцу была выплачена сумма в размере 752 218,40 рублей, сниженная по причине нахождения у его супруги другого жилого помеще-

ния, в котором она зарегистрирована и которое занимает на условиях договора социального найма. Суд, рассмотрев дело, вынес решение об отказе в удовлетворении требований истца [18].

По данным Счетной палаты РФ на январь 2021 г. в очереди на получение выплат стоит около 100 тысяч сотрудников ОВД. При сохраняющемся темпе крайне низкого бюджетного финансирования (до 4,66 млрд рублей в год) для обеспечения всех сотрудников, стоящих в очереди, жильем необходимо около 100 лет [19]. Такая ситуация приводит к тому, что сотрудники ОВД, утрачивая надежду на получение выплаты, приобретают жилые помещения, используя инструменты ипотечного кредитования, что автоматически приводит к снятию с учета в связи с улучшением жилищных условий. Таким образом, право на жилище как гарантия социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел на сегодняшний день в большинстве случаев лишь декларируется, а не реализуется.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 16.12.1997 № 20-П, «закрепленные в Конституции РФ цели социальной политики определяют обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и обеспечении нормальных условий существования» [14]. Следовательно, если государство издает акт, содержащий социальные гарантии, то оно обязано приложить максимум усилий для их фактической реализации.

Решением проблемы, по нашему мнению, могут служить четкая регламентация срока для предоставления субсидий на приобретение жилья, увеличение выделяемых на эти цели бюджетных ассигнований, а также заимствование элементов установленного в законодательстве механизма обеспечения жильем иных категорий граждан. В свете изложенного интерес представляет сравнение вышеуказанного порядка обеспечения жильем сотрудников ОВД и соответствующего порядка, установленного в отношении молодых семей и военнослужащих РФ.

Государственная программа «Молодая семья» осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы РФ "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"» [7]. Программой регламентировано, что государство вносит часть суммы за покупку жилья молодыми семьями (как правило, 30 или 35%) в зависимости от наличия детей в семье. Участниками программы могут стать молодые семьи, отвечающие определенным требованиям. Во-первых, молодая семья – это семья, в которой супруги не достигли возраста 35 лет и зарегистрировали брак в органах

ЗАГС, при этом семья может быть неполной, например один родитель и ребенок. Во-вторых, для постановки на учет необходимо собрать пакет документов, подать заявление и получить статус нуждающихся в жилом помещении или улучшении жилищных условий по причине отсутствия жилого помещения в собственности. Отметим, что проверка возраста участников программы проводится несколько раз: первый раз – при подаче заявки для участия в программе, второй раз – на момент составления списка для распределения денежных средств. Соответственно, ряд семей остается без выплаты, т.к. между данными событиями обычно проходят годы, и в случае, если на момент второй проверки возраст одного из супругов превысил 35 лет, семья исключается из программы как несоответствующая установленным критериям, несмотря на то, что в момент подачи документов они были соблюдены. Денежные средства выделяются при наличии кредитного договора, договора купли-продажи жилья, подряда и т.д., т.к. субсидия имеет целевое назначение, поэтому потратить её можно либо на покупку готового или строящегося жилья, либо в счет первоначального взноса по ипотеке или же ее погашения.

Сравнивая реализацию права на обеспечение жильем сотрудников ОВД и молодых семей, можно говорить о том, что схожим в данных правоотношениях является необходимость получения статуса нуждающихся и постановки в очередь для получения выплаты. Среди отличий можно выделить то, что к сотруднику предъявляются требования лишь о стаже, в отличие от молодых семей, где важен возраст и семейное положение; а также размер выплаты – для граждан субсидия покрывает лишь часть расходов, в то время как сотрудник ОВД имеет право оплатить покупку жилья полностью, при этом молодая семья может погасить первоначальный взнос или часть ипотеки, т.е. фактически после постановки на учет возможно приобретение жилья с помощью кредитных средств и последующее получение субсидии. Сотрудник ОВД, как было отмечено выше, теряет в аналогичном случае право на получение единовременной социальной выплаты.

В этой связи заслуживает поддержки предложение А.Ю. Петровой о целесообразности законодательного закрепления механизма погашения Министерством внутренних дел Российской Федерации кредитов (ипотеки) полицейских, имеющих высокие показатели в служебной деятельности и прослуживших в органах внутренних дел более 15 лет [12, с. 148].

Предоставление жилья военнослужащим РФ происходит на основании Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ, в соответствии с которым государство гаранти-

рует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме:

- предоставления денежных средств на строительство или приобретение жилого помещения, так называемая жилищная субсидия;

- предоставления жилого помещения за счет средств федерального бюджета [6].

Для получения жилого помещения либо субсидии на приобретение или строительство жилья военнослужащий должен быть признан нуждающимся в жилом помещении, иметь десятилетний стаж работы, подать заявление и необходимые документы. После этого происходит формирование реестра нуждающихся в жилье, где они располагаются в порядке очередности в зависимости от даты принятия на учет [2]. Законодательно также предусмотрена накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих, которая реализуется посредством предоставления целевого жилищного займа. По сути, происходит формирование накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников, а их последующее использование или выплата осуществляется по решению федерального органа исполнительной власти [2]. Для того чтобы использовать средства на именном накопительном счете, продолжительность службы должна составлять двадцать лет, при этом предусматривается возможность использования данных средств после увольнения, при условии десяти лет службы и увольнения либо по состоянию здоровья, либо по семейным обстоятельствам.

Не является основанием к снятию с учета и получение жилищного сертификата при последующем подтверждении нуждаемости в улучшении жилищных условий. Так, гражданин М. обратился в суд с обжалованием решения о снятии его с жилищного учета. Краснореченским гарнизонным военным судом было установлено, что гражданин М. в 2004 г. был уволен со службы в связи с оргштатными изменениями и обеспечен государственным жилищным сертификатом, в соответствии с которым им было приобретено жилое помещение площадью 30,9 м². В 2007 году он поступил на службу вновь и в 2011 г. в связи с расширением семьи до четырех человек был признан нуждающимся в жилом помещении, в 2018 г. снят с учета по причине получения сертификата в 2004 г. Однако при рассмотрении дела судом было вынесено решение о необходимости восстановления гражданина М. на учете с поправкой на имеющуюся в собственности квартиру [10].

Целевой жилищный заем предоставляется военнослужащим, которые являются участниками накопительно-ипотечной системы в течение трех лет, и использовать его можно в целях приобретения или строительства жилья, уплаты ипотечного кредита.

Важно, что целевой заем является беспроцентным и предоставляется на период, когда военнослужащий проходит службу. То есть военнослужащий может получить в форме ипотечного кредита определенную сумму, часть которой (или всю сумму) он вправе погасить из средств целевого жилищного займа в размере, равном сумме, которая находится на счете военнослужащего. Кредит по военной ипотеке предоставляется до достижения военнослужащим предельного возраста пребывания на службе, а также ограничивается определенной суммой.

Проведенный анализ порядка реализации права на жилищное обеспечение сотрудников ОВД РФ и военнослужащих РФ приводит к выводу о наличии как сходств, так и существенных различий в процессе его осуществления. Сходство проявляется в требованиях к стажу службы, в основаниях исключения из списка стоящих в очереди на получение жилищной субсидии (единовременной социальной выплаты) в случае приобретения жилья. Среди отличий необходимо отметить, что у военнослужащих РФ есть альтернатива жилищной субсидии в виде участия в накопительно-ипотечной системе, т.е. военнослужащий, будучи участником данной системы, по истечении трех лет может приобрести жилье, при этом необходимость нахождения в очереди отсутствует. О.А. Иванова и А.С. Телегин отмечают, что, к сожалению, не просматривается единый подход к критериям обеспечения жильем лиц, проходящих службу в различных ведомствах, что затрудняет понимание данных норм, их применение и не позволяет сформироваться единой судебной практике [1, с. 66].

Изложенное приводит к выводу, что система обеспечения жильем военнослужащих является более действенной и продуманной, в т.ч. и с точки зрения социального обеспечения. Сотрудники ОВД находятся в худшем положении при осуществлении права на обеспечение жильем, чем военнослужащие РФ, хотя данное право и гарантируется государством обоим названным категориям. Анализируя деятельность ОВД РФ и ВС РФ, можно отметить, что ВС РФ сдерживают военные и военно-политические угрозы безопасности Российской Федерации, осуществляют защиту экономических и политических интересов страны, в то время как предназначением органов внутренних дел является защита жизни и здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрана общественной безопасности и обеспечение общественного порядка. Таким образом, ВС РФ защищают государство от внешних угроз, а ОВД РФ охраняют общественную безопасность и обеспечивают внутренний порядок. Выполняя важные и трудоемкие функции сопоставимой значимости, сотрудники ОВД и ВС РФ имеют существенно отличающийся порядок реализации прав на обеспечение

жилем. Такая ситуация представляется не вполне справедливой. В связи с этим необходимо дополнить закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» правилом о сохранении права на предоставление единовременной социальной выплаты при приобретении квартиры на кредитные средства, выделении бюджетных средств

на полное или частичное погашение ипотеки с учетом норм обеспеченности жилой площадью субъекта РФ и стоимости одного квадратного метра на момент получения кредита. Данные меры позволят решить ряд кадровых проблем в органах внутренних дел, в т.ч. повысить заинтересованность граждан как в поступлении на службу в органы внутренних дел, так и в продолжении службы до наступления пенсионного возраста.

Литература

1. Иванова О.А., Телегин А.С. Единовременная социальная выплата для приобретения жилого помещения государственным служащим: анализ практики применения законодательства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 59-72.

2. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих [Электронный ресурс]: федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Порядка предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, и гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы [Электронный ресурс]: приказ Министра обороны от 21.07.2014 № 510. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017). URL: https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-del-po-sporam_2/ (дата обращения: 18.05.2021).

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020). URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_37/sudebnaia-kollegiia-po-delam-voennosluzhashchikh/ (дата обращения: 18.05.2021).

11. Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2016 № 44-КГ16-18. URL: <https://12.мвд.пф/document/9772295> (дата обращения: 18.05.2021).

12. Петрова Ю.А. Осуществление и защита жилищных прав сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 145-148.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.1997 № 20-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление Президиума Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 26.09.2019 по делу № 44Г-38/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Решение № 2-589/2019 2-589/2019~М-180/2019 М-180/2019 от 25 февраля 2019 г. по делу № 2-589/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TK9ZTpPjtk18/> (дата обращения: 18.05.2021).

16. Решение суда о признании незаконным снятие с учета для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилья, восстановлении на учете для получения единовременной социальной выплаты с составом семьи 5 человек, обязанности произвести выплату № 2-4124/2017 ~ М-4036/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/461496.html> (дата обращения: 18.05.2021).

17. Решение суда о признании незаконным снятия с учета для получения единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения, восстановлении в очереди на получение единовременной социальной выплаты № 2-4466/2017 ~ М-4374/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/463818.html> (дата обращения: 18.05.2021).

18. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 18 октября 2017 г. № АКПИ17-719 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Счетная палата проверит обеспечение жильем сотрудников МВД. URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverit-obespechenie-zhilem-sotrudnikov-mvd> (дата обращения: 18.05.2021).

УДК 349.2

Н.И. Минкина, канд. юрид. наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал)

E-mail: natim1@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

В работе представлен короткий обзор истории становления такого правового института трудового права, как социальное партнерство. Автор подробно останавливается на общей характеристике социального партнерства в сфере труда в современности в контексте препятствий его дальнейшего развития и проблем, требующих своего разрешения. Отмечаются дефекты в окончательном процессе формирования участников социального партнерства, что среди прочих обстоятельств связывается со встречающимся недопониманием сущности социального диалога, незаинтересованностью в нем и отсутствием культуры ведения коллективных переговоров для заключения договоров и соглашений. Также рассматриваются некоторые актуальные вопросы о дальнейшем развитии социального партнерства с использованием возможностей цифровой среды и инновационных технологий. Автор высказывает мнение о перспективах и возможных трудностях в становлении социального партнерства в сфере труда в новом цифровом и социально ориентированном формате.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, социальное партнерство, коллективный договор, цифровое развитие.

N.I. Minkina, Candidate of Judicial Sciences, assistant-professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (Altai branch)

E-mail: natim1@mail.ru

SOCIAL PARTNERSHIP IN THE WORLD OF WORK: HISTORY AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT IN RUSSIA

The article presents a brief overview of the history of the formation of such a legal institution of labor law as social partnership. Based on this review, it is concluded that over the thirty-year development of social partnership in Russia, its legal regulation has changed qualitatively and the practice of its implementation has significantly advanced, which has effectively affected social and labor relations. The author dwells in detail on the general characteristics of social partnership in the field of labor in modern times, in the context of obstacles to its further development and problems that need to be resolved. Defects are noted in the final process of forming participants in social partnership, which, among other circumstances, is associated with a common misunderstanding of the essence of social dialogue, disinterest in it and the lack of a culture of collective bargaining for the conclusion of contracts and agreements. The article also discusses some topical issues about the further development of social partnership using the opportunities of the digital environment and innovative technologies. The author expresses an opinion on the prospects and possible difficulties in the formation of social partnership in the field of labor in a new digital and socially oriented format.

Key words: social and labor relations, social partnership, collective agreement, digital development.

Около 30 лет прошло с того момента, как впервые в нашей стране на основании Указа Президента РСФСР от 15.11.1991 № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» был введен принципиально новый социальный и правовой институт, направленный на зарождение и поэтапное развитие диалога между трудящимися, работодателями (предпринимателями) и органами власти. С изданием данного указа социально-трудовые отношения начали приобретать иное содержание в условиях перехода к рыночной экономике, когда прежде всего делается акцент на партнерских и паритетных взаимоотношениях между работниками и работодателями.

До вступления в силу отмеченного Указа Президента, как верно подчеркивают исследователи, можно преимущественно говорить о возникновении организованного профсоюзного движения и формировании первых профсоюзов, хотя в определенной мере это и было связано с социальным партнерством в области трудовых отношений [1].

Собственно, с 1990-х годов Россия начала приобретать понимание нового института, внедрять его в жизнь в рамках упомянутого акта, накапливать определенный опыт, практику коллективно-договорных коммуникаций и заключения партнерских актов. Со временем по разным регионам нашей страны обобщенный опыт стал находить свое отражение в отдельных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, преимущественно в форме региональных законов, издание которых в основном приходилось на 1995-1999 гг. И несмотря на обмен опытом между региональными законодательными органами власти, в правовом регулировании социального партнерства в сфере труда закладывались различные толкования элементов данного института на субъектовом уровне, что зачастую в юридической литературе подвергалось критике [5, с. 19-20].

В дальнейшем при создании нового кодифицированного акта о труде с учетом приобретенного опыта становления социального партнерства стало понятно, что эффективное регулирование социально-трудовых отношений уже невозможно вне рамок социального партнерства [8, с. 328-329]. Поэтому в действующем Трудовом кодексе РФ, вступившем в силу с 01.02.2002, социальное партнерство закреплено в отдельном разделе II с отменой устаревших как федеральных актов, так и впоследствии отменой или пересмотром региональных актов. Но при этом очевидно, что институт социального партнерства в сфере труда, со временем ставший одним из базовых, нуждался в своем унифицированном и единообразном закреплении на федеральном уровне. В по-

следующем с учетом положений ст. 72 Конституции РФ на региональном уровне продолжили дополнять федерального законодателя в регулировании социально-трудовых отношений в части регламентации особенностей применения и реализации социального партнерства в субъектах страны.

При этом на всем пути становления партнерства в трудовых отношениях обращает на себя внимание, что если на первоначальном этапе акцентировалось внимание на количестве заключенных коллективных договоров в организациях и охвате ими работников [4, с. 20], то за последнее время мы перешли от анализа количества к качеству. Теперь приоритеты расставлены на содержании коллективных договоров и соглашений. Важное значение имеет комплекс мероприятий в актах социального партнерства, направленных на экономическую политику, охрану заработной платы, дохода и достойного уровня жизни населения, развитие рынка труда и содействие занятости населения, социальную защиту и развитие социальной сферы в целом, охрану труда, промышленную и экологическую безопасность, социально-экономические проблемы регионов России и дальнейшее развитие всего социального партнерства (как трипартизма, так и бипартизма). Также уделяется внимание реальности исполнения взятых сторонами на себя обязательств. В частности, изложенное прослеживается в содержании заключенного 31.03.2021 Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021-2023 годы.

Кроме того, сегодня уже невозможно себе представить реальность без инноваций, технических новшеств и цифровой среды, которые проникли уже почти во все сферы жизнедеятельности общества. Для цифрового развития социально-трудовых отношений толчком фактически стала пандемия COVID-19, возникшая в стране весной 2020 г. В этот момент реальные трудовые отношения, которые вынуждены были подвергаться изменениям в связи с массовым переходом (переводом) на дистанционные условия выполнения работы, на порядок опережали нормы действующего трудового законодательства. В дальнейшем на основе накопленного в данный период опыта была модернизирована глава 49.1 Трудового кодекса РФ, вступившая в силу в принципиально новой редакции с 01.01.2021. Безусловно, и в настоящее время в правовом регулировании удаленного труда остаются нерешенные вопросы и проблемы толкования норм кодекса на практике, но это является естественным путем совершенствования любого законодательства, и в действующей редакции по сравнению с предыду-

щей оно уже наиболее прогрессивное и максимально соответствующее реалиям дня и запросам общества.

Одновременно с этим, говоря о социально-трудовых отношениях, информационно-телекоммуникационные технологии наличествуют и с разной степенью используются и по другим направлениям. Значительным образом этому способствуют огромные возможности глобальной сети Интернет. Так, указанные тенденции в современности прослеживаются в следующем: переход на электронные трудовые книжки и облегчение в оформлении ее на бумажном носителе; формирование и ведение работодателями сведений о трудовой деятельности граждан в порядке, установленном законодательством; постепенный переход от бумажных к электронным документам (что прежде всего связано с изменениями ст. 65 Трудового кодекса РФ); экспериментальное ведение желаемыми работодателями локальной документации в электронном виде; заключение с дистанционными работниками трудового договора в электронной форме с использованием цифровых подписей; признание судами при разрешении различных индивидуальных трудовых споров при ряде условий допустимыми электронных доказательств и др. По сути, все перечисленное свидетельствует о некоторой трансформации трудовых отношений в цифровое пространство. Вместе с тем от частного к общему сегодня меняется и сама модель современных социально-трудовых отношений в обществе, как и пересматривается содержание социального партнерства в сфере труда в условиях глобальных трансформаций мировой экономики и трудовых отношений [9, с. 279-282].

Каким должно быть его содержание с учетом внедрения новых технологий и других значимых юридических моментов, за последние полгода весьма активно обсуждается в профессиональном сообществе как учеными-трудовиками, так и экспертами-практиками. Одной из таких тематически знаковых стала площадка Петербургского международного юридического форума – 2021, по итогам которого участники обсуждения признали, что эффективное развитие рыночной экономики невозможно без развитого социального партнерства как такового. В этой связи эксперты заключили, что все практические проблемы требуют своего скорейшего разрешения с целью достижения оптимального баланса интересов между работниками и работодателями, а непосредственно система социального партнерства должна быть приведена в соответствие с существующими глобальными изменениями в экономической, политической и технологической сферах [2].

В частности, одной из главных проблем в развитии социального партнерства является сохраняюще-

еся непонимание ее сущности. Так, соглашения, заключаемые работодателями в лице их представителей, нередко характеризуют в контексте условия, направленного на сужение возможности работодателя по управлению трудом в русле единоначалия, поэтому коллективные договоры и соглашения расцениваются как «ограничение власти работодателя и соответственно права на свободу предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [7, с. 78]. Не представляется возможным согласиться с таким и подобными мнениями по причине того, что, к сожалению, на сегодня многие работодатели недопонимают главную идею и эффект в реализации социального партнерства. Ведь заинтересованность работников в труде, в т.ч. посредством механизмов социального партнерства и коллективно-договорного регулирования отношений, позволит работодателям повысить эффективность его производства и обеспечить прибыль. А ориентир на социально ответственного работодателя позволит избежать издержек, связанных с привлечением к юридической ответственности за несоблюдение норм трудового законодательства РФ, и одновременно сберечь свою репутацию. Данное обстоятельство на практике является одним из серьезных, оно препятствует дальнейшему расширению коллективно-договорного регулирования трудовых отношений и развитию социального партнерства в целом.

Между тем и другая сторона (работники) не всегда готова к социальному диалогу. Это связано с тем, что многие работники на сегодняшний день индивидуально ориентированы, иногда даже разобщены внутри трудового коллектива, не проявляют или слабо проявляют свою социальную активность в трудовой жизни, не желают и не вступают в профсоюзные организации и т.д.

И усугубляется современная проблема дополнительно тем, что иногда прослеживаются трудности в реализации культуры ведения коллективных переговоров для заключения соответствующих договоров и соглашений. Перечисленные обстоятельства, по существу, являются проблемными и нуждающимися в своем разрешении, поскольку они сдерживают развитие партнерства в сфере труда как социально ориентированной модели непосредственно снизу, со стороны участников диалога. Решение этого вопроса исключительно законодательными мерами не представляется правильным, требуется усиление мер со стороны эффективно действующих участников социального партнерства в нашей стране. Причем указанное последствие стало итогом целенаправленных усилий государства по вектору «сверху – вниз». И сегодня особенно важна работа «внизу», а имен-

но повышение общественного статуса и значимости как объединений работодателей, так и объединений профсоюзов. И как верно отражено в ранее упомянутом действующем Генеральном соглашении, следует определить критерии и установить пределы понимания «мотивированного отказа от присоединения к соглашениям», экономически простимулировать на законодательном уровне социально ответственных работодателей; распространить механизмы социального партнерства в сфере труда на всех работников независимо от их форм занятости.

Кроме того, говоря о перспективах развития социального партнерства в сфере труда, хотелось бы остановиться на наиболее значимых его направлениях. Во-первых, это развитие будет продолжено с учетом повышения роли социального партнерства, предусмотренного в ст. 75.1 Конституции (согласно последним поправкам в нее). Впервые на уровне Основного Закона употребляется буквально термин «социальное партнерство» наряду с экономической, политической и социальной солидарностью, сбалансированностью прав и обязанностей граждан, обеспечиваемых на территории нашей страны. Более того, теперь в Конституции в этой же статье гарантируется уважение человека труда, т.е. уважение труда граждан, уважение интересов сторон трудовых отношений, которые также должны отражаться в содержательной части социального партнерства. Сегодня по-прежнему работник является слабой стороной в трудовых отношениях, он нуждается в защите, которая наряду с иными привычными средствами изначально выстраивается и посредством уважения к нему.

Во-вторых, говоря о цифровизации социально-трудовых отношений, явно предполагается развитие электронного взаимодействия профсоюзов, объединений работодателей и органов государственной власти в стране по ее регионам, где предстоит еще поработать над цифровым неравенством. Вместе с тем новая сегодня идея о создании «цифровых профсоюзов» [6, с. 10-13] должна получить свое детальное урегулирование со стороны федерального законодателя.

Также, как указано в анализируемом Генеральном соглашении, дальнейшему развитию будет под-

вергнута информационно-аналитическая система «Общероссийская база вакансий "Работа в России"». Кроме того, планируется создать онлайн- и офлайн-площадки для обсуждения вопросов развития социального партнерства.

В-третьих, принимая во внимание сложившуюся ситуацию на рынке труда и множественную практику нарушений в области оплаты труда, представляется необходимым особое значение уделять отмеченным моментам. Прежде всего речь идет о своевременной выплате заработной платы в полном объеме, размер которой соответствует всем нормативным требованиям, включая ее индексацию в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги, в порядке, установленном действующим законодательством (ст. 130, 134 Трудового кодекса РФ с последующим уточнением порядка законодателем [3, с. 67]). Также необходимо на уровне социального партнерства создавать условия, которые будут стимулировать профессиональную и трудовую мобильность граждан с учетом появления новых профессий на рынке труда.

Итак, такой современный институт трудового права, как социальное партнерство в сфере труда, – это результат достаточно длительной эволюции трудовых отношений и иных связанных с ними социальных, экономических и в определенной мере политических отношений. И если первоначально он возник как правовая категория рыночной экономики, то сегодня все больше он приобретает свою социальную направленность в условиях, как выше обозначено, модернизации законодательства, роста человеческого потенциала, развития экономики страны, процессов роботизации производства и перехода «на цифру» в жизни всего современного общества. В настоящее время выстраивание именно таких социально-паритетных отношений в сфере труда имеет немаловажное значение для всех партнеров: комфортный и достойный уровень жизни граждан, экономический успех работодателей и в целом цивилизованное и гармоничное развитие всего общества в нашем государстве (по всем регионам и местностям страны).

Литература

1. Делегеоз Е.Г. Социальное партнерство в России: исторические основы становления и развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-v-rossii-istoricheskie-osnovy-stanovleniya-i-razvitiya> (дата обращения: 10.06.2021).
2. Ключевская Н. Развитие социального партнерства: смещение акцентов в содержании, внедрение новых технологий, создание социального кодекса и иные предложения экспертов. URL: <http://www.garant.ru/news/1464972/> (дата обращения: 28.05.2021).
3. Минкина Н.И. Индексация заработной платы: проблемы толкования законодательства и практика применения // Современное право. 2019. № 1. С. 67-73.

4. Минкина Н.И. Коллективно-договорное регулирование: теория, практика и обучение // Трудовое право. 2003. № 9. С. 19-21.
5. Казаков С.О. Основные формы социального партнерства в России и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 225 с.
6. Котова С.И. Концепция трудовой занятости: цифровые профсоюзы, право на трудоустройство, абсолютное социально-обеспечительное отношение // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 10-13.
7. Сафонов В.А. Социальное партнерство в сфере труда: некоторые конституционные аспекты // Российский юридический журнал. 2019. № 2 (125). С. 76-88.
8. Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2004. 376 с.
9. Чуча С.Ю. Тенденции развития социального партнерства в России // Вопросы трудового права. 2021. № 4. С. 279-282.

УДК 347.633

Г.Б. Федоренко

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: galgofe@mail.ru

О ПОСЛЕДНИХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЫНОВЛЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННОГО ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются последние тенденции развития норм, регулирующих порядок усыновления иностранными гражданами детей из России, и практического применения этих норм. Приводится статистика усыновлений за последние годы, выявляются определенные пробелы в правовом регулировании данного института.

Предметом исследования также стал анализ осуществления на практике заявленного в законодательстве Российской Федерации приоритета интересов детей, приоритета усыновления как формы устройства детей, а также политико-правовых и национальных приоритетов.

Ключевые слова: усыновление иностранными гражданами, Конвенция о правах ребенка, приоритет интересов детей, формы семейного воспитания.

G.B. Fedorenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: galgofe@mail.ru

ON THE LATEST TRENDS IN LEGAL REGULAITON OF ADOPTION BY FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article states the recent trends in legal regulation and the development of the rules governing the adoption of children from Russia by foreign citizens and the tendency of how these standards are applied in practice. The statistic of adoptions in recent years is given, certain gaps in the legal regulation of this institution are identified.

The subject of the study was an analysis of the priorities within the Russian Federation's adoption process, and how these priorities were met, the priorities of child's needs and interests, the adoption as a form of family placement along with political legal and national priorities.

Key words: adoption by foreign citizens, the Convention on the Rights of the Child, a priority of the children needs and interests, family education.

Тема усыновления иностранными гражданами детей из России была длительное время не только актуальной, но и достаточно спорной. В практике такое усыновление получило термин «международное», в праве же – «осложненное иностранным элементом», т.е. не только усыновитель может быть иностранным гражданином, но и, например, гражданин России – кандидат в усыновители может проживать в другом государстве. За длительный период существования международного усыновления «сло-малось много копий»: одни воспринимали данное правовое явление положительно, другие – крайне отрицательно.

Среди противников международного усыновления, причем это касалось не только обывателей, было популярным мнение, что это не усыновление на самом деле, а «продажа наших детей на органы». Конечно, так могли рассуждать люди, далекие от понимания всего процесса усыновления, но тем не менее тенденция на усложнение процедуры усыновления с иностранным элементом наметилась и с каждым годом только набирает свои обороты, а в последние два года осложнилась еще и эпидемиологической обстановкой в мире.

Если первое дело в Алтайском крае в 1997 г. по усыновлению ребенка-инвалида иностранным гражданином длилось в совокупности не более получаса и рассматривалось в районном суде, то в настоящее время данные заседания длятся часами, а то и растягиваются на несколько дней и рассматриваются судами субъектов Российской Федерации. И это лишь маленькая иллюстрация изменяющегося характера данных правоотношений.

Поскольку нам известны особенности этого вида усыновления не только с точки зрения знания содержания норм права, регулирующих общественные отношения по усыновлению, осложненному иностранным элементом, но и по многим годам применения данных норм в практической деятельности, то последующие выводы и наблюдения будут опираться не только на мнения исследователей и судебную практику в исследуемой области, но и на собственный опыт.

Тенденция на сокращение международного усыновления в Российской Федерации наметилась с 2012 г., когда был издан Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [3], где в статье 4 был прямо предусмотрен запрет на усыновление российских детей гражданами Соединенных Штатов Америки. Следствием стало снижение числа усыновленных детей иностранными гражданами.

Так, в 2013 году, по данным агентства «Интерфакс» [6], число усыновленных детей сократилось практически вдвое – с 2604 до 1488 человек. По настоящее время данная тенденция сохраняется, и в 2020 г. было рассмотрено в судах только 42 дела о международном усыновлении [4]. Несомненно, в 2020 г. на количество рассмотренных дел оказали влияние и проводимые во многих государствах, в т.ч. в России, противоэпидемиологические меры, направленные на нераспространение COVID-19. Однако и в предыдущие (2018 и 2019) годы было рассмотрено совсем незначительное количество подобных дел (256 и 203 соответственно) [4].

С одной стороны, данная тенденция имеет положительное значение с точки зрения национальных интересов в части сохранения народонаселения страны, а также констатации факта о снижении количества детей, оставшихся без попечения родителей; с другой – несколько ушедшими в тень на фоне «положительной» тенденции стали так называемые приоритеты интересов детей.

И в данном случае мы рассмотрим только один аспект: в части 1 статьи 124 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [5] установлено, что «усыновление или удочерение (далее – усыновление) является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей», а далее в части 4 этой же статьи: «Усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников». Казалось бы, вполне логичные нормы: первая говорит о том, что при выборе между, например, опекой и усыновлением лучше выбрать усыновление, поскольку оно наиболее приближено к конструкции биологической семьи, и ребенок, как правило, обретает не только папу и маму, но и более благоприятный юридический статус. Второе положение говорит о приоритетном устройстве несовершеннолетнего в семье российских граждан, т.к. ребенок остается в обычной языковой и культурной среде. Вопрос возникает в следующем: при конфликте двух приоритетов, какой имеет преимущество и почему? В ситуации, когда ребенка, оставшегося без попечения родителей, желают усыновить иностранные граждане и граждане РФ, конфликта приоритетов не возникает: разумеется, в соответствии с частью 4 статьи 124 СК РФ преимущество имеют российские граждане. Однако настолько ли данная конструкция

верна, когда при одновременной возможности передать несовершеннолетнего ребенка на усыновление иностранным гражданам в полноценную семью (при наличии иных всех необходимых условий в соответствии с семейным законодательством РФ) и под опеку одинокой гражданке РФ ребенка, согласно вышеуказанной правовой конструкции, необходимо передать под опеку. Вот здесь и возникает конфликт приоритетов. Передача на усыновление более соответствует интересам самого несовершеннолетнего, т.к. он приобретает полноценную семью и ряд юридических гарантий, а в силу того, что на усыновление передаются в основном малолетние дети, то и языковой барьер преодолевается очень быстро, т.к. ребенок только усваивает речь. Что же касается передачи под опеку (попечительство), то эта форма устройства детей в семью наиболее востребована нашими гражданами, нежели усыновление.

Практические наблюдения показали, что форма опеки предпочтительна вследствие следующих факторов: на детей, имеющих статус оставшихся без попечения родителей, выплачивается пособие опекунам на содержание этих детей, причем данное пособие значительно выше, чем обычно выплачиваемые пособия на детей. Отказаться от осуществления опеки (попечительства) значительно проще, чем отменить усыновление, да и ответственность опекуна ниже, чем родительская. Как видим, мотив избрания данной формы устройства имеет экономическую подоплеку, что может говорить и о наличии неких корыстных побуждений. Государственная поддержка семей в виде выплаты «материнского капитала» увеличила популярность и такой формы устройства, как усыновление, но в данном случае нельзя исключать и корыстный мотив. Отметим, что исследование мотивации усыновления российскими гражданами находится не на столь тщательном контроле, как это делается в отношении иностранных граждан. И если говорить с точки зрения именно интересов самого ребенка, учитывая фактические обстоятельства его устройства в семью, то в некоторых случаях усыновление в семью иностранных граждан более бы отвечало его интересам, чем передача в семью российских граждан.

Оппоненты данной позиции могут обоснованно возразить: не держать же детей в детских учреждениях в ожидании иностранных усыновителей, если российские граждане готовы только принять под опеку данного ребенка. Конечно, нет, не держать, а отдавать в семьи российских граждан. Речь идет об отдельных случаях, возникающих в связи с наличием пробела в праве, обусловленным отсутствием детальной регламентации общего правила, изложенного в части 4

статьи 124 СК РФ, предписывающей передачу ребенка на усыновление иностранным гражданам только в том случае, если его не удалось передать на воспитание в семьи российских граждан. Данная норма не конкретизирует момент, до которого необходимо осуществлять мероприятия по устройству ребенка в семьи российских граждан. Существующая практика позволяет это делать вплоть до вынесения решения судом об усыновлении ребенка иностранными гражданами, и в некоторых случаях, по нашему мнению, это осуществляется вопреки истинным интересам ребенка.

Приведем пример: усыновители – граждане Италии, пройдя все необходимые процедуры (постановку на учет, подготовку всех необходимых документов, подбор и знакомство с ребенком, установление контакта с ребенком), подали заявление об усыновлении в Алтайский краевой суд и прибыли в Российскую Федерацию к дате назначенного судебного заседания. Именно в этот период в суд поступило заявление от органов опеки и попечительства по месту нахождения ребенка, что в отношении усыновляемого ребенка появился кандидат в опекуны, которая имеет намерение взять этого ребенка под опеку и собирает документы. То есть вопрос передачи под опеку даже не был решен окончательно, однако данный факт послужил причиной невозможности рассмотрения данного дела при сложившихся обстоятельствах. Данное заявление было оставлено без рассмотрения, а был ли в конечном счете данный ребенок устроен в семью – неизвестно. Можно ли в подобных случаях говорить о том, что соблюдение данного правила полностью отвечает интересам ребенка: когда ребенок уже знаком со своими потенциальными родителями, которые предприняли все необходимые действия для реального осуществления своего намерения усыновить и в связи с этим понесли значительные расходы, и когда по объективным факторам они могут предоставить наилучшие условия для содержания, воспитания и лечения ребенка? А если еще и предположить, что ребенок эмоционально привязался к иностранным усыновителям. Что тогда? Закон не предусматривает никаких междометий.

И данная практика продолжается. Вот сухие строки последнего Обзора практики рассмотрения в 2020 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами [4]: «По ряду дел суды прекращали производство по делу в связи с отказом заявителей от заявления об усыновлении. Например, Кемеровским областным судом производство по одному из дел об усыновлении было прекращено в связи с поступлением от усыновителей – граждан Французской Республики заявления об

отказе от заявления об усыновлении, поскольку ребенок передан на воспитание в российскую семью».

За данными строками стоят абсолютно схожие обстоятельства, когда на территории РФ иностранные граждане были зарегистрированы надлежащим образом как кандидаты в усыновители, им в соответствии с российским законодательством предложена кандидатура ребенка, который уже состоял на учете более года и неоднократно предлагался на усыновление либо под опеку российским гражданам, но до этого момента никто из них не взял данного ребенка; они собрали весь необходимый пакет документов на усыновление, легализовали его, установили с ребенком контакт, но тут вдруг внезапно заработал приоритет внутринационального устройства ребенка, а не приоритет его личных интересов.

Нам представляется, чтобы в подобных случаях не возникали конфликты задекларированных приоритетов, должен быть нормативно закреплен момент окончания действия мер по устройству ребенка в семьи российских граждан в случае передачи его кандидатуры на усыновление иностранным гражданам. Полагаем, таким моментом должна являться дата принятия для рассмотрения соответствующими судами Российской Федерации заявления от усыновителей – иностранных граждан об усыновлении.

В пользу необходимости данного нормативно-го уточнения говорит еще и то обстоятельство, что его отсутствие дает возможность к злоупотреблению своими должностными обязанностями отдельными представителями уполномоченных органов, которые могут использовать названный законодательный пробел в корыстных (коррупционных) интересах, воздействуя на представителей аккредитованных организаций и усыновителей «угрозой срыва» предстоящего усыновления. Пример: мать, употреблявшая наркотические средства, отказалась от ребенка в роддоме, написала согласие на усыновление, вплоть до рассмотрения дела в суде об усыновлении ребенком не интересовалась, не принимала участие в его содержании. В период подготовки дела к рассмотрению в суд поступает заявление от матери, которая указывает, что намеревается забрать ребенка из детского учреждения. При изучении обстоятельств было выяснено, что такое заявление мать несовершеннолетнего написала после «воспитательной» беседы с представителем органов опеки и попечительства по

месту проживания матери, который и заверил заявление (что, надо отметить, входит в компетенцию органов опеки) по поручению регионального оператора, имевшего «не сложившиеся» отношения с представителем аккредитованной организации усыновителей. Впоследствии представителем органа опеки и попечительства по месту нахождения ребенка было выяснено, что мать не имеет реального намерения забрать ребенка и самостоятельно его воспитывать, она продолжает употреблять наркотические средства, не имеет возможности содержать ребенка, ей просто стало «стыдно», и она написала такое заявление. В итоге ею было подтверждено свое согласие на усыновление, ребенок был усыновлен и обрел семью. Но такой исход скорее исключение, нежели правило.

Представляется, что в подобных ситуациях всё же необходимо отдавать предпочтение (приоритет) истинным интересам ребенка, т.к. Российская Федерация придерживается международных принципов, изложенных в Декларации прав ребенка 1959 г. [1], провозглашающих, что «при издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка». Предложенное нормативное дополнение также будет способствовать реализации положения статьи 21 Конвенции о правах ребенка [2], в соответствии с которым государства-участники «принимают все необходимые меры с целью обеспечения того, чтобы в случае усыновления в другой стране устройство ребенка не приводило к получению неоправданных финансовых выгод связанными с этим лицами».

Следует также отметить, что значительная часть детей, передаваемых на усыновление за границу, являются детьми-инвалидами, и многие российские граждане еще ментально не готовы принимать их в семью. Кроме того, реабилитационная система и система поддержки детей-инвалидов в нашей стране только формируется, на ее становление уйдет значительное время, поэтому такую форму устройства детей, как «международное» усыновление, еще рано рассматривать как «атавизм» или что-то «отрицательное», для многих российских детей это единственный шанс обрести семью. Полагаем, что предложенная детализация норм семейного законодательства способствовала бы наиболее полной реализации общей цели – наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Литература

1. Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 30.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Обзор практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 2 июня 2021 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Число усыновленных иностранцами российских сирот сократилось в девять раз. URL: <https://www.interfax.ru/russia/666110> (дата обращения: 28.05.2021).

УДК 343.985

А.Е. Чечетин, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: achechetin@mail.ru;

И.Д. Шатохин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha_to_hin@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В статье поднимается проблема правового регулирования ограничения права собственности в оперативно-розыскной деятельности на основе анализа жалоб граждан в Конституционный Суд Российской Федерации и правовых позиций, сформулированных им в решениях по такого рода обращениям. Исследуются проблемы ограничения права собственности в процессе проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий. Проводится анализ влияния результатов такой деятельности для достижения задач, обеспечивающих реализацию оперативными службами своих функций. Авторы приходят к выводу, что законодатель уделил недостаточное внимание обеспечению охраны права собственности в процессе оперативно-розыскной деятельности, поэтому должен быть создан законодательный механизм охраны этого права путем установления ограничительных условий изъятия, касающихся видов изымаемых предметов, категорий дел, по которым это возможно, целей изъятия, сроков удержания имущества, порядка его хранения и возвращения законным владельцам.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, гражданское право, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, право собственности, обеспечение прав граждан.

A.E. Chechetin, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

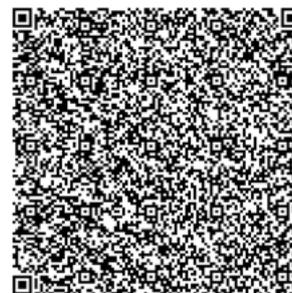
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: achechetin@mail.ru;

I.D. Shatokhin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha_to_hin@mail.ru

REVISITING THE VALIDITY OF THE RESTRICTION OF PROPERTY RIGHTS IN OPERATIVE INVESTIGATIVE ACTIVITIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article raises the problem of legal regulation of the restriction of property rights in operational investigative activities based on the analysis of citizens' complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation and the legal positions formulated by it in decisions on such appeals. The problems of restricting property rights in the process of carrying out some operative investigative activities are considered. The analysis of the impact of the results of such activities is carried out to achieve the tasks that ensure the implementation of operational services of their functions. The authors come to the conclusion that the legislator paid insufficient attention to ensuring the protection of property rights in the process of operative investigative activities and therefore a legislative mechanism for protecting this right should be created by establishing restrictive conditions for seizure concerning the types of seized items, categories of cases for which this is possible, the purposes of seizure, the terms of retention of property, the procedure for its storage and return.

Key words: the Constitutional Court of the Russian Federation, civil law, operative investigative activities, operative investigative measures, property rights, ensuring the rights of citizens.

Согласно ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом (ч. 1), каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им (ч. 2), никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 3). Базовым законом, регулирующим право собственности, порядок его реализации, основания возникновения, ограничения, прекращения, является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Возможность иметь имущество на праве собственности входит в содержание правоспособности граждан (ст. 18 ГК РФ), которая, как известно, возникает с рождения и прекращается смертью, неотчуждаема и непередаваема. Правом собственности наделяются и юридические лица, за исключением унитарных предприятий и учреждений (п. 3 ст. 213 ГК). При этом ст. 22 ГК РФ определяет, что никто не может быть ограничен в правоспособности иначе как в случаях и в порядке, предусмотренных законом, а несоблюдение данного порядка влечет недействительность акта государственного (или иного) органа, устанавливающего соответствующее ограничение.

Возможности ограничения рассматриваемого права предусмотрены различными федеральными законами, в т.ч. регулирующими правоохранительную деятельность, направленную на борьбу с преступностью. Как отмечал Конституционный Суд РФ, конституционные гарантии охраны права частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере. При этом изъятие имущества у собственника или законного владельца в процессе уголовного судопроизводства допустимо без судебного решения только в тех случаях, когда такое изъятие как процессуальная мера обеспечительного характера является временным, не приводит к лишению лица права собственности и предполагает последующий судебный контроль [10].

Ограничение гарантированного Конституцией РФ права собственности допускается законодателем не только в уголовном судопроизводстве, но и в процессе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), которая обеспечивает решение его задач. Так, ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) наделяет органы, осуществляющие ОРД, правом на изъятие предметов и документов при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а также на использование в ходе ОРМ по договору имущества частных лиц. Однако практика применения изъятия, предусмотренного указанной статьей, в процессе ОРД вызывает немало правовых конфликтов, о наличии которых достаточно наглядно свидетель-

ствуют жалобы граждан в Конституционный Суд РФ на нормы Закона об ОРД.

Проведенный нами анализ таких жалоб показал, что нарушение рассматриваемого конституционного права при проведении ОРМ, как правило, связывается заявителями с неправомерным, по их мнению, изъятием различных товаров, продукции производства, оборудования, офисной техники и т.п. в процессе сбора образцов для сравнительного исследования, а также обследования помещений.

Так, поводом одной из первых конституционных жалоб на нарушение права собственности в процессе ОРД стало проведенное сотрудниками оперативного подразделения налоговой полиции¹ обследование принадлежащего индивидуальному предпринимателю магазина с целью получения образцов для сравнительного исследования, в процессе которого изъято более 600 ювелирных изделий. Заявительница оспорила п. 3 части первой ст. 6 Закона об ОРД, предусматривающий в качестве оперативно-розыскного мероприятия сбор образцов для сравнительного исследования, а также п. 1 части первой ст. 15 указанного закона, предоставляющий оперативным службам право на изъятие предметов и документов в ходе проведения ОРМ.

Конституционный Суд отказал в принятии данной жалобы к рассмотрению, придя к выводу о том, что сами по себе оспариваемые заявителем нормативные предписания не могут рассматриваться как нарушающие ее конституционные права. В мотивировочной части этого решения было указано, что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает в конституционно значимых целях возможность соразмерного ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина. Ряд такого рода ограничений предусматривается Законом об ОРД, возложившим на органы, осуществляющие ОРД, обязанность выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления путем проведения различных ОРМ, которые могут проводиться лишь при наличии перечисленных законом оснований. Это требование является обязательным и в случае проведения оперативно-розыскного мероприятия в виде сбора образцов для сравнительного исследования. «Данное мероприятие, – как отметил Конституционный Суд, – будучи направленным на обеспечение раскрытия преступлений, не является мерой ответственности за преступление и не связано с лишением лица права собственности. Изъятие имущества органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, носит временный характер, не приводит к его отчуждению и не порождает перехода права собственности к государству». При этом была сделана ссылка на сформулирован-

¹ Федеральная служба налоговой полиции упразднена с 1 июля 2003 г. Указом Президента РФ от 11 марта 2003 г.

ную ранее правовую позицию, согласно которой временное изъятие имущества в конституционно оправданных целях допустимо при наличии гарантии последующего судебного контроля [8].

Таким образом, Конституционный Суд по существу признал допустимым ограничение права собственности при проведении сбора образцов для сравнительного исследования в виде изъятия у предпринимателя в процессе ОРД части выставленного на продажу товара при наличии установленных законом оснований для проведения ОРМ и возможности последующего судебного контроля за законностью и обоснованностью такого изъятия. Однако это отнюдь не означает, что действия оперативных сотрудников по изъятию ювелирных изделий в деле заявительницы носили законный характер. Об этом, в частности, позволяет судить содержащаяся в завершающем абзаце мотивировочной части цитируемого определения оговорка о том, что установление достаточности оснований для конкретного ОРМ, а также проверка фактов возможных нарушений при этом прав заявителя не входят в компетенцию Конституционного Суда. Кроме того, из полученных Конституционным Судом материалов следовало, что арбитражный суд принял решение о возврате индивидуальному предпринимателю изъятых у нее документов и ценностей, фактически означающее признание необоснованным ограничения ее права собственности действиями правоприменителей.

Детальный анализ обстоятельств дела заявительницы позволяет нам прийти к выводу о незаконности действий оперативных сотрудников по изъятию товарной продукции. Во-первых, как следует из представленных ею материалов, по истечении 6 месяцев после проведенного ОРМ была проведена экспертиза только 15 ювелирных изделий, т.е. все остальные изымались вопреки установленной законодателем цели проводимого ОРМ – сбора образцов для сравнительного исследования, поскольку никакого исследования изъятых предметов не проводилось. Во-вторых, в отношении заявительницы по результатам обследования и сбора образцов не возбуждалось уголовного преследования, а проведенное обследование магазина, сопровождавшееся изъятием товаров, производилось в целях выявления лиц, реализующих ювелирные изделия с использованием реквизитов подставных лиц¹. Таким образом, сведениями о причастности к противоправным действиям самого предпринимателя, чье право собственности проводимыми ОРМ ограничивалось, оперативная служба не располагала. Иными словами, в рассматриваемом деле отсутствовали основания для проведения ОРМ в отношении индивидуального предпринимателя,

¹ Материалы обращения № 8106 от 01.07.2003 // Архив Секретариата Конституционного Суда РФ.

что является прямым нарушением требований ст. 7 Закона об ОРД. Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу о нарушении права собственности заявительницы, но причина этого нарушения в ее деле кроется прежде всего в действиях полицейских, а не в оспариваемых ею нормах закона.

Поводом для другой жалобы в Конституционный Суд послужило проведение обследования помещений финансовой компании, в ходе которого оперативными сотрудниками было изъято более 40 системных компьютерных блоков, несколько переносных компьютеров, в т.ч. принадлежащих лично сотрудникам компании, офисное оборудование и вся документация компании. При проведении обследования владельцам помещения и находящимся в нем лицам не были разъяснены права, в т.ч. на обжалование действий правоохранителей, они были ограничены в свободе передвижения, лишены возможности внесения замечаний и дополнений в протокол изъятия, им не была предоставлена возможность приглашения адвоката². Анализ представленных заявителем материалов свидетельствует, что в офисе компании был проведен фактический обыск без возбуждения уголовного дела и без предоставления гарантий прав личности, предусмотренных УПК РФ. Такого рода действия противоречат сформулированной Конституционным Судом правовой позиции о том, что оперативно-розыскные мероприятия не могут подменять собой следственных действий, проводимых с соблюдением уголовно-процессуального закона [9]. Что касается права собственности заявителя, а также сотрудников компании, чьи личные компьютеры были изъяты в процессе обследования, то описанными действиями оно явно было нарушено. К сожалению, данная жалоба была направлена с нарушением ряда законодательных требований, что воспрепятствовало принятию по ней Конституционным Судом РФ соответствующего процессуального решения.

Конституционность ст. 15 Закона об ОРД была оспорена также в жалобе юридического лица – ОАО «Дальневосточная энергетическая управляющая компания». Как следовало из представленных документов, на основании постановления руководителя Управления ФСБ России по Приморскому краю было произведено обследование служебных помещений заявителя, в ходе которого изъяты жесткие диски компьютеров с содержащейся на них информацией о финансово-хозяйственной деятельности компании. Изъятые компьютерные блоки удерживались оперативной службой более года без принятия решения о возбуждении уголовного дела и их признании вещественными доказательствами. На обращение компании в Управление ФСБ с просьбой вернуть изъятые

² Материалы обращения № 489/15-01/10 от 14.01.2010 // Архив Секретариата Конституционного Суда РФ.

имущество был получен отказ, но предложено при этом предоставить электронные носители информации для копирования необходимых данных с изъятых носителей. Жалоба собственника в суд на действия УФСБ была оставлена без удовлетворения. С таким решением согласились суды апелляционной и кассационной инстанций. Неконституционность оспариваемой нормы Закона об ОРД заявитель обосновывал тем, что она не предусматривает сроков удержания электронных носителей информации, изъятых при проведении ОРМ, а также обязывает лицо, у которого произведено такое изъятие, предоставлять другие электронные носители для осуществления копирования соответствующей информации.

В решении Конституционного Суда об отказе в принятии данной жалобы к рассмотрению, основанном на сформулированных ранее правовых позициях, отмечалось, что органы, осуществляющие ОРД, вправе изымать лишь документы и (или) электронные носители информации, с помощью которых могут быть получены сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Такое изъятие носит временный характер, не приводит к отчуждению имущества, не порождает перехода права собственности к государству и не исключает гражданско-правового порядка возмещения причиненного вреда [5].

Сравнительный анализ материалов жалобы ОАО «Дальневосточная энергетическая управляющая компания» и решения Конституционного Суда РФ по ней позволяет сделать ряд комментариев. Во-первых, высший судебный орган в очередной раз подтвердил допустимость ограничения права собственности при проведении ОРМ, имевшего место в этот раз путем проведения гласного обследования, направленного на обнаружение и изъятие информации о финансово-хозяйственной деятельности компании.

Во-вторых, не усмотрев признаков неопределенности оспариваемой нормы, Конституционный Суд все же дал некоторое ограничительное толкование ее положений, указав на то, что органы, осуществляющие ОРД, «вправе изымать лишь документы и (или) электронные носители информации, с помощью которых могут быть получены сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления», а не любое имущество.

В-третьих, ограничение права собственности в деле заявителя распространялось на два объекта: 1) на содержащуюся в компьютере информацию, необходимую для нормального функционирования предприятия, но не имеющую своего стоимостного эквивалента; 2) на материальные носители информации – жесткие диски, которые представляют материальную ценность и имеют свое стоимостное выражение. Мотивировка же решения Конституци-

онного Суда в основном базируется на анализе защищенности права собственника на информацию, необходимую для ведения хозяйственной деятельности. По этому поводу следует отметить, что механизм ограничения данного права в ст. 15 Закона об ОРД отрегулирован достаточно детально, а потому в этом аспекте решение Конституционного Суда не дает повода для дискуссий. В то же время механизм ограничения права собственности на материальные ценности «остался за кадром» рассматриваемого определения, что было обусловлено позицией заявителя, несогласного с законодательным возложением на собственника изъятой информации бремени предоставления материальных носителей для ее копирования и отказавшегося их предоставлять оперативной службе. Такое законодательное регулирование было признано допустимым.

В-четвертых, в решении Конституционного Суда РФ, к сожалению, нет ответа на немаловажный довод заявителя об отсутствии в ст. 15 Закона об ОРД упоминания о сроках удержания изъятого имущества, который в деле заявителя превышал 12 месяцев. Вряд ли такой срок можно признать разумным и допустимым для проверки сообщения о признаках преступления, ради которой в деле заявителя производилось изъятие. Как известно, ст. 144 УПК РФ максимальный предел срока для проверки сообщения о преступлении и принятия по нему процессуального решения ограничивает 30 сутками.

В-пятых, мотивируя свой вывод об отсутствии признаков неконституционности оспариваемой нормы в указанном заявителем аспекте, Конституционный Суд сослался также на то, что изъятие имущества в процессе ОРД не исключает гражданско-правового порядка возмещения причиненного вреда. Тем самым он признал, что изъятие при проведении ОРМ сопряжено с причинением как материального, так и иного вреда собственнику.

Проведенный анализ рассматриваемого судебного решения и документов, на основании которых оно принято, позволяет прийти к выводу о том, что право собственности заявителя оказалось незащищенным, а произвольно длительное удержание изъятого имущества оперативной службой нельзя признать законным.

Весьма наглядным примером необоснованного ограничения права собственности являются обстоятельства дела автора нескольких обращений в Конституционный Суд РФ. Как следовало из представленных материалов, в отношении заявителя был проведен оперативный эксперимент по заявлению о вымогательстве им денег, которое, как впоследствии выяснилось, носило заведомо ложный характер. Несмотря на то что предполагавшиеся к передаче деньги он отказался принять, оперативные сотрудники

его задержали и провели принудительный личный досмотр, в результате которого изъяли принадлежащий ему мобильный телефон. Акт досмотра вместе с телефоном и объяснением заявителя впоследствии были переданы следователю, который вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Это решение в тот же день было отменено руководителем следственного органа для дополнительной проверки, после которой в возбуждении уголовного дела было отказано вновь. Эта процессуальная «карусель» не один раз повторялась и продолжалась на протяжении целого года. За это время, как утверждает заявитель, он неоднократно обращался к следователю с устными просьбами о возврате изъятого телефона, но получал неизменный отказ. Направленные им жалобы в суд на бездействие следователя остались без удовлетворения со ссылкой на отсутствие письменных ходатайств о возврате телефона и продолжающуюся проверку заявления о преступлении¹.

В своем обращении в Конституционный Суд РФ заявитель утверждал, что ст. 15 Закона об ОРД позволяет оперативным сотрудникам при проверке сообщения о преступлении изымать любое личное имущество у проверяемых лиц с нарушением уголовно-процессуального порядка, удерживать это имущество, не признавая его вещественным доказательством, в течение неопределенно длительного срока и не разрешать его судьбу при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Принимая во внимание обстоятельства дела заявителя, с такими выводами трудно не согласиться. В решении Конституционного Суда по данной жалобе было отмечено, что вопреки утверждениям заявителя, ч. 4 ст. 81 УПК РФ прямо устанавливает, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации и документы, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, с учетом требований статьи 6.1 указанного кодекса [6].

В конституционных жалобах поднималась еще одна немаловажная проблема, связанная с защитой собственности лиц, добровольно предоставивших свое имущество в виде денежных средств для проведения ОРМ. Так, предприниматель из Волгограда, обратившийся в правоохранительные органы с заявлением о вымогательстве у него взятки, не только дал согласие на участие в оперативном эксперименте, но и, что нередко происходит, предоставил личные денежные средства в сумме более 4 млн рублей для вручения вымогателю в качестве предмета взятки.

После задержания подозреваемого с личным предметом взятки был изъят, признан вещественным доказательством и помещен в хранилище следственного органа. Тем самым владелец денег был лишен возможности распоряжаться своей собственностью.

На первоначальном этапе расследования предприниматель в установленном порядке признавался потерпевшим по уголовному делу, однако впоследствии в результате переквалификации деяния обвиняемых со ст. 290 «Получение взятки» на ст. 159 «Мошенничество» УК РФ постановление о признании потерпевшим было отменено в связи с отсутствием причиненного ему материального ущерба. Во время предварительного следствия, сроки которого многократно продлевались и составили около четырех лет, признанные вещественным доказательством денежные средства предпринимателя были похищены из хранилища, а возбужденное по этому факту уголовное дело приостановлено в связи с неустановлением виновного лица. Попытки восстановить свой процессуальный статус потерпевшего путем обращения в суды оказались безрезультатными, а отказы в этом были мотивированы ссылкой на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4], которое было неправильно истолковано судом общей юрисдикции. Тем самым предпринимателю дали понять, что шансов получить обратно свои деньги, предоставленные им сотрудникам полиции для проведения оперативного эксперимента, у него нет, что стало поводом для обращения его с жалобой в Конституционный Суд РФ².

В результате начатой Конституционным Судом проверки данной жалобы апелляционная коллегия по гражданским делам Волгоградского областного суда своим определением взыскала с Министерства финансов РФ денежную сумму, переданную предпринимателем для проведения оперативного эксперимента, а также проценты за неправомерное удержание денежных средств в соответствии со ст. 395 ГК РФ. Таким образом, лишь почти через пять лет право собственности гражданина, предоставившего собственные денежные средства для проведения ОРМ, было восстановлено судом. В решении Конституционного Суда РФ по данной жалобе отмечалось, что лица, содействующие органам, осуществляющим ОРД, включая привлекаемых с их согласия к проведению ОРМ, находятся под защитой государства, а потому оно обязано обеспечить защиту их имущественных прав и интересов, в т.ч. путем возврата законным владельцам использованного в ходе ОРМ имущества, а в случае причинения им имущественного ущерба – возместить таковой. На реализацию этой обязан-

¹ Материалы обращений № 1779 от 19.02.2016, № 4239 от 19.04.2016, № 5100 от 05.05.2016, № 8284 от 27.07.2016 // Архив Секретариата Конституционного Суда РФ.

² Материалы обращения № 561/15-01/15 от 20.01.2015 // Архив Секретариата Конституционного Суда РФ.

ности направлено и разъяснение, данное в абзаце третьем п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, согласно которому не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ (дача взятки), действия лица, в отношении которого были заявлены требования о даче взятки, если до передачи ценностей оно добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять ОРД, и передача имущества производилась под контролем с целью задержания с поличным лица, заявившего такие требования; в этих случаях деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки, подлежат возвращению их владельцу [7]. Из описанного примера достаточно наглядно видно, что оперативно-розыскная практика не обеспечивает защиту права собственности не только лиц, проверяемых на причастность к преступлениям, но даже тех, кто оказывает содействие в выявлении и разоблачении преступников.

Обобщая результаты анализа конституционных жалоб, в которых оспаривались положения ст. 15 Закона об ОРД, нельзя не видеть, что критика данной статьи небезосновательна. Действительно, часть первая данной статьи, закрепляющая право оперативных служб на изъятие документов, предметов, материалов и сообщений в процессе проведения ОРМ, не содержит каких-либо гарантий защиты права собственности от необоснованного и несоразмерного ограничения. В частности, в ней не закрепляются условия ограничения этого права, не указывается, какие предметы и материалы могут изыматься, что является основанием их изъятия, каковы сроки изъятия, обязанности оперативных сотрудников по их сохранности и возврату и т.д. Не восполняют пробельность закона в этой части и ведомственные нормативные акты органов, осуществляющих ОРД. Так, в Инструкции МВД России о порядке проведения гласного обследования нежилых помещений [2], предусматривающей возможность изъятия предметов и вещей при проведении данного ОРМ, также не установлено никаких ограничительных условий для такого рода действий. Отсутствие же в законе и подзаконных нормативных актах условий для ограничения права собственности создает предпосылки для произвольных и необоснованных действий правоприменителей, нарушающих это право.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что в отношении авторов приведенных выше обращений в Конституционный Суд уголовные дела не возбуждались, поскольку сведения о признаках совершения ими преступлений не нашли подтверждения. Отсюда следует, что ограничение их права собственности путем изъятия и длительное удержание их имущества производилось без достаточных к тому оснований.

Хотелось бы обратить внимание еще на то обстоятельство, что Закон об ОРД предполагает ограничение при проведении ОРМ не только права собственности, но и других конституционных прав личности: на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на неприкосновенность жилища. При этом ограничение указанных прав согласно ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД допускается на основании судебного решения и при наличии информации о признаках любого преступления, а только такого, по которому обязательно производство предварительного следствия. Указанные положения создают определенный механизм защиты рассмотренных прав от необоснованного и несоразмерного ограничения в процессе ОРД. В то же время какого-либо механизма защиты права собственности Закон об ОРД не предусматривает. Таким образом, разные конституционные права по-разному защищаются законодателем и при этом видно, что защита права собственности в процессе ОРД менее приоритетна для законодателя, чем защита иных конституционных прав.

Значит ли это, что право собственности менее значимо для основного носителя прав – человека? Как нам представляется, для подавляющего большинства разумных людей право собственности представляет значительно большую ценность, нежели, к примеру, право на тайну телефонных переговоров. Соответственно, ограничение того и другого права приносит различный по своему объему вред. Например, мобильный телефон для современного человека является не просто модным атрибутом, а необходимым средством жизнедеятельности и жизнеобеспечения, в связи с чем его временное изъятие спецслужбами влечет причинение не только материального вреда, но и моральный дискомфорт, связанный с утратой социально значимого инструмента общения. В то же время, если спецслужбы будут прослушивать его телефонные переговоры, по результатам которых никаких уголовно-правовых или административных последствий не наступит, то никакого фактического вреда обладателю телефона причинено не будет. Лишь в случае придания гласности проведенного ОРМ может быть поставлен вопрос о причинении морального вреда лицу, чьи переговоры тайно прослушивались. Таким образом, вред от необоснованного ограничения права собственности будет несоизмеримо выше вреда от необоснованного ограничения других конституционных прав. Отсюда возникает вопрос: почему законодатель данное право защищает в меньшей степени?

В отличие от Закона об ОРД уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд важных гарантий защиты права собственности на изымаемые в досудебном производстве предметы и вещи,

налагая на должностных лиц ряд определенных обязанностей. В частности, согласно ч. 4 ст. 81 УПК РФ изъятые в досудебном производстве предметы, не признанные вещественными доказательствами, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты. Более жестко этот вопрос урегулирован по уголовным делам экономической направленности, по которым согласно ст. 81.1 УПК РФ постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов должно выноситься в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия, а не признанные вещественными доказательствами в этот срок предметы возвращаются лицам, у которых они были изъяты, не позднее чем через 5 суток. Каких-либо аналогичных норм Закон об ОРД не содержит, хотя суть ограничения права собственности путем изъятия абсолютно одинакова. Таким образом, законодатель при наличии явных признаков преступления, позволяющих начать уголовное судопроизводство, предусматривает гарантии защиты права собственности, а в процессе ОРМ, основанием для которых выступают лишь предположительные и не достаточные для возбуждения уголовного дела сведения о признаках преступления, аналогичных гарантий не устанавливает. В то же время по образному выражению К.Б. Калиновского, «решение о возбуждении уголовного дела пока остается тем самым спусковым крючком, запускающим механизмы уголовно-процессуального принуждения и одновременно обеспечивающим соблюдение конституционно-правового принципа соразмерности применения этого принуждения» [3, с. 48].

В связи с этим нельзя не согласиться с выводами другого исследователя о том, что изъятие в практике ОРД должно стать исключительной мерой, допустимой только в тех случаях, когда иными средствами невозможно выявить, предупредить, пресечь или раскрыть преступление. При этом упрощенный порядок изъятия, реализуемый в современной оперативно-розыскной практике, должен применяться лишь к предметам, изъятым из гражданского оборота, а для вещей, принадлежащих физическим и юридическим лицам на праве собственности, следовало бы предусмотреть особый правовой режим изъятия [1].

Недостатки правового регулирования оперативно-розыскного изъятия, приводящие к многочисленным нарушениям права собственности, признаются и отдельными законодателями. Об этом, в частности, свидетельствует законопроект, подготовленный группой депутатов Государственной Думы, в котором наряду с изменениями в УПК РФ, касающимися процедуры хранения вещественных доказательств, предусматривалось внесение дополнений в Федеральный закон «О полиции» и ст. 15 Закона об ОРД, ограничивающих усмотрение правоприменителя при производстве изъятий в процессе ОРД. Предлагав-

шиеся в законопроекте дополнения конкретизировали объекты, разрешенные к изъятию при проведении ОРМ, ограничивая их по объему и видам. Если действующим законодательством предусмотрена возможность изъятия при проведении ОРМ любых документов, предметов, материалов и сообщений по усмотрению правоприменителя, то предложенные законодательные новеллы предполагали допустимость изъятия лишь «отдельных образцов сырья, материалов, продукции и товаров, необходимых для проведения исследований или экспертиз предметов, вещей и веществ, изъятых из гражданского оборота и находящихся у граждан без специального разрешения» [11]. Соглашаясь в принципе с необходимостью сужения перечня допустимых к изъятию предметов, вместе с тем следовало бы отметить, что авторы законопроекта не включили в него орудия и средства совершения преступлений, что представляется не менее важным для решения задач ОРД. К сожалению, указанные дополнения в ФЗ «О полиции» и Закон об ОРД, не получив необходимой поддержки, были впоследствии исключены из текста законопроекта, хотя, по нашему мнению, их принятие позволило бы сдвинуть с мертвой точки затронутую нами проблему.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что законодатель уделил недостаточное внимание обеспечению охраны права собственности в процессе ОРД. Поскольку Закон об ОРД допускает возможность изъятия предметов и документов, которые могут являться объектами права собственности, то должен быть создан законодательный механизм охраны этого права путем установления ограничительных условий изъятия, касающихся видов изымаемых предметов, категорий дел, по которым это возможно, целей изъятия, сроков удержания имущества, порядка его хранения и возвращения законным владельцам. До тех пор, пока такой механизм не будет создан, представляется необходимым минимизировать риски необоснованного ограничения права собственности при проведении ОРМ путем усиления ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора. Пока же у собственников, лишенных правомочий владения, пользования и распоряжения принадлежащим им имуществом вследствие его необоснованного изъятия сотрудниками правоохранительных органов, остается лишь возможность гражданско-правовой защиты своего нарушенного права путем предъявления деликтных и (или) виндикационных исков.

Таким образом, институт права собственности имеет межотраслевой характер, и механизм его охраны и защиты должен регулироваться, с одной стороны, с учетом особенностей предмета правового регулирования различных отраслей публичного права, а с другой – быть гармонизирован с гражданским законодательством.

Литература

1. Глазунов Б.Б. Решение об изъятии частной собственности в ходе оперативно-розыскной деятельности // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2012. № 1 (6). С. 37-45.
2. Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: утверждена приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3 (март). С. 44-50.
4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2102-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 1946-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 2164-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 304-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определения Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О, от 15 июля 2008 г. № 628-О-О, от 25 февраля 2011 г. № 261-О-О и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Проект федерального закона № 391683-6 «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: www.https://sozd.duma.gov.ru/bill/391683-6 (дата обращения: 20.06.2021).

Правила предоставления рукописей в журнал

Рукописи предоставляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице – 20 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята **затекстовая библиографическая ссылка**. Затекстовая библиографическая ссылка оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа.

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Литература» приводится после основного текста в алфавитном порядке (один пункт списка – одно наименование). Оформляется он по ГОСТу Р 7.0.5–2008 следующим образом:

а) для периодических изданий даются фамилия и инициалы автора (авторов), название работы, полное или общепринятое сокращенное название журнала (или другого периодического издания), год, номер тома, выпуска (дата – для газеты):

Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1;

б) для книг, монографий, учебников и учебных пособий – фамилия и инициалы автора (авторов), полное название источника, место издания, год издания:

Кауфман И.М. Терминологические словари: библиография. М., 1961;

в) для сборников научных статей и трудов конференций – фамилия и инициалы автора (авторов), название конкретной работы, полное название источника (сборника), место издания, год издания;

Лихачев Д.С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопр. теории и практики: сб. науч. ст. Киев, 1991;

г) для электронных ресурсов – фамилия и инициалы автора (авторов), название конкретной работы, режим доступа, электронный адрес, дата обращения:

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О правовом регулировании оказания интернет-услуг». URL: <http://www.ifar.ru/pr/2005/050426aa.doc> (дата обращения: 21.02.2012);

д) для документов из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке (напр., «Кодекс», «КонсультантПлюс» и т.п.), необходимо указать сведения об ограничении доступности:

Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (ETS № 108) от 28.01.1981 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Каждая статья должна содержать:

- сведения об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес электронной почты);
- заголовок на русском и английском языках;
- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- список литературы.

К статье прикладывается:

- лицензионный договор.

Идентичный вариант статьи высылается по электронной почте: nauka_bui@buiimvd.ru.
